

ТВОРЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

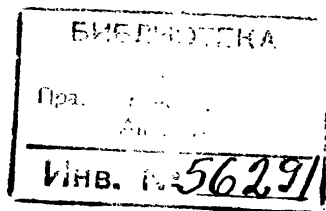
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Томъ СОРОКОВЫЙ.

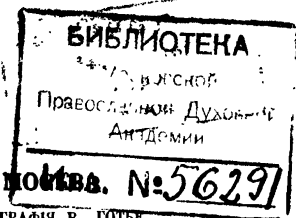

6-3
Т. 83
ТВОРЕНІЯ №. IV

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

56291

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЪЕ.

1862.

10. БОЛЬШОЕ ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ СЛОВО,

РАЗДѢЛЕННОЕ НА Сорокъ главъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Руководителямъ къ благочестивой жизни необходимо огласительное слово, чтобы церковь могла приумножаться отъ приращенія числа спасаемыхъ, когда преподаваемое слово вѣры достигаетъ и до слуха невѣрныхъ. Но не одинъ и тотъ же способъ ученія пригоденъ для всѣхъ приступающихъ къ слову. Напротивъ того надлежитъ соображать оглашеніе съ разностями вѣрованій, имѣя въ виду одну и ту же цѣль слова, но не однообразно пользуясь ведущими къ ней средствами. Ибо иными понятіями предзанять іудействующій, а иными живущій въ эллинизмѣ; Аномей же, Манихей, послѣдователи Маркіона, Валентина, Василида и остальныхъ заблуждающихся по разнымъ ересямъ, поелику каждый изъ нихъ предзанять

собственными своими понятіями, дѣлають необходимымъ вступать въ борьбу съ ихъ собственными предубѣжденіями. Ибо съ родомъ болѣзни соображать должно и способъ врачеванія: не уврачуешь однимъ и тѣмже въ эллинѣ многобожія и въ іудеѣ невѣрія въ единороднаго Бога; и введенныхъ въ заблужденіе ересями не отвратишь однимъ и тѣмже отъ обманчивыхъ ими составленныхъ понятій о догматахъ. Чѣмъ исправилъ бы иный Савелліева послѣдователя, тѣмъ не окажетъ пользы Аномею; споръ съ Манихеемъ не будетъ полезенъ іудею. Но, по сказанному, надлежитъ смотрѣть на предубѣжденія въ людяхъ и вести рѣчь сообразно съ заблужденіемъ каждаго, при всякомъ собесѣдованіи, предварительно излагая нѣкія начала и разумныя требованія, чтобы изъ признаваемаго согласно обѣими сторонами мысль послѣдовательно раскрывалась сама собою.

Посему, когда идетъ собесѣдованіе съ кѣмъ либо изъ эллиниствующихъ, хорошо положить такое начало рѣчи: спросить, предполагаетъ ли онъ, что есть Божество, или согласенъ съ ученіемъ аѳеистовъ? Если утверждаетъ, что Бога нѣтъ; то пусть искусно и премудро распоряжаемымъ въ мірѣ приведенъ будетъ къ признанію, что есть по этому нѣкая сила, показывающая этимъ о себѣ, что она превышаетъ всего. Если же не сомнѣвается, что Богъ

есть, но склоняется на предположеніи множества божествъ; то будемъ съ ними разсуждать въ такомъ порядкѣ: совершеннымъ, или недостаточнымъ признаетъ онъ Божество? И такъ какъ, вѣроятно, естеству Божію припишетъ совершенство, то потребую у него совершенства во всемъ, что умопредставляется въ Божествѣ, такъ чтобы не представлялось оно смѣшаннымъ изъ противоположностей, изъ недостаточнаго и совершеннаго. Но будетъ ли подлежать умозрѣнію относительно къ силѣ, или относительно къ понятію о добрѣ, или относительно къ премудрости, нетлѣнію и вѣчности, и всякому иному боголѣпному представленію, на основаніи сего разсужденія, согласно признаемъ о естествѣ Божіемъ, что во всемъ усматривается совершенство. Когда же будетъ уступлено намъ это, тогда нетруднымъ сдѣлается умъ, развлекаемый множествомъ боговъ, привести къ исповѣданію единаго Божества. Ибо, если соглашается о подлежащемъ признавать оное во всемъ совершеннымъ; утверждаетъ же, что много совершенныхъ, у которыхъ отличительныя черты тѣже; то по всей необходимости долженъ будетъ, у не различающихся никакимъ видоизмѣненіемъ, но представляемыхъ въ однихъ и тѣхже чертахъ, или указать особенность, или, если мысль не находитъ ничего особеннаго, не придумывать различія въ томъ, въ чемъ нѣтъ различаю-

щаго. Ибо, если не отыскиваетъ ни такой разности, что одно больше, другое меньше, такъ какъ понятіе совершенства не допускаетъ меньшинства; ни такой что одно хуже, другое предпочтительнѣе, потому что никто не предположить Божества въ томъ, чему не вовсе чуждо наименованіе худшаго;—ни такой, что одно старо, другое ново, ибо не всегда существующее не подходитъ подъ понятіе о Божествѣ; напротивъ того и самое понятіе о Божествѣ одно, потому что, согласно съ разумомъ, ни въ чемъ не отыскивается никакой особенности: то погрѣшительное представленіе множества боговъ, по всей необходимости, принуждено ограничиться исповѣданіемъ единого Божества. Если равно приписываются благодать и справедливость, премудрость и могущество, однимъ и тѣмже образомъ признаются нетлѣніе и вѣчность, а также всякое благочестивое умопредставленіе; то устраненіемъ всякой во всякомъ отношеніи разности необходимо устраняется изъ догмата мысль о множествѣ боговъ, такъ какъ тожество во всемъ къ единому догмату возводитъ и вѣру.

ГЛАВА I.

Но какъ слово благочестія и въ единствѣ естества усматриваетъ нѣкое различіе вностаей; то, чтобы споромъ съ элистами ученіе

наше не было увлечено въ іудейство, искуснымъ нѣкимъ различеніемъ понятій надлежитъ опять исправить погрѣшность и въ этомъ. И непризнающіе нашего догмата не допускаютъ, что Божество безсловесно. Признаваемаго же ими достаточно къ утвержденію нашего ученія. Ибо кто признаетъ, что Богъ не безсловесенъ, тотъ, безъ сомнѣнія, согласится, что небезсловесный имѣетъ слово. Но подобоименно называется словомъ и человѣческое слово. Посему, если скажетъ, что подобно нашимъ словамъ разумѣтъ и Божіе слово, то слѣдующимъ образомъ возведется къ высшему понятію. По всей необходимости должно вѣрить, что слово, какъ и все прочее, сообразно съ естествомъ. Ибо и въ человѣчествѣ усматриваются нѣкая сила, и жизнь, и мудрость; но по сей подобоименности никто не будетъ представлять себѣ, будто бы въ Богѣ таковыже и жизнь, и сила, и мудрость; напротивъ того, по мѣрѣ нашего естества, умаляется съ нимъ вмѣстѣ и значительность таковыхъ именованій. Поелику естество наше тлѣнно и немощно; то и жизнь посему скорогибнуща, и сила не самостоятельна, и слово летуче. Въ разсужденіи же Естества верховнаго съ величіемъ созерцаемаго въ Немъ возвышается и все утверждаемое о Немъ. Посему о Словѣ Божіемъ будетъ признано, что, хотя называется оно Словомъ, однакоже не имѣетъ сходства съ на-

шимъ словомъ, переходящимъ въ нѣчто неосуществившееся, и не въ одномъ порывѣ произносимаго вся Его вѣпостась. Напротивъ того, какъ наше естество, будучи скоротечнымъ, имѣетъ скоротечное и слово; такъ Естество вѣтѣнное и всегда сущее имѣетъ вѣчное и самостоятельное Слово. Если же въ слѣдствіе сего будетъ признано, что Слово Божіе существуетъ вѣчно, то по всей необходимости должно будетъ признавать, что вѣпостась Слова въ жизни. Ибо не позволительно думать, будтобы Слово, подобно камнямъ, существуетъ неодушевленнымъ. А если существуетъ нѣчто какъ разумное и безплотное; то, конечно, оно живетъ. Если же разлучено съ жизнью, то, безъ сомнѣнія, уже не вѣпостась. Напротивъ того доказано, что нечестиво признавать Божіе Слово невѣпостаснымъ. Итакъ въ слѣдствіе сего доказано также, что Слово сіе должно представлять себѣ въ жизни. Поелику же, по всей вѣроятности, всякой увѣренъ, что естество Слова просто и не показываетъ въ себѣ никакой двойственности и сложности; то никто не будетъ представлять себѣ Слова въ жизни по причастію жизни. Ибо, если утверждать, что одно состоитъ въ другомъ, то такое предположеніе не исключаетъ сложности; напротивъ того, когда признана простота Слова, по всей необходимости, надобно думать, что Слово есть не причастіе жизни, а самая

жизнь. Посему, если Слово живетъ, будучи самою жизнію; то, конечно, имѣетъ силу свободнаго произволенія; потому что ничто немѣющее произволенія не принадлежитъ къ числу живыхъ. Въ слѣдствіе же сказаннаго благочестиво заключить, что произволеніе сіе и могущественно. Ибо если кто не признаетъ могущественнымъ, то симъ самымъ подаетъ, конечно, мысль о безсиліи. Но понятіе о безсиліи далеко отъ понятія о Божествѣ; потому что въ Божественномъ естествѣ не представляется ничего несообразнаго. По всей необходимости силу Слова должно признавать таковою же, каково и предназначеніе, чтобы въ простомъ не оказывалось какого либо смѣшенія и стеченія противоположностей: безсилія и силы, усматриваемыхъ въ одномъ и томъ же предназначеніи, если только на одно достанетъ у Него силы, а для другаго Оно безсильно. Необходимо также признавать, что произволеніе Слова, на все имѣя силу, не имѣетъ наклонности ни къ чему худому; потому что всякое стремленіе къ злу чуждо естеству Божію. Напротивъ того, что есть добраго, всего того хочетъ; а чего хочетъ, то, безъ сомнѣнія, для Него возможно; возможнаго же не оставляетъ Оно неисполнимымъ, но всякое произволеніе сдѣлать доброе приводитъ въ дѣйственность; добро же—міръ и все, что въ немъ оказывается мудраго и искуснаго. Итакъ все

есть дѣло Слова живаго и самостоятельнаго, потому что Оно Слово Божіе,—Слова свободно избирающаго, потому что живетъ, Слова могущаго все, чтó ни избираетъ, Слова избирающаго, безъ сомнѣнія, доброе, премудрое, и чтó только лучше по значенію.

Итакъ, поелику міръ, какъ признано, есть нѣчто доброе, въ предыдущихъ же словахъ доказано, что міръ есть дѣло Слова, свободно избирающаго и имѣющаго силу творить доброе; и сіе Слово есть иное съ Тѣмъ, чье оно Слово (потому что сіе именованіе нѣкоторымъ образомъ есть относительное, и въ реченіи: Слово необходимо надобно подразумѣвать и Отца Слову; не будучи чѣмъ либо словомъ, Оно не было бы и Словомъ); итакъ, если разумѣніе слушающихъ по относительному значенію реченій различаетъ и самое Слово, и Того, отъ Кого Оно; то нѣтъ опасности, что-бы наше таинство, состоя въ противоборствѣ съ эллинскими понятіями, уступило предпочитающимъ іудейское мнѣніе; напротивъ того равно избѣжить оно несообразности въ ученіи и эллиновъ и іудеевъ, исповѣдуя, что есть живое, дѣйственное и творческое Божіе Слово, котораго недопускаетъ іудей, и что неразличны по естеству и самое Слово, и Тотъ, отъ Кого Оно. Какъ о своемъ словѣ говоримъ, что оно отъ ума, несовершенно одно и тоже съ умомъ, и не вовсе иное съ нимъ; поелику

оно отъ ума,—то есть нѣчто иное, а не умъ; а поелику приводить въ обнаруженіе самый умъ, то не можетъ быть представляемо иначе, какъ отъ ума, напротивъ того, будучи одно съ нимъ по естеству, иначе въ подлежащемъ: такъ и Слово Божіе по самостоятельности Своей отличается отъ Того, отъ Кого имѣетъ вѣность; а поелику показываетъ въ Себѣ тоже, что усматривается въ Богѣ, то по естеству есть одно и тоже съ Нимъ, найденнымъ по тѣмъ же самымъ признакамъ. Ибо благодать ли, могущество ли, премудрость ли, вѣчность ли бытія, недоступность ли порока, смерти и тлѣнія, совершенство ли во всемъ, или что либо совершенно сему подобное сдѣлается признакомъ, входящимъ въ понятіе объ Отцѣ, то по тѣмъ же самымъ признакамъ найдешь и существующее отъ Него Слово.

ГЛАВА 2.

Но какъ Слово въ превысшемъ Естествѣ познаемъ по сходству съ нашимъ словомъ; такимъ же образомъ будемъ приведены и къ понятію о Духѣ, въ своемъ естествѣ усматривая нѣкоторыя тѣни и подобія неизреченнаго могущества. Но наше дыханіе есть привлеченіе воздуха, вещества чуждаго намъ, по необходимости втягиваемаго и вливаемаго въ составъ нашего тѣла, и оно-то во время произношенія

нами слова дѣлается голосомъ, который обнаруживается собою силу слова. Благочестиво же думать, что въ естествѣ Божіемъ есть Божій Духъ, такъ какъ признано, что есть Божіе Слово; потому что Слово Божіе не должно быть недостаточнѣе нашего слова; что и послѣдовало бы, еслибы, когда наше слово представляется намъ вмѣстѣ съ духомъ Божіе Слово, по вѣрованію нашему, представлялось безъ Духа. Боголѣпна же и та мысль, что не чуждое, подобно нашему дыханію, отъ насъ втекаетъ и въ Бога, и дѣлается въ Немъ Духомъ. Напротивъ того, какъ, услышавъ о Божіемъ Словѣ, признали мы Слово не чѣмъ либо неупостаснымъ, отъ науки происшедшимъ, съ помощію голоса произносимымъ, и по произнесеніи разсѣивающимся, ни инымъ чѣмъ претерпѣвающимъ подобное тому, что, какъ видимъ, бываетъ съ нашимъ словомъ, но самосущно существующимъ, свободнымъ, дѣйственнымъ и всемогущимъ: такъ наученные и о Духѣ Божіемъ, сопровождающемъ Слово и обнаруживающемъ Его дѣйственность, уразумѣваемъ не дуновение дыханія. Ибо, безъ сомнѣнія, въ уничтоженіе было бы приведено величіе Божіей силы, если бы и въ Богѣ Духъ предположили мы чѣмъ то подобнымъ нашему дыханію. Напротивъ того разумѣемъ самосущую силу, которая сама по себѣ въ особой упостаси представляется, неотдѣлима отъ Бога,

въ которомъ она, и отъ Слова Божія, которое сопровождаетъ, не въ небытіе изливается, но, подобно слову Божию, вѣчно существуетъ, свободна, самодвижна, дѣйствительна, избираетъ всегда доброе, и для всякаго предпріятія имѣетъ сопутственную хотѣнію силу.

ГЛАВА 3.

Посему, кто до точности вникаетъ въ глубины таинства, тотъ хотя объемлетъ душею нѣкое скромное по непостижимости понятіе объ ученіи боговѣдѣнія, не можетъ однакоже уяснить словомъ сей неизреченной глубины таинства: какъ одно и то же и числимо, и избѣгается счисленія; и раздѣльнымъ кажется, и заключается въ единицѣ; и различается по вѣчности, и не дѣлится въ подлежащемъ: и опять иное есть Тотъ, Кто имѣетъ Слово и Духа. Но когда уразумѣешь различаемое въ Нихъ, единство естества недопускаетъ опять раздѣленія, такъ что держава единоначалія не дѣлится, разсѣкаемая на разныя Божества, и ученіе не согласуется съ іудейскимъ догматомъ, но среди двухъ предположеній проходить истина, низлагающая каждую изъ ересей, и изъ каждой заимствующая для себя полезное. Ибо догматъ іудея низлагается исповѣданіемъ Слова и вѣрою въ Духа; а многобожное заблужденіе эллиниствующихъ уничтожается

единствомъ по естеству, отвергающимъ мысль о множествѣ. Но опять, по надлежащемъ исправленіи нечестиваго предположенія въ томъ и другомъ, пусть останутся изъ іудейскаго понятія единство естества, а изъ элинизма одно различіе по вностасямъ. Ибо какъ бы нѣкіимъ исправленіемъ погрѣшающихъ о единомъ есть число Троицы,—а вдающихся въ множество—ученіе о единствѣ.

ГЛАВА II.

Но если іудей прекословитъ сему, то нашъ ему отвѣтъ nebudeтъ для насъ затруднителенъ по собственному его ученію. Ибо обнаруженіе истины почерпается въ догматахъ, въ которыхъ онъ воспитанъ. Что Слово Божіе и Духъ Божій суть самосуцно существующія силы, которыми сотворено все пришедшее въ бытіе, и содержатся всѣ существа, сіе ясно доказывається богодухновенными Писаніями. Но достаточно упомянуть объ одномъ свидѣтельствѣ, отыскиваніе же многихъ предоставитъ болѣе трудолюбивымъ. Сказано: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Ею вся сила ихъ* (Пса. 72, 6.). Какимъ Словомъ и какимъ Духомъ? Слово—не реченіе, и Духъ—не дуновеніе. Ибо неужели подобнымъ нашему естеству человѣкообразно будутъ пред-

ставлять себѣ и Божество, и станутъ учить, что Творецъ вселенной дѣйствуетъ такимъ же, какъ и мы, Словомъ и такимъ же Духомъ? Но произойдетъ ли отъ реченій и отъ дуновенія такая сила, достаточная къ составленію небесъ и силъ небесныхъ? Ибо, если Божіе Слово подобно нашему реченію, и Духъ Божій подобенъ нашему духу; то у подобныхъ, безъ сомнѣнія, и сила подобна; и Божіе Слово имѣетъ столько же силы, сколько и наше. Но не дѣйственны и не вполнѣ дѣйствительны дыханія, исходящія вмѣстѣ съ реченіями. Не дѣйственными и не вполнѣ дѣйственными выдають ихъ, конечно, тѣ, которые Божіе низводятъ до подобія съ нашимъ словомъ. Если же, какъ говоритъ Давидъ, небеса утвердились Словомъ Господнимъ, и силы ихъ возымѣли составъ свой въ Божіемъ Духѣ; то твердо таинство истины, научающее исповѣдывать Слово въ сущности и Духъ въ вполнѣ.

ГЛАВА 5.

Но хотя бытія Божія Слова и Духа равно не оспорить и элиминировать изъ общихъ понятій и іудей на основаніи Писаній; однакоже домогательства Бога Слова по человѣчеству равно не одобритъ каждый изъ нихъ, находя невѣроятнымъ и неприличнымъ утверждать сіе о Богѣ. Посему прекословящихъ изъ другаго

начала убѣдимъ повѣрить и этому. Вѣруютъ ли они, что приведено все въ бытіе Словомъ и премудростію Создавшаго вселенную, или невѣроятно для нихъ и это положеніе? Но если не соглашаются, что созданиємъ существъ управляли Слово и премудрость; то началомъ вселенной поставятъ безсловесіе и неискusstvo. Если же сіе нелѣпо и нечестиво; то, безъ сомнѣнія, соглашаются, что, и по ихъ признанію, управляютъ существами Слово и премудрость. Но въ предшествовавшемъ сему доказано, что Слово Божіе есть не самое сіе реченіе, или отъ какого либо познанія или отъ мудрости происшедшее, но нѣкая по сущности существующая сила, свободно избирающая все доброе и согласно съ избраніемъ имѣющая возможность сдѣлать это. А какъ міръ есть добро, то причина его есть сила вождѣвающая и творящая доброе. Если же самостоятельность всего міра зависитъ отъ силы Слова, какъ показала послѣдовательность рѣчи; то по всей необходимости и для частей міра не должно примышлять какой либо иной причины состава ихъ, кромѣ того же Слова. Которымъ все пришло въ бытіе. Но пожелаетъ ли кто наименовать Его Словомъ, или премудростію, или силою, или Богомъ, или инымъ чѣмъ высокимъ и досточтимымъ, не будемъ о семъ беспокоиться. Ибо какое бы ни было найдено реченіе или имя, указующее на

подлежащее. — означаемое сими звуками есть одно — вѣчная Божія сила, творящая существа, изобрѣтающая дотолѣ неосуществленное, содержащая приведенное въ бытіе, предусматривающая будущее. Итакъ сей Богъ, Слово, Премудрость, Могущество, какъ оказалось по связи рѣчи, есть Творецъ естества человѣческаго, не какою либо необходимостію приведенный къ устроенію человѣка, но по избытку любви приведшій въ бытіе такое живое существо. Ибо не должно было оставаться и свѣту Его незримымъ, и славѣ незасвидѣтельствованною, и благи не неизвѣданною, и всему прочему, что усматривается въ естествѣ Божіемъ, празднымъ, если бы не было наслаждающагося этимъ причастника. Посему, если человѣкъ для того и приходитъ въ бытіе, чтобы содѣлаться причастникомъ Божественныхъ благъ, то по необходимости устрояется такимъ, чтобы ему быть способнымъ къ причастию благъ. Какъ глазъ, по причинѣ естественно сокрытаго въ немъ луча, бываетъ въ общеніи съ свѣтомъ, врожденною силою привлекая ему сродное; такъ необходимо было въ естествѣ человѣческомъ сраствориться чему-то сродному съ Божествомъ, чтобы сообразно съ симъ вожелѣвать ему свойственнаго. Ибо и въ естествѣ безсловесныхъ, что получило въ удѣлъ жить въ водѣ и въ воздухѣ, то и устроено сообразно съ каждымъ родомъ жизни,

такъ что, по извѣстному сложенію тѣла въ томъ и другомъ изъ безсловесныхъ, свойственны и сродны одному воздухъ, другому вода. Такъ и человѣку, приведенному въ бытіе для наслажденія божественными благами, должно было имѣть въ естествѣ что либо сродное съ тѣмъ, чего онъ причастенъ. Посему-то украшенъ онъ и жизнью, и словомъ, и мудростію и всѣми боголѣпными благами, чтобы, по причинѣ каждаго изъ сихъ даровъ, имѣть ему вождельніе свойственнаго. Поелику же въ числѣ благъ, свойственныхъ естеству Божию, находится и вѣчность; то надлежало, безъ сомнѣнія, естеству нашему по устройству своему не быть лишеннымъ удѣла и въ семъ, но имѣть въ себѣ безсмертіе, чтобы, по врожденной ему силѣ, могло познавать превысшее Существо, и вождельвать вѣчности Божіей. Сіе-то и книга міробытія многообъемлющимъ словомъ выразила въ одномъ реченіи, когда говоритъ, что человѣкъ сотворенъ по образу Божию. Ибо въ семъ подобіи по образу заключается, конечно, исчисленіе отличительныхъ чертъ Божества, и къ такому ученію близко, что исторически рассказываетъ о семъ Моисей, въ видѣ повѣствованія предлагая намъ догматы. Этотъ рай, это отличительное свойство плодовъ, вкушеніе которыхъ служитъ не къ наполненію желудка, но даетъ вкушавшимъ вѣдѣніе и вѣчность жизни,—все это согласно

съ тѣмъ, что о человѣкѣ усмотрѣно нами прежде, а именно, что естество его первоначально было доброе и изобиловаало благами.

Но оспаривать, можетъ быть, станеть сказанное, кто смотритъ на настоящее, и подумаетъ обличить это ученіе въ неправдѣ, потому что человѣка видить теперь не въ томъ, но по видимому почти въ противоположномъ состояніи. Ибо гдѣ богоподобіе души? Гдѣ подлежащее страданію тѣло? Гдѣ вѣчность жизни? Человѣкъ смертенъ, страстенъ, скорогибнущъ, по душѣ и по тѣлу расположенъ ко всякому роду страстей. Сіе и подобное сему утверждая объ естествѣ и нападая на это, возражающій положитъ, что предложенное ученіе о человѣкѣ имъ опровергнуто. Но чтобы рѣчь нимаю не уклонилась отъ естественной связи, кратко разсудимъ и объ этомъ. Настоящая несообразность человѣческой жизни не служить достаточнымъ изобличеніемъ, будто бы человѣкъ никогда небылъ въ добромъ состояніи. Поелику онъ есть Божіе дѣло, и Богъ живое существо сіе по благодати привелъ въ бытіе; то никто не въ правѣ такъ думать о томъ, чему причиною созанія была благодать. Напротивъ того иная тому вина, что въ такомъ состояніи мы нынѣ и лишены предпочтительнѣйшаго. Начало же унасъ и для этого опять слова не вѣдъ того, на что согласны возражающіе. Кто сотворилъ человека, бытъ

Гр. Писск. Ч. II.

причастникомъ собственныхъ Своихъ благъ, и въ естествѣ человѣческомъ уготовалъ поводъ ко всѣмъ для него совершенствамъ, чтобы при каждомъ вождѣніи стремилось къ подобному: тогъ не лишилъ бы наилучшаго и драгоцѣннѣйшаго изъ благъ, разумѣю даръ непорочности и свободы. Ибо если бы какая либо необходимость воспреобладала человѣческою жизнию; то съ этой стороны сталъ бы негъ ренъ образъ, по сему несходству сдѣлавшись далекимъ отъ первообраза. Ибо естество, подчиненное и поработенное какимъ либо необходимостямъ, могло ли бы именоваться образомъ естества црственнаго? По сему уподобленію во всемъ Божеству чловѣку должно было, безъ сомнѣнія, имѣть въ естествѣ самовластіе и непороченность, чтобы причастіе благъ было наградою добродѣтели. Итакъ, спросишь, почему же по всему почтенный наилучшими дарами промѣнялъ блага на худшее? Но и на это отвѣтъ ясенъ. Всякое происхожденіе зла имѣло начало не въ Божіемъ изволеніи: потому что порокъ не подлежалъ бы порицанію. Творцемъ и Отцемъ приписывая себѣ Бога. Напротивъ того зло зараждается какъ-то внутри, составляемое свободнымъ произволеніемъ тогда, какъ происходитъ какое-то удаленіе души отъ хорошаго. Ибо какъ зрѣніе есть дѣятельность естества, а слѣпота—лишеніе естественной дѣятельности: такъ и добро-

дѣтель противоположна пороку. Невозможно представить инаго происхожденія пороку, кромѣ отсутствія добродѣтели. Какъ за отъятіемъ свѣта послѣдуетъ мракъ, а при свѣтѣ его нѣтъ: такъ, пока въ естествѣ добро, порокъ самъ по себѣ неосуществимъ; удаленіе же лучшаго дѣлается происхожденіемъ противоположнаго. Итакъ, поелику въ этомъ и состоитъ отличительное свойство свободы, чтобы желаемое избирать свободно; то виновникомъ для тебя настоящихъ золъ не Богъ, устроившій естество нерабственное и независимое, но неразуміе, вмѣсто хорошаго избравшее худое.

ГЛАВА 6.

Но спросишь, можетъ быть, и о причинѣ грѣха по произволу. Ибо къ этому ведетъ связь рѣчи. Итакъ опять найдется у насъ основательное нѣкое начало, изъ котораго объяснится и этотъ вопросъ. Таково нѣкое ученіе, принятое нами отъ отцевъ. И ученіе сіе не баснословное сказаніе, но въ самомъ естествѣ нашемъ почерпаетъ свою вѣроятность. Двойное нѣчто примѣчается въ существахъ; такъ какъ взглядъ на нихъ дѣлится на умственный и чувственный. И кромѣ сего въ естествѣ существъ не можетъ оставаться ничего неподходящаго подъ это раздѣленіе. Сіи-то виды

существъ различаются между собою великою средою, такъ что ни чувственное не имѣтъ признаковъ умственныхъ, ни умственное чувственныхъ, а напротивъ того каждое отличается противоположными чертами. Ибо естество умственное есть нѣчто безплотное, не-осязаемое, не имѣющее вида: а чувственное, по самому имени, подлежитъ наблюденію чувствъ. Но какъ въ самомъ чувственномъ мірѣ, при великомъ взаимномъ прогнѣніи стихій, примѣтна нѣкая стройность, устанавливаемая изъ противоположнаго тою Премудростию, Которая правитъ вселенною, и такимъ образомъ во всей твари происходитъ согласіе съ самой собою, и союзъ единодушія нимаю не расторгается естественнымъ противленіемъ: такъ, подобно сему, по Божіей премудрости происходитъ нѣкое смѣшеніе и сраствореніе чувственного съ умственнымъ. такъ что все въ равной мѣрѣ бываетъ причастно прекраснаго, и ни одно изъ существъ не остается безъ удѣла въ наилучшемъ естествѣ. Посему соотвѣтственная умственному естеству область есть тонкая, разумная, удободвижная сущность, по преміруму жребію въ собственномъ естествѣ имѣющая великое сродство съ умственнымъ. Но по наилучшему промышленію и съ естествомъ чувственнымъ бываетъ нѣкое сраствореніе умственного, чтобы въ твари, какъ говорить Апостолъ, *ничтоже было от-*

метно (1 Тим. 4, 4.) и лишено Божественнаго общенія. Посему-то смѣсь изъ умственнаго и чувственнаго указывается естествомъ Божиимъ въ человѣкѣ, какъ научаетъ книга міробытія. Ибо сказано: *взель персть отъ земли, созда Богъ человека* (Быт. 2, 7.), и собственнымъ Своимъ вдуновеніемъ сообщилъ созданію жизнь, чтобы земное превознеслось съ божественнымъ, и единая нѣкая благодать равночестно проходила по всей твари, при раствореніи дожняго естества съ естествомъ премірнымъ. Итакъ, поелику умная тварь осуществлена прежде, и каждая изъ ангельскихъ силъ по Власти правящей всѣмъ снабжена нѣкою дѣятельностію къ составленію вселенной; то была нѣкая сила, поставленная содержать надземную страну и обладать ею, на сіе самое укрѣпленная тою Силою, Которая домостроительствуетъ во вселенной. Потомъ уготована земная тварь, изображеніе горней силы (и это живое существо—человѣкъ, въ которомъ боговидная лѣпота умственнаго естества срастворена съ неизреченною нѣкою силою); и тотъ, кому дано въ удѣлъ смотрѣніе надъ всѣмъ надземнымъ, признаетъ для себя опаснымъ и несноснымъ, если изъ подручнаго ему естества окажется кабая сущность, уподобляющаяся превысшему достоинству.

Но какъ въ страсть зависти впалъ тотъ, кто вовсе не для зла сотворенъ Создавшимъ все-

ленную по благости, описывать сіе въ подробности не входить въ настоящій трудъ; а для невѣрующихъ можно будетъ и кратко предложить о семъ слово.

Различіе добродѣтели и порока представляется, не какъ различіе качествъ либо двухъ вностасныхъ явленій. Напротивъ того, какъ несуществующему противопоставляется существующее, и нельзя сказать, будто бы несуществующее вностасно отличается отъ существующаго, утверждаемъ же, что небытіе противоположно бытію; такимъ же образомъ и порокъ противоположенъ понятію добродѣтели, не какъ что либо само по себѣ существующее; но какъ нѣчто разумѣемое подъ отсутствіемъ лучшаго. И какъ говоримъ, что зрѣнію противоположна слѣпота, подъ слѣпотою разумѣя не что либо само по себѣ въ естествѣ существующее, но лишеніе предшествующей способности: такъ утверждаемъ, что и порокъ усматривается въ лишеніи добра, какъ бы нѣкая тѣнь появляющаяся по удаленіи луча. Посему такъ какъ естество несозданное не допускаетъ до себя движенія, сопровождаемаго превращеніемъ, преложеніемъ, измѣненіемъ, все же осуществленное твореніемъ въ сродствѣ съ измѣненіемъ; потому что и самая вностасть твари начата измѣненіемъ, тѣмъ, что Божественною силою несуществующее преложено въ существующее, а созданною была

и упомянутая сила, свободнымъ движеніемъ избирающая угодное ей; то, поелику смежила она разумѣніе для добраго и чуждаго зависти, подобно закрывшему вѣждами взоры и въ солнцѣ усматривающему тму, по тому самому, что незахотѣла уразумѣть доброе, уразумѣла противное доброму; и это зависть. Неоспоримо же, что начало каждой вещи есть причина непосредственно за нею происходящаго. Напримѣръ, слѣдуютъ за здравіемъ благосостояніе, дѣятельность, жизнь въ удовольствіи, за болѣзнію—немошь, недѣятельность, жизнь скучная; а равно и все прочее—непосредственно за своимъ началомъ. Посему, какъ безстрастіе служить началомъ и основаніемъ жизни добродѣтельной; такъ отъ зависти происшедшая склонность къ пороку стала путемъ ко всякому въ слѣдъ за нею оказавшемуся злу. Ибо кто однажды возымѣлъ склонность къ злу, отвращеніемъ отъ благодати породивъ въ себѣ зависть, тотъ, подобно камню, который, отторгаясь отъ вершины горы, собственною тяжестію гонится по скату, и самъ разорвавъ естественныя связи съ добромъ, отяготѣвъ и преклонившись къ пороку, самовольно, какъ бы бременемъ какимъ увлеченный, доходить до крайняго предѣла лукавства, и послѣ того, какъ силу разумѣнія, какую отъ Сотворшаго имѣлъ въ содѣйствіе къ причастію лучшаго, содѣлалъ содѣйственницею

къ изобрѣтенію злобныхъ примышленій. коварно съ обманомъ приступаетъ къ человѣку; убѣдивъ его самому себѣ нанести смерть и стать самоубійцею. И какъ человѣкъ, усиленный Божіимъ благословеніемъ, великъ былъ по достоинству, потому что поставленъ былъ царствовать надъ землею и надъ всѣмъ, что на ней: имѣлъ прекрасный видъ, потому что содѣлался образомъ лѣноты первообразной; безстрастенъ былъ по естеству, потому что былъ подобіемъ Безстрастнаго; исполненъ же дерзновенія, лицомъ къ лицу наслаждаясь самымъ богоявленіемъ, сіе же въ противникѣ разжигало страсть зависти, а невозможно ему было какимъ либо усиленіемъ и по принужденію произвести что хотѣлось, потому что сила Божія благословенія превозмогала его принужденіе; то ухищряется по этому сдѣлать человѣка отступникомъ отъ укрѣпляющей его силы, чтобы сталъ онъ удобоуловимымъ для его злокозненности. И какъ въ свѣтильникѣ, когда свѣтильня объята огнемъ, если кто, неимѣя силъ погасить пламень дуновеніемъ, примѣшаетъ къ маслу воду, то этою выдумкою ослабитъ пламень: такъ и сопротивникъ, обманомъ примѣшавъ къ человѣческому произволенію пороки, сдѣлалъ, что стало угасать и ослабѣвать благословеніе, съ оскуденіемъ котораго по необходимости входитъ противоположное. Противопологается же, какъ жизни—

смерть, силѣ—немошь, такъ благословенію—проклятіе . дерзновенію — стыдъ , и всякому благу — разумѣемое противоположно. Посему-то теперь, когда оное начало послужило поводами къ таковому концу, человѣчество видимъ среди настоящихъ зомъ.

ГЛАВА 7.

И никто да не спрашиваетъ: ужели Богъ, предвидя человѣческое бѣдствіе, какое постигнетъ людей по неблагоразумію, приступилъ къ созданію, тогда какъ человѣку, можетъ быть, было бы полезнѣе неприходить лучше въ бытіе, нежели пребывать во злѣ. Ибо сіе въ основаніе заблужденія своего полагаютъ вовлеченные въ обманъ манихейскими догматами, будто бы доказывая симъ, что Творецъ естества человѣческаго не добръ. Если, хотя и ничего не знаетъ Богъ о существующемъ, однакоже человѣкъ во злѣ; то не устоитъ понятіе о благодти Божіей, если только Богомъ введенъ въ жизнь человѣкъ, который имѣлъ жить во злѣ. Ибо, если добраго естества и дѣятельность непремѣнно добрая, то скорбная и скорогнбнущая жизнь сія, говорятъ противники, не можетъ быть признана созданіемъ Добраго. Напротивъ того виновникомъ таковой жизни надобно полагать пнаго, имѣющаго естество склонное къ недоброму. Все это и

подобное сему для глубоко пріившихъ въ себя, подобно обманчивой какой-то краскѣ, еретическое это обольщеніе, по причинѣ видимой вѣроятности, имѣть. кажется, нѣкоторую силу; но для болѣе проникающихъ въ истину, ясно усматривается, какъ это не твердо, и какимъ подручнымъ служить указаніемъ обмана. И мнѣ кажется, хорошо будетъ Апостола представить въ этомъ защитникомъ сего имъ извиненія. Ибо въ посланіи къ Коринѳянамъ различаетъ плотскія и духовныя состоянія душъ, показывая, думаю, словами своими, что хорошее или худое надлежитъ оцѣнивать не чувствомъ, но, поставивъ умъ внѣ тѣлесныхъ явленій, естество хорошаго и противоположнаго тому обсуживать само въ себѣ. Ибо *духовный*, сказано у Апостола, *восстязуетъ вся* (1 Кор. 2, 15.). У распространяющихъ подобныя сказаннымъ выше ученія причиною измышленія оныхъ могло, думаю, послужить то, что, ограничивая доброе пріятностію тѣлеснаго наслажденія (поелику естество тѣла, будучи сложнымъ и близкимъ къ разложенію, по необходимости подлежитъ страданіямъ и недугамъ, и за таковыми страданіями послѣдуетъ такое же болѣзненное нѣкое чувство), думаютъ они, что сотвореніе человека есть дѣло недобраго; такъ что, если бы мысленный взоръ ихъ простерся выше, и отвратя умъ отъ расположенія къ удовольствіямъ, безстрастно воз-

зрѣли они на естество существъ, то признали бы, что зло не иное что есть, какъ порокъ. Всякій же порокъ, не какъ что либо само по себѣ существующее и оказывающееся самостоятельнымъ, имѣетъ ту отличительную черту, что онъ есть недостатокъ добра. Ибо въ свободнаго произволенія нѣтъ никакого самобытнаго зла: но зло потому и называется зломъ, что оно не добро; несуществующее же не состоялось; а создателемъ несостоявшагося не есть Создатель существъ состоятельныхъ. Слѣдовательно не причина злѣ—Богъ, Творецъ существъ, а не того, что не существуетъ, Создавшій зрѣніе, а не слѣпоту, добродѣтель, а не лишеніе оной указавшій въ подвигъ произволенію, живущимъ добродѣтельно предположившій благій конецъ, и тому, что угодно Ему самому, подчинившій естество человѣческое не какимъ либо необходимымъ принужденіемъ, какъ одушевленный нѣкій сосудъ, невольно привлекая его къ хорошему. Но если, когда въ ясную погоду чисто сіяетъ свѣтъ, добровольно кто либо заслоняетъ зрѣніе вѣкамъ; то не солнце причиною того, что человѣкъ невидитъ.

ГЛАВА 8.

О негодующихъ на то, что человекъ умираетъ, тогда какъ это служить больше въ благодѣніе человеку, а потому и смерть.

Но негодуешь, конечно, у кого въ виду разрушеніе тѣла, и тяжело ему дѣлается, что жизнь наша сокрушается смертію. Итакъ въ горестномъ этомъ событіи да усматривается преизбытокъ Божія благодѣянія: ибо это скорѣе, можетъ быть, приведетъ его въ удивленіе милостивой попечительности Божіей о человѣкѣ. Желательно жить причастнымъ жизни по наслажденію вожделѣннымъ. А если кто проводитъ жизнь въ мученіяхъ; то таковой признаетъ для себя болѣе предпочтительнымъ не существовать, нежели существовать и страдать. Посему изслѣдуемъ: имѣетъ ли что иное въ виду Податель жизни, кромѣ того, чтобы жизнь наша была для насъ, какъ можно, лучшею?

Поелику свободнымъ движеніемъ вовлеки мы себя въ общеніе съ зломъ, съ какимъ-то удовольствіемъ, какъ бы отраву какую, приправленную медомъ, примѣшавъ къ естеству зло, а чрезъ это лишившись блаженства, которое, какъ представляемъ, въ томъ и состоитъ, чтобы не страдать, преобразились въ порокъ: то по сей причинѣ человекъ, подобно

какому-то скудельному сосуду, опять разлагается въ землю, чтобы, по отдѣленіи воспринятой имъ нынѣ скверны, воскресеніемъ могъ быть возсозданъ въ первоначальный видъ. Таковъ же догматъ излагаетъ намъ Моисей исторически и загадками. Впрочемъ и въ загадкахъ заключающееся ученіе ясно. Ибо говоритъ онъ, что, когда первые чело^вѣки коснулись запрещеннаго, и обнажили себя отъ онаго блаженства, тогда Господь, налагаетъ на первозданныхъ *ризы кожины* (Быт. 3, 21.), какъ мнѣ кажется не къ сему именно козамъ обращая смыслъ рѣчи (ибо съ какихъ заклан- ныхъ животныхъ сняты кожи, и примышлено одѣяніе людямъ?): но поелику всякая кожа, отдѣленная отъ животнаго, мертва; то думаю, что послѣ сего Врачующій нашу порочность, чтобы не навсегда въ насъ оставалась она, конечно промыслительно, наложилъ на людей возможность умирать, которая была отличіемъ естества безсловеснаго. Ибо риза есть нѣчто совнѣ на насъ налагаемое, служащее тѣлу на временное употребленіе, несродняющееся съ естествомъ. Посему, по особому смотрѣнію, съ естества безсловесныхъ перенесена мерт- вость на естество, сотворенное для безмер- тія, покрываетъ его внѣшность, а не внутрен- ность, объемлетъ чувственную часть чело^вѣка, но не касается самаго Божія образа. Да и чувственное разлагается, а не уничтожается:

ибо уничтоженіе есть превращеніе въ ничто, а разложеніе есть разрѣшеніе опять на тѣ стихіи міра, изъ которыхъ вещь составилаь. Но что въ сихъ стихіяхъ, то не погибло, хотя и избѣгло отъ постиженія нашего чувства. Причина же разложенія явна изъ приведеннаго нами примѣра. Послику чувственность въ свойствѣ съ дебелимъ и земнымъ; лучшая же и высшая оцѣнка прекраснаго по одобренію чувствъ стала погрѣшительною, а погрѣшность въ оцѣнкѣ прекраснаго произвела оуществленіе противоположнаго состоянія; то часть насъ самихъ, содѣлавшаяся нецѣлостною, разлагается отъ принятія въ себя противнаго. Примѣръ же выражается такъ: положи, что составленъ изъ брѣніи иѣкій сосудъ, и по какому-то умышленію наполненъ растопленнымъ свинцомъ; влитый же въ него свинецъ отвердѣлъ, и остается такимъ, что не можетъ быть вылитъ; но хозяинъ сосуда хочетъ сдѣлать его годнымъ для себя; зная же скудельное искусство, околачиваетъ съ свинца черепки, а потомъ опять для собственнаго употребленія дѣлаетъ сосудъ въ прежнемъ видѣ, ненаполненный примѣшаннымъ веществомъ. Такъ и Создатель нашего сосуда, поелику къ чувственной части, разумѣю тѣло, примѣшался порокъ, разложивъ все вещество, принявшее въ себя зло, и снова воссоздавъ въ воскресеніи безъ примѣси противнаго, возстановляетъ

сосудъ въ первобытную доброту. Но какъ связь нѣкоторая и общеніе грѣховныхъ страстей бываетъ въ душѣ и тѣлѣ, то есть нѣкое сходство смерти тѣлесной съ душевною смертію; ибо какъ въ плоти смертію называемъ удаление жизни чувственной, такъ и въ душѣ отлученіе жизни истинной именуемъ смертію же. Посему, такъ какъ, по сказанному прежде, одно нѣкое есть общеніе зла, усматриваемое въ душѣ и тѣлѣ (потому что зло приходитъ въ дѣйствіе чрезъ душу и чрезъ тѣло); то смерть разложенія, въ слѣдствіе наложенія мертвыхъ кожъ, не касается души: ибо какъ можетъ разложиться то, что не сложно? А поелику есть потребность, чтобы какими либо врачеваніемъ и отъ души отъяты были приросшія къ ней отъ грѣховъ скверны; то поэтому въ настоящей жизни для уврачеванія таковыхъ ранъ предложено врачевство добродѣтели; если же душа остается неуврачеванною, то сберегается для нея врачеваніе въ жизни будущей. Но какъ въ тѣлесныхъ страданіяхъ есть нѣкоторыя разности: одни изъ нихъ удобно, а другія съ трудомъ, принимаютъ врачеваніе, и къ прекращенію укоренившагося въ тѣлѣ страданія употребляются рѣзанія, прижиганія и горькія лѣкарства, такъ подобное нѣчто къ уврачеванію душевныхъ недуговъ общается и будущій судъ. Для людей слабыхъ это — угроза и возстаніе печалей,

чтобы страхомъ болѣзненнаго воздаянія уцѣломудрились мы до избѣжанія порока: а, по вѣрѣ людей болѣе смысленныхъ, это—врачеваніе и цѣльба отъ Бога, возводящаго тварь Свою въ первоначальную благодать. Какъ тѣ, которые рѣзаніемъ, или прижиганіемъ, сводятъ съ тѣла неестественно выросшія мозоли и бородавки, не безъ мученія оказываютъ уврачеваніе благодѣтельствуемому, однакоже не ко вреду терпящаго производить рѣзаніе: такъ и всѣ вещественныя излишества, какія ожестѣваютъ на душахъ нашихъ, оплотнявшихъ отъ общенія со страстями, во время суда обрѣзываются и изглаждаются неизреченною оною мудростію и силою Врачующаго болящихъ, какъ говоритъ евангеліе, по сказанному: *не требуютъ здравіи врача, но болящии* (Матѳ. 9, 12.).

Поеликуже въ душѣ произошло великое сродство съ зломъ: то какъ срѣзываніе зудящей бородавки колетъ поверхность тѣла (ибо сверхъ естества съ естествомъ сросшееся какимъ-то сочувствіемъ связуется съ подлежащимъ и происходитъ странное нѣкое сраствореніе чуждаго съ нашимъ, такъ что чувство, разлучаясь съ неестественнымъ, уязвляется и болитъ); такъ, когда душа измождается и, какъ говоритъ нѣгдѣ пророчество, *истаяваетъ въ обличеніяхъ* (Пса. 38, 12.) о грѣхѣ, тогда, по причинѣ глубоко проникшаго свойства съ зломъ, необходимо послѣдуютъ за симъ нѣ-

кія несказанныя и невыразимыя болѣзни, описаніе которыхъ неизобразимо словомъ, въ той же мѣрѣ, какъ и естество чаемыхъ благъ. Ибо и тѣ и другія не подчиняются силѣ словъ, и недоступны гаданію разума. Посему, кто взираетъ на ту цѣль, какая у премудрости Домостроительства во вселенной, тотъ никакъ не найдетъ основанія Зиждителя чело-вѣковъ по малодушію наименовать виновникомъ золъ, говоря, что Онъ или не знаетъ будущаго, или и знаетъ, но сотворилъ чело-вѣка не безъ наклонности къ недоброму: потому что, и зная будущее, неостановилъ стремленія къ тому, что дѣлается. Ибо, что чело-вѣчество уклонится отъ добра, не не зналъ сего Тотъ. Кто все содержитъ силою прозорливости, и наравнѣ съ прошедшимъ, видитъ будущее. Но какъ видѣлъ Онъ уклоненіе, такъ разумѣлъ и воззваніе чело-вѣка снова къ добру. Посему, что было лучше? вовсе ли не приводить въ бытіе нашего рода, такъ какъ предвидѣлъ, что въ будущемъ погрѣшится противъ прекраснаго, или приведя въ бытіе, и заболѣвшій нашъ родъ снова воззвать въ первоначальную благодать? По причинѣ же тѣлесныхъ страданій необходимо постигающихъ насъ по скоротечности естества, именовать Бога творцемъ золъ, или вовсе не признавать Его создателемъ чело-вѣка, чтобы не могъ быть почитаемъ виновникомъ того, что при-

чиняетъ намъ мученіе, — это знакъ крайняго малодушія въ оцѣнивающихъ добро и зло чувствомъ, которые не знаютъ, что по естеству добро только то, чего некасается чувство, а зло — одно только отчужденіе отъ добра. Различать же добро и зло по трудамъ и удовольствіямъ свойственно естеству безсловесному; у безсловесныхъ уразумѣніе истинно хорошаго не имѣетъ мѣста, потому что непричастны они ума и мысли.

А что человѣкъ есть прекрасное Божіе дѣло, и приведенное въ бытіе для болѣе еще прекраснаго, это явно не только изъ сказаннаго, но и изъ тысячи другихъ свидѣтельствъ, которыхъ множество по ихъ безчисленности перейдемъ молчаніемъ. Наименовавъ же Бога творцемъ человѣка, не забыли мы, о чемъ разсуждали въ началѣ, обращаясь къ эллинамъ, гдѣ нами было доказано, что Божіе Слово, какъ самосущное и вѣчное, вмѣстѣ есть и Богъ, и Слово, сообъемлющее всю творческую силу, лучше же сказать, Оно — Самая сія сила, имѣетъ стремленіе ко всякому дѣлу доброду, приводить въ исполненіе все, чего ни пожелаешь, потому что Его хотѣнію содѣлывается сила: Его изволеніе и дѣло есть жизнь существъ; Имъ приведенъ въ жизнь и человѣкъ, богоподобно украшенный всѣми лѣпотами. Поелику же по естеству неизмѣнно только то, что не какъ сотворенное имѣетъ

бытіе: а что несозданнымъ естествомъ произведено изъ несуществующаго, то, прямо начавъ бытіе превращеніемъ, всегда продолжаетъ измѣняться, будетъ ли оно поступать согласно съ естествомъ. когда измѣненіе направлено непрестанно къ лучшему, или совратится съ прямаго пути, когда послѣдуетъ движеніе въ противоположную сторону. И такъ, поелюку къ созданнымъ принадлежитъ и человѣкъ, то перемѣнчивость естества поопознулась у него въ противоположную сторону. А какъ едино-кратное удаленіе отъ благъ послѣдовательно вводитъ всѣ виды золъ, такъ что отвращеніемъ отъ жизни введена смерть, съ оскудѣніемъ свѣта произошла тма, по отсутствіи добродѣтели она замѣщена порокомъ, и по отсутствіи какого либо цзъ благъ зачислено его мѣсто въ списокъ противоположнымъ; то человѣка, въ такія и подобныя бѣдствія впавшаго по неразумію (невозможно было и сохранить благоразуміе отвратившемуся отъ благоразумія. и восхотѣть чего либо мудраго удалившемуся отъ мудрости), кому должно было снова воззвать къ первоначальной благодати? Кому приличествовало исправленіе падшаго, или воззваніе погибшаго, или руководство заблудшаго? Кому другому, конечно, какъ не Господу естества? Ибо одному только давшему жизнь въ началѣ возможно и вмѣстѣ прилично было и воззвать и жизнь погибаю-

шую. Сіе-то и слышимъ въ таинствахъ истины научаемые, что Богъ сотворилъ челоуѣка въ началѣ, и спасъ его, когда палъ.

ГЛАВА 9.

Но касательно изложеннаго доселѣ возражающей, смотря на связь рѣчи, согласится, можетъ быть, съ ученіемъ, потому что въ сказанномъ, по видимому, нѣтъ ничего чуждаго богоугодному образу мыслей. Но не съ такимъ расположеніемъ приметъ, что слѣдуетъ далѣе, и чѣмъ наиболѣе усиливается таинство истины. Человѣческое рожденіе, возрастаніе отъ младенчества до совершеннолѣтія, вкушеніе, питіе, утомленіе, сонъ, печаль, слезы, оклеветаніе, судилище, крестъ, смерть, положеніе во гробъ,—все сіе, входя въ составъ таинства, ослабляетъ какъ то вѣру людей низкаго образа мыслей, такъ что они въ слѣдствіе сказаннаго прежде не принимаютъ и того, что говорится въ послѣдствіи. Не допускается и богоугодная мысль о воскресеніи изъ мертвыхъ по неприличію понятія о смерти. Но думаю, что, освободивъ нѣсколько помыслъ отъ плотской дебелости, должно напередъ уразумѣть о хорошемъ и нехорошемъ, что это такое само по себѣ, и по какимъ признакамъ понимается то и другое. Ибо никто изъ людей разсудительныхъ, конечно, не станетъ противорѣчить,

что по природѣ одно только изъ всего постыдно, именно, порочная страсть; въ чемъ же нѣтъ порока, то чуждо всякаго срама. А къ чему не примѣшано ничего противоположнаго, то, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу хорошаго, и истинно хорошее не имѣетъ примѣси противоположнаго. Все же, что усматривается въ области хорошаго, боголѣпно. Посему пусть или докажутъ, что рожденіе, воспитаніе, возрастаніе, постепенное усовершеніе естества, испытаніе смерти, возвращеніе отъ смерти, суть пороки; или, если соглашаются, что исчисленное не принадлежитъ къ порокамъ, то по необходимости признають, что чуждое порока нимаю не постыдно. Когда же доказано, что, безъ сомнѣнія, сіе хорошо; не жалки ли по своему неразумію утверждающіе, будто бы хорошее не боголѣпно?

ГЛАВА 10.

Но скажутъ: естество человѣческое мало и ограничено, а Божество безпредѣльно; какъ же безпредѣльное можетъ быть объято атомомъ? Но кто говоритъ, будто бы ограниченностію плоти, какъ бы сосудомъ какимъ, объята безпредѣльность Божества? И во время нашей жизни духовное естество не бываетъ заключено внутри предѣловъ плоти. Напротивъ того тѣлесный объемъ ограничивается соб-

ственными частями: а душа движеніями мысли свободно простирается по всей твари, возносясь до небесъ, погружаясь и въ бездны, проходя всю широту вселенной, съ пытливіостию ума проникая въ подземелья; а нерѣдко касается мыслию и небесныхъ чудесъ, неотягощаясь бременемъ тѣла. Если же душа человѣка, необходимо естества соединенная съ тѣломъ, свободно бываетъ всюду: то какая необходимость утверждать, будтобы Божество стѣсняется естествомъ плоти, и по доступнымъ нашему разумѣнію примѣрамъ не составить о Божественномъ домоостроительствѣ какой либо приличной догадки? Какъ въ свѣтильникѣ усматривается огонь, объявній собою подложенное вещество, и Слово различаетъ огонь на веществѣ и вещество воспламеняющее огонь, на самомъ же дѣлѣ нельзя отдѣливъ это одно отъ другаго, показать пламень самъ по себѣ, въ отдѣльности отъ вещества: напротивъ того и пламень и вещество составляютъ изъ себя одно: такъ (въ этомъ примѣрѣ никто да не принимаетъ въ разсмотрѣніе истребительную силу огня . а напротивъ того, взявъ въ образѣ одно то, что прилично, да отринетъ несвойственное и не-соотвѣтственное), подобно тому, что пламень, какъ видимъ, зависить отъ подложеннаго вещества и не заключается въ веществѣ, что препятствуетъ, представивъ себѣ единеніе и

сближеніе Божескаго естества съ человѣчествомъ, и при сближеніи этомъ сохранить боголѣпную мысль, увѣровавъ, что Божество, хотя было и въ человѣкѣ, неподлежало никакому ограниченію?

ГЛАВА II.

Если же спрашивается: какъ Божество соединяется съ человѣчествомъ? то смотри, прежде слѣдуетъ тебя спросить: какое средство у души съ плотію? Если же неизвѣстенъ способъ соединенія души твоей съ тѣломъ: то, конечно, не должно тебѣ думать, чтобы и то стало доступно твоему постиженію. Но какъ здѣсь и увѣрены мы, что душа есть нѣчто иное съ тѣломъ, потому что плоть, разъединенная съ душою, дѣлается мертвою и бездѣйственною, и не знаемъ способа соединенія: такъ и тамъ, хотя признаемъ, что естество Божеское велелѣнно отличается отъ естества смертнаго и скоротечнаго, однакоже невмѣстимо для насъ уразумѣніе способа, какимъ Божество соединяется съ человѣчествомъ. Напротивъ того, что Богъ родился въ естествѣ человѣка, несомнѣваемся въ этомъ по причинѣ повѣствуемыхъ чудесъ, но отказываемся изслѣдывать, какъ родился, потому что сіе выше доступнаго помысламъ. Ибо вѣруя, что всякое тѣлесное и умственное бытіе осуществлено

естествомъ безплотнымъ и несозданнымъ, вмѣстѣ съ вѣрою въ это не входимъ въ изслѣдованіе, изъ чего и какъ осуществлено. Но принимая, что приведено въ бытіе, оставляемъ неизвѣданнымъ тотъ способъ, какимъ составила вселенная, какъ вовсе несказанный и неизъяснимый.

ГЛАВА 12.

А кто требуетъ доказательствъ на то, что Богъ явился намъ во плоти, тотъ пусть обратитъ взоръ на силу. Ибо и вообще, что есть Богъ, на сіе едвали имѣетъ кто другое доказательство при свидѣтельствѣ дѣлъ. Посему какъ, взирая на вселенную, разсматривая законы домостроительства въ мірѣ, благодѣянія, свыше оказываемыя нашей жизни, понимаемъ, что выше всего есть нѣкая сила, которая творитъ совершающееся и охраняетъ существа: такъ и въ разсужденіи явившагося намъ во плоти Бога достаточнымъ доказательствомъ Божественнаго пришествія признаемъ многодѣйственныя чудеса, въ описанныхъ дѣлахъ открывъ все, чѣмъ отличается естество Божіе. Божіе дѣло—оживотворять людей; Божіе дѣло—охранять существа промысломъ; Божіе дѣло—подавать пищу и питіе получившимъ въ удѣлъ плотскую жизнь; Божіе дѣло—благодѣтельствовать нуждающемуся; Божіе дѣло—истощенное

немощию естество снова возвратить въ себя здоровіемъ; Божіе дѣло—равно обладать всею тварію: землею, моремъ, воздухомъ, надвоздушными пространствами. Божіе дѣло—на все имѣть довѣяющую силу, и прежде всего быть сильнѣе смерти и тлѣнія. Посему, еслибы въ сказаніи о воплотившемся Богѣ недоставало чего либо изъ этого: то чуждые нашей вѣры по праву отвергали бы наше таинство. А если все, изъ чего составляется понятіе о Богѣ, усматривается въ сказаніяхъ о Немъ; что препятствуетъ вѣрѣ?

ГЛАВА 13.

Но говорятъ: рожденіе и смерть свойственны естеству плотскому. И я говорю тоже. Но что прежде рожденія, и что послѣ смерти, въ томъ нѣтъ ничего общаго съ нашимъ естествомъ. Ибо, взирая на оба предѣла человеческой жизни, знаемъ, съ чего начинаемъ, и чѣмъ оканчиваемъ. Человѣкъ, начавъ бытіе страданіемъ, страданіемъ и довершаетъ. А тамъ и рожденіе началось не страстію, и смерть кончилась не страданіемъ: ибо и рожденію не предшествовало чувство удовольствія, и за смертію не послѣдовало тлѣніе. Не вѣришь ты чуду? Радуюсь этому невѣрію. Тѣмъ самымъ, что рассказываемое тебѣ почитаешь превышающимъ вѣру, признаешь, конечно, что чу-

деса сіи сверхъестественны. Посему доказательствомъ божественности Явившагося да будетъ тебѣ это самое, что проповѣдь сообщаетъ не событія естественныя. А если бы повѣствуемое о Христѣ заключалось въ предѣлахъ естества, то гдѣ было бы Божественное? Если же слово превышаетъ естество; то самое, чему не вѣринь, для тебя доказательство, что проповѣдуемый есть Богъ. Человѣкъ рождается отъ супружеской четы, а по смерти предается тлѣнню. Если бы проповѣдь заключала въ себѣ это; конечно, не подумалъ бы ты, что тотъ, въ комъ засвидѣтельствованы отличительныя свойства нашего естества, есть Богъ. Поселику же слышишь, что, хотя Онъ родился, однакоже и способомъ рожденія, и гѣмъ, что недопустилъ до себя измѣненія чрезъ тлѣніе, выступилъ изъ общихъ съ естествомъ нашимъ предѣловъ; то въ слѣдствіе сего хорошо будетъ обратить невѣріе на другое, не почитать Его однимъ изъ видимыхъ въ природѣ человѣкомъ. Кто не вѣритъ, что таковой есть человѣкъ, тотъ, по всей необходимости, приведенъ будетъ къ вѣрѣ, что Онъ есть Богъ. Ибо повѣствовавшій, что Онъ родился, повѣствовалъ вмѣстѣ, что и родился такъ пменно. Посему, если въ слѣдствіе сказаннаго вѣрно, что Онъ родился: то по этому же самому, конечно, не невѣроятно и то, что родился именно такъ. Ибо сказавшій о рожде-

ніи присовокупилъ, что родился отъ Дѣвы. И упомянувшій о смерти засвидѣтельствовалъ и о воскресеніи по смерти. Посему если по слышному допускаешь, что родился, и умеръ: то по тому же самому допустишь, конечно, что и рожденіе и смерть Его изъяты отъ страданія. Но это выше естества, слѣдственно не въ предѣлахъ естества, конечно, и Тотъ. Кто оказывается родившимся сверхъестественно.

ГЛАВА 44

Посему какая же, говорятъ, была причина Божеству спизойдти до сего униженія, при которомъ колеблется вѣра, недоумѣвая, точно ли Богъ, существо невмѣстимое, недомыслимое, неизглаголанное, превышающее всякую славу и всякое величіе, соединяется съ малоцѣнною оболочкою естества человѣческаго, такъ что и высокія Его дѣйствія уничижаются симъ соединеніемъ съ ничтожнымъ?

ГЛАВА 45.

Не затрудняемся дать на сіе боголѣпный отвѣтъ. Спрашиваешь о причинѣ, по которой Богъ родился среди человѣковъ? Если отымешь отъ жизни оказанныя свыше благодѣянія, то не въ состояніи будешь сказать, почему по-

знаешь Божество. Ибо изъ того, что испытываемъ , познаемъ Благодѣтеля; имѣя предъ глазами совершающееся, по сему заключаемъ о естествѣ дѣйствующаго. Поэтому, если особый признакъ естества Божія есть человеколюбіе; то имѣешь отвѣтъ на предположенный тобою вопросъ, имѣешь причину явленія Божія среди человековъ. Немоществовавшее наше естество возымѣло нужду во врачующемъ; человекъ, подвергшійся паденію, возымѣлъ нужду въ подѣмляющемъ; уклонившійся отъ жизни возымѣлъ нужду въ оживотворяющемъ; удалившійся отъ причастія блага возымѣлъ нужду въ возводящемъ ко благу; заключенному во тмѣ стало нужно пришествіе свѣта; плѣнникъ ощутилъ потребность въ искупителѣ, узникъ — въ защитникѣ, содержимый подъ игомъ рабства—въ освободителѣ. Ужели это было мало и недостойно того, чтобы преклонить Бога снизойти для посѣщенія естества человѣческаго, когда человечество было въ такомъ жалкомъ и бѣдственномъ положеніи? Но можно было, говорятъ, и человекъ оказать благодѣяніе, и Богу пребыть нестраждущимъ: ибо по изволенію своему Создавшій вселенную и единымъ движеніемъ воли Осуществившій несуществующее, почему и человека не вводитъ полномочно въкоею и Божественною властію. позитивъ у сопротивной силы, въ первоначальное состояніе, если то Ему угодно,

но идетъ дальними обходами, облекаясь въ тѣлесное естество, вступая въ жизнь посредствомъ рожденія, переходя по порядку всѣ возрасты, потомъ вкушая смерть, и такимъ образомъ достигая цѣли воскресеніемъ собственнаго Своего тѣла, какъ будто не возможно Ему было, пребывая на высотѣ Божественной славы, спасти человѣка Своимъ повелѣніемъ, оставитъ же въ сторонѣ таковыя околичности? Посему необходимо, чтобы и такимъ возраженіямъ противопоставили мы истину, и ничто не препятствовало вѣрѣ пытливо изслѣдывающихъ таинственное ученіе. Итакъ рассмотримъ сперва (что отчасти изслѣдовано уже и выше) стоящее въ противоположность добродѣтели. Какъ свѣту—тма, и жизни—смерть: такъ, очевидно, добродѣтели противоположенъ порокъ, а не другое что кромѣ его. Какъ изъ множества усматриваемыхъ въ твореніи существъ, ничто другое не состоитъ въ противоположности свѣту и жизни, ни камень, ни дерево, ни вода, ни человѣкъ, ни какое либо иное существо, кромѣ того, что собственно почитается противоположнымъ, каковы тма и смерть; такъ и въ разсужденіи добродѣтели никто не скажетъ, что какую либо тварь, кромѣ понятія порока, разумѣть ей противоположною. Посему если бы ученіе наше утверждало, что Божество рождено порочно; то возражающіи имѣли бы случай на-

падать на вѣру нашу, такъ какъ о Божіемъ естествѣ думаемъ несообразное и несходное. Ибо непозволительно утверждать, будто бы истинная премудрость, благодѣтели, нетлѣніе (и если еще есть какое высокое понятіе и именование) впадетъ въ противоположное. Итакъ, если истинная добродѣтель есть Богъ, а добродѣтели противоположно не естество какое, но порокъ. Богъ же рождается не въ порокъ, но въ естествѣ человѣческомъ: и одно только неприлично и постыдно—порочная страсть, въ которой Богъ и не былъ, и быть по естеству Своему не можетъ: то почему стыдятся сего исповѣданія, что Богъ соединился съ естествомъ человѣческимъ, когда въ составѣ человѣка относительно къ добродѣтели не усматривается ничего противнаго? Ибо ни даръ слова, ни даръ разума, ни способность приобрѣтать познания, ни другое чтѣ сему подобное, составляющее особенность человѣческой сущности, не противны понятію добродѣтели.

ГЛАВА 16.

Но самая измѣнчивость нашего тѣла говорить, есть страдательное состояніе, и кто въ тѣлѣ, тотъ бываетъ въ страданіи; но Божество безстрастно. Слѣдовательно странно это понятіе о Богѣ, если только утверждаютъ, что

безстрастный по естеству входитъ въ общеніе съ страданіемъ. Но и на сіе воспользуемся опять тѣмъ же отвѣтомъ, что страдательнымъ состояніемъ иное называется въ собственномъ смыслѣ, а иное по неточному словоупотребленію. Что касается свободнаго произволенія и отъ добродѣтели обращаетъ къ пороку, то подлинно есть страданіе: все же, что въ естествѣ усматривается переходнымъ, идущимъ особою послѣдовательностію, тѣ въ болѣе собственномъ смыслѣ можно назвать скорѣе дѣломъ, нежели страданіемъ. Таковы напримѣръ, рожденіе, возрастаніе, поддержаніе подлежащаго посредствомъ притекающей и извергаемой пищи, стеченіе въ тѣлѣ стихій, и опять разложеніе сложившагося и переходъ въ среднее. Чего же, по сказанію нашего таинства, коснулось Божество? Собственно ли такъ называемаго страдательнаго состоянія, которое есть порокъ, или естественнаго движенія? Если бы въ ученіи утверждалось, что Божество допустило до себя недозволенное: то должно было бы бѣжать отъ такого вѣрнаго догмата, какъ непредлагающаго о Божіемъ естествѣ ничего здраваго. Если же говорить, что Богъ коснулся нашего естества, и первое бытіе и особое существованіе котораго возымѣли начало отъ Бога; то въ чемъ погрѣшаетъ проповѣдь противъ боголѣпнаго образа мыслей, когда въ понятіяхъ о Богѣ не входитъ

въ вѣру никакого страдательнаго расположенія? Ибо не говоримъ, что врачъ подвергается страданію, когда врачуетъ страждущаго; напротивъ того ухаживающій за больнымъ, хотя и касается недуга, самъ остается свободенъ отъ страданія. Если рожденіе само по себѣ не есть страданіе, то и жизни никто не назоветъ страданіемъ. Напротивъ того къ человѣческому рожденію приводитъ сладострастіе, и стремленіе живыхъ къ пороку;—это есть недугъ естества. Но таинство говорить, что Божество чисто отъ того и другаго. Посему если рожденіе чуждо сластолюбію и жизнь — пороку: то какое остается страданіе, въ которомъ бы, по словамъ таинства благочестія, имѣлъ общеніе Богъ?

Но если страданіемъ назоветъ кто разлученіе тѣла и души; то справедливо было бы гораздо прежде наименовать такъ соединеніе обоихъ. Ибо если расторженіе соединенныхъ есть страданіе, то и сопряженіе разъединенныхъ можетъ быть страданіемъ; потому что и въ сочетаніи раздѣльныхъ и въ раздѣленіи состоявшихъ въ связи представляется нѣкое движеніе. Посему чѣмъ именуется послѣднее движеніе, тѣмъ надлежитъ называть и предшествующее. Если же первое движеніе, которое именуемъ рожденіемъ, названо будетъ страданіемъ; то страданіемъ же должно называть и то, которымъ разрѣшается соединеніе

тѣла и души. Но о Богѣ говоримъ, что былъ Онъ въ томъ и другомъ движеніи нашего естества, и въ томъ, которымъ душа соединяется съ тѣломъ, и въ томъ, которымъ тѣло разлучается съ душою. А о человѣческомъ составѣ, по причинѣ неизреченнаго и невыразимаго онаго срастворенія, смѣшанномъ, въ разсужденіи того и другаго, чувственнаго, то есть, и духовнаго, предусмотрено то, что единеніе однократно соединенныхъ, разумѣю душу и тѣло, продолжается и навсегда. Ибо когда естество наше, слѣдуя свойственному для него порядку и въ Воплотившемся подвигнуто было къ раздѣленію души и тѣла; какъ бы какимъ какимъ составомъ, разумѣю Божественную силу, снова сопрягъ Онъ раздѣленное, приведши расторгнутое въ неразрывное единеніе. И это есть воскресеніе, — того, что прежде было сопряжено, и по разложеніи взаимно соединяется, возвращеніе въ неразлагаемое единеніе, чтобы человѣчеству возвратилась первоначальная благодать, и снова вступили мы въ вѣчную жизнь, когда примѣшавшійся къ естеству порокъ, по причинѣ разложенія нашего состава, исчезаетъ въ насъ, какъ бываетъ это съ жидкостію, которая, когда сосудъ съ нею разбитъ, небудучи ограждаема ничѣмъ, разливается и пропадаетъ. Но какъ начало смерти, происшедши въ одномъ, перешло на весь человѣческій родъ; такимъ

же образомъ и начало воскресенія чрезъ Единаго распространяется на все человѣчество. Кто воспріяту Имя души снова соединилъ съ собственнымъ Своимъ тѣломъ тою силою Своею, которая при первомъ составленіи срастворена была и съ тѣломъ и съ душою, Тотъ иѣкимъ болѣе общимъ способомъ соединилъ духовную сущность съ чувственною, начало по порядку успѣшно свелъ съ концемъ. Ибо когда въ воспріятомъ Имя на Себя человѣческомъ составѣ по разрѣшеніи душа снова возвратилась въ тѣло: тогда соединеніе раздѣленнаго, какъ отъ иѣкаго начала, въ возможности равно переходитъ на весь человѣческій родъ. И это есть таинство домоостроительства Божіа о человѣкѣ и воскресенія изъ мертвыхъ. Хотя смертію разлучается душа съ тѣломъ, и не нарушается необходимый порядокъ естества, однако же Богъ воскресеніемъ снова сводитъ ихъ между собою, чтобы послужить для нихъ разграничительнымъ предѣломъ того и другаго, и смерти и жизни, когда какъ въ Себѣ самомъ составить раздѣленное смертію естество, такъ и Самъ содѣлается началомъ соединенія раздѣленнаго.

ГЛАВА XX.

Но не рѣшено еще сдѣланное намъ возраженіе, скажетъ нѣкій, въ сказанномъ же находить для себя болыную силу предлагаемое

намъ невѣрными. Ибо если, какъ показало слово, во Христѣ столько силы, что въ Его власти низложеніе смерти и вшествіе жизни; то почему не волею единою производить желаемое, но околичнымъ путемъ совершаетъ наше спасеніе: рождается, воспитывается, испытаніемъ смерти спасаетъ человѣка? Можно Ему было и не подвергаться сему и спасти насъ. На такое замѣчаніе людямъ благомыслящимъ достаточно сказать въ отвѣтъ, что больные не предписываютъ врачамъ, какъ ухаживать за ними, и съ благодѣтелями не входятъ въ состязаніе о родѣ леченія, не говорятъ, почему врачующій прикоснулся къ страждущему члену, и для прекращенія болѣзни придумалъ такое средство, когда нужно было другое: напротивъ того, взирая на конецъ благодѣянія, съ благодарностію принимаютъ благотвореніе. Но поелвку, какъ говоритъ Пророкъ, *множество благодѣйствъ* Божіей доставляетъ сокровенную пользу (Пса. 30, 20.), и еще не усматривается ясно въ настоящей жизни (а если бы ожидаемое было передъ очами, то не имѣло бы силы все то, что говорятъ вопреки невѣрные; теперь же усматриваемое нынѣ одною вѣрою ожидаетъ грядущихъ вѣковъ, чтобы стать для нихъ откровеннымъ): то необходимо какими либо умозаключеніями изыскать, по возможности, рѣшеніе предложеннаго вопроса, подобное предшествовавшимъ.

ГЛАВА 48.

Увѣровавшимъ, что Богъ приходилъ въ міръ, напрасно, можетъ быть, и порицать сіе пришествіе, будто оно совершено не премудро и не лучшимъ какимъ способомъ. Ибо для тѣхъ, которые не слишкомъ упорствуютъ противъ истины, немаловажнымъ доказательствомъ Божія пришествія служитъ явленное прежде будущей жизни въ настоящемъ вѣкѣ, разумно свидѣтельство самыхъ событій. Кто не знаетъ, какъ всѣ части вселенной наполняла демонская прелесть, посредствомъ идолопоклонства возобладавъ людскою жизнію, какъ всѣмъ народамъ въ мірѣ обратилось въ законъ, въ идолахъ служить демонамъ закланіемъ въ жертву животныхъ и принесеніемъ на жертвенники мерзостей? Но съ тѣхъ поръ, какъ, по слову Апостола, *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человекомъ* (2 Тим. 2, 11.), пришедшая въ естество человеческомъ, все, какъ дымъ, обратилось въ ничто; почему прекратились неистовства прорицаищъ и провѣщаній; уничтожились ежегодныя празднества и кровавыя скверны гекатомбъ; у многихъ народовъ вовсе не стало храмовъ, притворовъ, капищъ, жертвенниковъ и всего другаго, что служителями идоловъ направляемо было къ обольщенію себя самихъ и встрѣчающихъ это, такъ что

во многихъ мѣстахъ и не помнятъ, бывало ли когда это; по всей же вселенной воздвигнуты вмѣсто сего во имя Христова храмы и жертвенники, вездѣ досточестное и безкровное священнодѣйствіе, и высокое любомудріе, болѣе дѣломъ, нежели словомъ преслѣбующее, небреженіе о тѣлесной жизни и презрѣніе къ смерти, какое явно показали принуждаемые гонителями отступить отъ вѣры, въ ничто вѣривъ тѣлесныя уязвленія и осужденіе на смерть, чему, конечно, не подвергли бы себя, если бы не имѣли яснаго и несомнѣннаго доказательства о Божіемъ пришествіи. То же самое достаточно сказать іудеямъ въ знаменіе, что пришедшій Тотъ, въ Кого они не вѣрують; потому что до Христова богоявленія славна была у нихъ столица царей въ Іерусалимѣ, знаменить оный храмъ, законны ежегодныя жертвы и все, что для таинниковъ, способныхъ уразумѣвать, подробно изложено закономъ въ загадкахъ, согласно съ узаконеннымъ у нихъ изначала служеніемъ благочестія, было дотолѣ невозбранно. Но какъ увидѣли Ожидаемаго, о Которомъ напередъ научены были и пророками и закономъ, и вѣрѣ въ Явившагося предпочли оное исполненное заблужденій суевѣріе, которое худо отринувъ, хранили реченія закона, служа болѣе по обычаю, нежели по разуму: то послѣ сего явившейся благодати они не приняли, и что было досто-

иестнаго въ ихъ богослуженіи, то осталось въ однихъ только разсказахъ о семъ: храма не узнаешь и по слѣдамъ: славный оный градъ оставленъ въ развалинахъ: не остается у іудеевъ ничего изъ узаконеннаго въ древности, напротивъ того и самое досточтимое ими въ Іерусалимѣ мѣсто по повелѣнію властвующихъ сдѣлалось для нихъ недоступнымъ.

ГЛАВА 19.

Впрочемъ, поелику все это ни еллиниствующимъ, ни главнымъ преподавателямъ іудейскихъ ученій не кажется составляющимъ признаковъ Божія пришествія; то хорошо будетъ особо повести рѣчь и о сдѣланныхъ возраженіяхъ, почему естество Божіе соединяется съ нашимъ, самымъ собою спасая человѣчество, а не повелѣніемъ совершая предположенное? Посему какое же можетъ быть у насъ начало, которое бы послѣдовательно рѣчь нашу привело къ предположенной цѣли? Какое кромѣ сего—пложить кратко благочестивыя понятія о Богѣ?

ГЛАВА 20.

Итакъ, по признанію всѣхъ, должно вѣровать, что Богъ не только могущественъ, но и справедливъ, благъ, премудръ, имѣетъ все,

что разумъ относить къ наилучшему. Посему при настоящемъ домостроительствѣ слѣдуетъ не того хотѣть, чтобы въ совершающемся одно изъ боголѣпныхъ свойствъ обнаруживалось, а другое нѣтъ. Ибо вообще ни которое изъ высокихъ оныхъ именований, само по себѣ, по одиначкѣ, въ отдѣльности отъ другихъ, не есть добродѣтель. И доброе, если не сопряжено съ справедливымъ, премудрымъ, могущественнымъ, не есть дѣйствительно доброе; потому что несправедливое, непремудрое, или немогущественное не есть доброе. И могущество, отдѣленное отъ справедливаго и премудраго, не представляется добродѣтелию: потому что таковой родъ могущества есть звѣрскій и насильственный. А также сказать должно и о прочемъ: если мудрое выступить изъ предѣловъ справедливаго, или если справедливое будетъ не вмѣстѣ съ могущественнымъ и добрымъ, то подобное сему иныи скорѣе наименуетъ въ собственномъ смыслѣ порокомъ. Ибо почему кто либо причислитъ къ добру то, чему недостаетъ совершенства? Если же во мнѣніяхъ о Богѣ надлежитъ стекаться всѣмъ совершенствамъ: то посмотримъ, домостроительство Божіе о человѣкѣ имѣетъ ли недостатокъ въ какомъ либо изъ боголѣпныхъ понятій? Въ Богѣ, конечно, ищемъ мы знаковъ благодати. Возможно ли же какое болѣе явное свидѣтельство доброты, какъ это—

дѣлать своимъ бѣжавшаго на противную сторону, и естеству постоянному, непревратному въ добръ, не согласоваться въ дѣйствіяхъ съ удобопревратностію человѣческаго произволенія? Богъ не пришелъ бы, какъ говоритъ Давидъ, *во еже спасти насъ* (Пса. 79. 3.), если бы не благодать вложила такое намѣреніе. Но и благодать сего намѣренія не принесла бы пользы. если бы не премудрость дѣйственнымъ дѣлала человѣколюбіе. Ибо что до тѣхъ, которые въ болѣзненномъ состояніи, многимъ, можетъ быть, хотѣлось бы, чтобъ больной не страдалъ. Но это доброе изволеніе тѣ только приводятъ въ исполненіе надъ больными, которымъ къ исцѣленію больного содѣйствуетъ какая-то сила искусства. Итакъ съ благодатію, безъ всякаго сомнѣнія, должна быть сопряжена мудрость. Какимъ же образомъ въ совершившемся вмѣстѣ съ благодатію оказывается и мудрость? Такимъ, что доброе видимъ не въ одномъ только намѣреніи. Ибо какъ намѣреніе сдѣлалось бы явнымъ, не будучи обнаружено событіями? Дѣла же, послѣдовательно происходящія въ какой либо связи и въ порядкѣ, показываютъ премудрость и искусство Божіа домостроительства. А какъ, по сказанному прежде, мудрость, сопряженная съ справедливостію, безъ сомнѣнія, дѣлается добродѣтелию (взятая же въ отдѣльности, сама по себѣ не останется и благодатію); то въ ученіи о домо-

строительство спасенія человѣческаго хорошо будетъ разсматривать во взаимной связи два свойства, разумью премудрость и справедливость.

ГЛАВА 21

Посему какая справедливость? Помнимъ, безъ сомнѣнія, сказанное, какъ слѣдовало, въ началѣ слова, а именно, что человѣкъ устроенъ по подобію Божіа естества, сохраняя въ себѣ сіе подобіе Божеству и въ прочихъ добрыхъ качествахъ, и въ свободѣ произволенія; но будучи по необходимости естества измѣнчиваго. Ибо кто начало бытія имѣетъ чрезъ измѣненіе, тому невозможно, конечно, не быть измѣнчивымъ; потому что самый переходъ изъ небытія въ бытіе есть нѣкое измѣненіе, при которомъ неосуществленное Божією силою предложено въ сущность. И по другой причинѣ въ человѣкѣ необходимо оказывается измѣнчивость, по тому самому, что человѣкъ былъ подобіемъ естества Божія; а уподобляемое, если бы не имѣло какой либо инаковости, конечно, было бы тождественно съ тѣмъ, чему уподобляется. Посему, такъ какъ инаковость съ первообразомъ созданнаго по образу состоитъ въ томъ, что Первообразъ по естеству неизмѣненъ, а образъ не таковъ, напротивъ же того, по изложенной причинѣ, и осущест-

вплся чрезъ измѣненіе, и измѣняется, конечно, по тому самому, что есть подобіе, а измѣненіе есть движеніе, непрестанно простирающееся изъ одного состоянія, въ какомъ вещь находится, въ другое; то два суть вида такового движенія: одно совершается всегда къ добру, въ немъ поступленіе впередъ не имѣетъ остановки, потому что не достигается предѣлъ пути; другое противоположно; въ томъ его и состоятельность, что не бываетъ состоятельнымъ; потому что противленіе добру, какъ сказано прежде сего, въ такомъ же смыслѣ различается отъ добра, въ какомъ несуществующее называемъ различнымъ отъ существующаго, и небытіе отъ бытія. Итакъ, поелику по удобопревратному и измѣнчивому стремленію и движенію, невозможно естеству въ самомъ себѣ пребывать неподвижнымъ, то къ чему либо непременно устремляется произволеніе, естественно вовлекаемое въ движеніе пожеланіемъ лучшаго. Но иное дѣйствительно хорошо по естеству, а иное не таково, и прикрашено какимъ-то призракомъ хорошаго. Рѣшать это поставленъ внутри насъ умъ: и намъ предстоитъ или улучшить дѣйствительно хорошее, или отворотившись отъ него, по какому либо обману видимостію, увлечься въ противоположное, какъ нѣчто подобное, по сказанію народной басни, случилось со псомъ, который, увидѣвъ въ водѣ тѣнь того, что несъ онъ во

рту, бросилъ настоящую пищу, разинувъ же пасть, чтобы схватить подобіе пищи, остался голоднымъ.

ГЛАВА 22.

Итакъ поелику умъ, ошибившись въ пожеланіи подлиннаго добра, уклонился къ тому, что не существуетъ, лестию худаго совѣтника и изобрѣтателя порока убѣжденный, будто бы хорошо то, что противоположно хорошему; ибо лесть не подѣйствовала бы, если бы на удѣ порока не былъ, на подобіе приманки, поддѣманъ призракъ хорошаго: итакъ поелику человѣкъ добровольно подвергся этому бѣдствію, по сластолюбію починивъ себя врагу жизни; то требуй отъ меня по одиначкѣ всего, что приличествуетъ понятіямъ о Богѣ: благость, правда, могущество, нетлѣніе, и если чѣмъ еще означается совершенство. Богъ, какъ благій, исполняется милосердія къ падшему; и какъ премудрый, не не знаетъ способа, какъ возвратить; дѣломъ же мудрости былъ и судъ справедливости; ибо истинной справедливости никто не припишетъ неблагоразумію. Посему что же въ семъ справедливо? То, что противъ овладѣвшаго нами не употреблено никакого насильственного полномасштаба, и по прензбытку силы Восхитившимъ насъ у владѣющаго поработившему чело-вѣка сластолюбіемъ не оставлено никакого по-

вода къ оправданію. Такъ отдавшіе свободу
свою за деньги—рабы купившихъ, сдѣлавшихся
продавцами самихъ себя; и ни имъ самимъ, ни
другому кому не позволительно провозглашать
ихъ свободу, хотя бы предавшіе себя на это
бѣдствіе были люди и благороднаго происхож-
денія. Да и если кто, радѣя о проданномъ,
употребить насиліе противъ купившаго: то,
самовластно отнимая приобрѣтеннаго въ соб-
ственность законно, почтенъ будетъ неспра-
ведливымъ. Но если угодно, то снова купить
таковаго никакой законъ не воспрещаетъ.

ГЛАВА 23.

Поелику такимъ же образомъ мы себя до-
 бровольно продали, то изъемлющему насъ по
благости снова на свободу должно было при-
мыслить, не насильственный, но справедливый
способъ возвращенія. А сей способъ таковъ,—
 войти въ сдѣлку съ владѣющимъ, чтобы взять,
 какую пожелаетъ, цѣну за обладаемаго. Посему
 что же, какъ вѣроятно, лучше было владѣю-
 щему избрать и взять? По ходу дѣла можно
 составить нѣкоторую догадку о его пожеланіи;
 а потомъ ясны для насъ будутъ признаки иско-
 маго. Итакъ, кто, по причинѣ представленной
 въ началѣ сего сочиненія, завистию къ благо-
 деющему закрылъ глаза для добра, и въ
 себѣ породилъ мракъ порока, и заболѣлъ на-

чаломъ и основаніемъ наклонности къ худому и какъ бы матерью прочихъ пороковъ—любоначаліемъ, тотъ обвинилъ ли бы на что обладаемаго, кромѣ чего либо очевидно высшаго и большаго, чтобы наче удовлетворить въ себѣ страсти кичливости, за меньшее получая большее вознагражденіе? Но въ повѣствуемомъ отъ вѣка ни въ чемъ не зналъ ничего подобнаго тому, что усматривалъ въ видимомъ тогда, въ безмужнемъ чревоношеніи и нерастлѣнномъ рожденіи, въ дѣвственныхъ сосцахъ, въ гласахъ невидимыхъ существъ, свѣдѣтельствующихъ о сверхъестественномъ достоинствѣ, въ исцѣленіи естественныхъ недуговъ, совершаемомъ Имъ безъ какихъ либо средствъ, а однимъ только словомъ и устремленіемъ воли, въ возвращеніи умершихъ къ жизни, въ устрашеніи демоновъ, въ власти надъ воздушными волненіями, въ хожденіи по морю, между тѣмъ какъ пучина не дѣлится на двѣ части, и не обнажаетъ дна проходящимъ, подобно тому, что было въ чудотвореніи Моисеевомъ, но поверхность воды сверху обращается въ сушу подъ стопою, и съ надежнымъ упорствомъ поддерживаетъ слѣдъ, въ раздаяніи пищи, какого угодно количества, въ обильныхъ угощеніяхъ среди пустыни, для многихъ тысячъ учреждаемыхъ, которымъ не небо дождитъ манну, не земля, изъ собственного своего естества уготовляя пищу, доставляетъ

довлетворяющее потребности, но изъ таинственныхъ сокровищницъ Божіей силы исходить щедрость, готовый хлѣбъ, возблываемый уками прислуживающихъ и умножаемый насыченіемъ ядущихъ.—и услажденіе рыбами, не поремъ принесенными на ихъ потребу, но ѣмъ. Кто и самый родъ рыбъ посылалъ въ морѣ. И кто опишетъ по порядку одно за другимъ «вангельскія чудеса? Сію-то силу усматривая въ Немъ, врагъ видѣлъ, что предлагаемое ему въ обмѣнъ больше того, чѣмъ обладаетъ. По сему Его избираетъ стать цѣною за содержимыхъ подъ стражею смерти. Но врагу невозможно было воззрѣть на непокрытый ничѣмъ образъ Божій, не увидѣвъ въ немъ какой либо части той плоти, которую покорилъ уже себѣ грѣхомъ. Поэтому Божество прикрываетъ себя плотію, чтобы врагъ, взирая на знакомое и сродное ему, не ужасался приближенія презбыточествующей силы, и примѣтивъ, что сила незамѣтно болѣе и болѣе просіяваетъ въ чудесахъ, призналъ явившееся болѣе вожделѣннымъ, нежели страшнымъ, для себя. Видишь, какъ благодать сопрягается съ справедливостію, и премудрость не отдѣляется отъ нихъ. Примыслить, чтобы Божественная сила содѣлалась доступною по причинѣ тѣлеснаго покрова, и домогостроительству о насъ не воспрепятствовалъ страхъ высокаго явленія.—сіе, безъ сомнѣнія, служить доказательствомъ вмѣстѣ и бла-

гости и премудрости и справедливости. Ибо пожелать снасти—есть свидѣтельство благодати; содѣлаться же искупительною цѣною за обла-
даемаго другимъ—показываетъ справедливость. и примышленіемъ недоступное для врага сдѣ-
лать доступнымъ — есть доказательство высо-
чайшей премудрости.

ГЛАВА 24.

Но внимательно слѣдовавшему за порядкомъ сказаннаго естественно спросить, гдѣ же усматривается въ сказанномъ могущество Божества, гдѣ нетлѣніе Божественной силы? Почему, чтобы и это сдѣлалось яснымъ, рассмотримъ послѣдствія таинства, въ которыхъ иначе оказывается срастворенное съ человѣколюбіемъ могущество. Итакъ во первыхъ то самое, что всемогущее естество возмгло спійзійти до низости человѣчества, служигъ бѣльшимъ доказательствомъ могущества, нежели великія и сверхъестественныя чудеса. Если Божественною силою совершается что либо великое и высокое, —это какъ-то естественно и послѣдовательно. И нисколько не оказывается страннымъ для слуха, если сказать, что всякая тварь въ мірѣ, и все, что умопредставляется виѣ видимаго, составлены Божественнымъ могуществомъ, осуществлены Божіею волею, какъ ей благоугодно. А снисхожденіе къ уничиженному

есть нѣкій преизбытокъ силы, невстрѣчающей ни малаго препятствія въ преестественномъ. Ибо какъ сущности огня свойственно стремленіе вверхъ, и никто не почтетъ достойнымъ удивленія, что съ пламенемъ дѣлается естественно; а если кто увидитъ, что пламень течетъ внизъ, подобно тяжелымъ тѣламъ, то подобное сему вмѣняется въ чудо, какимъ образомъ огонь остается огнемъ, и въ образѣ движенія отступаетъ отъ естества, стремясь внизъ: такъ и Божественное, все превосходящее могущество, не столько показываетъ величіе небесъ, сіяніе свѣтилъ, благоустройство вселенной, непрестанное домостроительство существъ, сколько снисхожденіе къ немощи нашего естества. Какъ высокое усматривается въ уничиженномъ, и высота не уничижается? Какъ Божество, соединившись съ человѣческимъ естествомъ, и послѣднимъ дѣлается, и первымъ пребываетъ? Ибо, по сказанному прежде, сопротивная сила не имѣла возможности стать въ общеніе съ явноприсутствующимъ Богомъ и перенести ничѣмъ неприкрытое Его явленіе. Посему, чтобы требующему за насъ выкупа можно было взять оный, Божество сокрылось подъ завѣсою нашего естества, и врагомъ, какъ жадными рыбами, съ приманкою плоти увлечена была уда Божества, а такимъ образомъ, по водвореніи жизни на мѣсто смерти, и по явленіи свѣта на мѣсто тмы, уничто-

жилося представляющееся противоположнымъ свѣту и жизни. Ибо нѣтъ возможности и тмѣ оставаться въ присутствіи свѣта, и быть смерти, когда дѣйствуетъ жизнь. Итакъ вкратцѣ повторивъ весь ходъ таинства, мы совершенно оправдаемъ Божественное домостроительство предъ обвиняющими, за то, что Божество не само собою совершаетъ спасеніе человѣческое. Ибо во всемъ о Божествѣ должны имѣть боголѣпныя понятія, не разумѣть о немъ иное высоко, и не низводить инаго изъ боголѣпнаго достоинства, но вѣровать, что въ разсужденіи Бога непремѣнно имѣетъ мѣсто всякая высокая и благочестная мысль, по связи завися одна отъ другой. Итакъ доказано, что благость, премудрость, справедливость, могущество, недоступность тлѣнію, все открывается въ понятіи домостроительства о насъ. Благость постигается въ произволеніи спасти погибшаго. Премудрость и справедливость показаны въ способѣ нашего спасенія. А могущество видно въ томъ, что сталъ Онъ въ подобіи человѣческому, въ уничиженномъ видѣ нашего естества, и смерти подаль о Себѣ надежду, будто бы она въ снахъ, но подобно людей, овладѣть и Имъ: но бывъ въ ея власти совершилъ то, что свойственно Ему по Божеству: свойственно же свѣту уничтоженіе тмы, а жизни — истребленіе смерти. Итакъ, поелику, сократившись съ праваго пути, въ са-

омъ началѣ уклонились мы отъ жизни, и во-
лечены были въ смерть: то научаемся ли че-
у невѣроятному изъ таинства, если пости-
аютъ оскверненныхъ грѣхомъ чистота. умер-
шихъ жизнь, заблудшихъ путеводство, такъ
то и скверна очищается, и заблужденіе исправ-
ляется, и умершее возвращается въ жизнь?

ГЛАВА 25.

А что въ естествѣ нашемъ пребывало Бо-
жество, сіе не крайне малодушнымъ, наблю-
дающимъ сущее нимало не даетъ основанія
паходить то страшнымъ. Ибо кто такой по
душѣ младенецъ, который, смотря на вселен-
ную, не вѣритъ, что во всякой вещи есть Бо-
жество, проникающее и объемлющее ее и въ
ней пребывающее? Ибо все зависитъ отъ Су-
щаго и ничему невозможно быть, имѣя бы-
тіе не въ Сущемъ. Посему, если все въ Бо-
жествѣ, и Оно во всемъ; то чего стыдится въ
домостроительствѣ таинства научающаго, что
среди человѣковъ пребывалъ Богъ, о кото-
ромъ вѣрують, что Онъ и теперь не внѣ че-
ловѣковъ? Ибо, хотя способъ присутствія Бо-
жія въ насъ не одинаковъ съ тѣмъ; однакоже,
что Богъ въ насъ, равно признается и нынѣ,
и тогда. Какъ теперь въ насъ пребываетъ Со-
державшій естество въ бытіи: такъ тогда всту-
пилъ въ единеніе съ нашимъ, чтобы оно со-

единеніемъ съ Божественнымъ стало Божественно, изъято отъ смерти. избавлено отъ мучительства сопротивника. Ибо Его возвращеніе отъ смерти и для смертнаго рода дѣлается началомъ возвращенія въ жизнь безсмертную.

ГЛАВА 26.

Но иныи, можетъ быть, при изслѣдованіи сей справедливости, усматриваемой въ этомъ домостроительствѣ, и премудрости, приходитъ къ мысли, что въ таковомъ способѣ примышленъ за насъ Богомъ нѣкій обманъ. Ибо, что Богъ, неузнанный врагомъ, не откровеннымъ Божествомъ, но сокрытымъ подъ естествомъ человѣческимъ, входитъ къ обладающему, сіе нѣкоторымъ образомъ есть нѣкій обманъ и обольщеніе; такъ какъ обманывающимъ свойственно, надежды тѣхъ, противъ кого злоумышляютъ, обращать на одно, а дѣлать не то, чего они надѣялись. Но у кого предъ очами истина, тотъ согласится, что сіе-то всего наиболѣе свойственно справедливости и премудрости. Ибо дѣло справедливости — воздавать каждому по достоинству; а дѣло премудрости, — и не нарушать справедливости, и доброй цѣли человѣколюбія не разлучать съ правдивымъ судомъ, но то и другое благоискусно сопрягать между собою, по справедливости воздавая, что чего достойно, а по благодати не

отступая отъ цѣли человѣколюбія. Итакъ посмотримъ, не усматриваются ли въ совершившемся оба сіи качества. Ибо воздаяніе по достоинству, которымъ вводится въ обманъ обманщикъ, показываетъ справедливость. А цѣль совершаемаго дѣлается свидѣтельствомъ благодѣянія дѣйствующаго. Справедливости свойственно воздавать каждому тѣмъ, чему кто напередъ положилъ начала и причины: какъ и земля воздаетъ плоды по роду вложенныхъ въ нее сѣменъ. А премудрости свойственно въ способѣ воздаянія подобнымъ не отступать отъ лучшаго. Ибо какъ злоумышляющій на жизнь и исцѣляющій подвергшагося злоумышленію одинаково примѣшиваютъ къ пищѣ составъ, только одинъ примѣшиваетъ ядъ, а другой врачевство отъ яда, и способъ врачеванія нисколько не вредитъ цѣли благодѣянія; и хотя обоими примѣшивается составъ въ пищу, но обращая вниманіе на цѣль, одного хвалимъ, а на другаго негодуемъ: такъ и здѣсь по закону справедливости обманщикъ воспринимаетъ то, чему сѣмена вложилъ по собственному произволу; потому что обманувшій человека приманкою удовольствія и самъ обманывается человѣческимъ видомъ. Въ цѣли же содѣланнаго есть перемѣна къ лучшему. Ибо одинъ употребилъ обманъ къ растлѣнію естества: а справедливый, вмѣстѣ благій и премудрый, измышленіемъ обмана воспользовался къ спасенію

растлѣннаго, благодѣтельствуя тѣмъ не только погибшему, но и самому причинившему нашу погибель. Ибо отъ приближенія смерти къ жизни, тмы къ свѣту, тлѣнія къ нетлѣнію, происходитъ уничтоженіе и превращеніе въ ничто худшаго. польза же для очищаемаго отъ этого. Ибо, какъ по примѣси малоцѣннаго вещества къ золоту, обрабатывающіе его, все чуждое и негодное истребляя обращеніемъ въ пищу огню, драгоцѣннѣйшее вещество снова приводятъ въ естественный ему блескъ; и не безъ труда, правда, совершается сіе отдѣленіе, потому что въ продолженіе нѣкотораго времени потребительною силою огня уничтожается подмѣсъ, покрайней мѣрѣ служитъ нѣкимъ уврачеваніемъ золоту истощеніе въ немъ бывшаго въ ущербъ его добротѣ: такимъ точно образомъ, когда смерть, тлѣніе, тма, и ежели есть какое еще порожденіе порока, произникли у изобрѣтателя зла, приближеніе Божественной силы, подобно огню, произведя уничтоженіе противуестественнаго. оказываетъ естеству благодѣяніе нетлѣніемъ, хотя и трудно сіе раздѣленіе. Поэтому и самому противнику, если бы восчувствовалъ онъ благодѣяніе, не показалось бы сомнительнымъ, что совершенное справедливо и спасительно. Какъ нынѣ тѣ, кому во время леченій дѣлають порѣзы и прижиганія, негодуютъ на врачей, мучимые болью отъ рѣзанія; но, если отъ сего выздо-

давливаютъ, и болѣзненное ощущение прижн-
 аны пролетѣть. то принесутъ благодареніе со-
 вершившимъ на тъ нимъ се врачеваніе; такимъ
 точно образомъ, когда по истеченіи долгаго
 времени изъясно будетъ изъ естества зло, нынѣ
 а нимъ примѣшанное и сроднившееся съ ни-
 ми, по нѣку совершится возстановленіе пребы-
 вавшихъ нынѣ во злѣ въ первоначальное со-
 стояніе естественное возмаетъ благодареніе
 всей твари, и всѣхъ претерпѣвшихъ мученіе
 при очищеніи и таже немѣвшихъ нужды въ
 началѣ очищенія. Се и подобное сему препода-
 етъ вѣшное таинство Божія вочеловѣченія
 Ибо тъа самымъ что приобщеніе человѣче-
 ству, пріять на себя все свойственное есте-
 ству, рожденіе, восприаніе, возрастаніе, и до-
 шеніи таже до искутанія смерти совершилъ
 Онъ все сказанное прежде и человѣка осво-
 боля отъ порока и врачуя самаго изобрѣта-
 теля порока Ибо очищеніе болѣзни, хотя оно
 и трудно, есть врачеваніе недуга

ГЛАВА 27

А вступившему въ единеніе съ естествомъ
нашимъ, конечно, сѣювало во всѣхъ его свой-
 ствахъ принять общеніе съ нами. Ибо какъ
смывающие нечистоту съ одежды не дѣлаютъ
такъ, чтобы ныня пятна оставить, а другія
 свести, по всю гнать съ одного конца до дру-

его очисти отъ зуряженія чтобы одежда стала одинаковой цѣны во всѣхъ частяхъ своихъ, отъ мытья получивъ равную чистоту; такъ поешку жизнь человѣчская осквернена грѣхомъ въ началѣ и конецъ и во всѣхъ среднихъ частяхъ то омывающая сила должна коснуться всего. и не быть такъ, чтобы оно не увречено было очищеніемъ, а другое оставлено безъ увречеванія. Посему-то такъ жизнь иши изумя предѣлами отдѣленъ и здѣсь и тамъ разумно начало и конецъ то на обоихъ предѣлахъ оказывался исправительныя дѣятели силы и начало коснувшись ся, и по конца простернуто свое дѣйствіе и объявлено все что въ серединѣ между началомъ и концомъ. А какъ входъ въ жизнь снотія всѣхъ потомъ одинъ, то приходящему къ нимъ откупъ должно пресеяться въ эту жизнь? Съ неба можетъ быть скажетъ испущенныя человѣческимъ бытіемъ какъ чѣмъ-то сравнимымъ и безсравненнымъ. Но человѣчество не было ни небѣ. никакой богѣзны грѣха не поселялось въ премирной жизни. А Вступивши въ единение съ человѣкомъ съ цѣною пользы совершить свое дѣяніе. Посему здѣ не было зла, и не жили человѣческою жизнью, почему кто потребуется чтобы гамъ облекся Богъ въ человѣка. лучше же сказать и не въ человѣка, а въ какой-то кумиръ и подобіе человѣка?

Но какое было бы поправленіе нашему есте-

тву, если бы, когда болѣзнуеть земное живое
ущество, Божественное посѣщеніе приняло
акое либо существо другое, небесное? Ибо
невозможно исцѣлѣть больному, если не при-
нялъ уврачеванія собственно сграждающаго чле-
на. / Посему, если бы больное было на землѣ,
Божественная же сила не коснулась больного,
имѣя въ виду приличное для себя, то беспо-
лезенъ былъ бы для человѣка трудъ Божес-
твенной силы надъ тѣмъ, что не имѣетъ ничего
общаго съ нами. / Ибо Божеству равно непри-
лично (если вообще позволительно подъ не-
приличнымъ разумѣть что иное, кромѣ порока),
и безславіе не больше уменьшается, по край-
ней мѣрѣ для поставляющаго по малоумію Бо-
жественное величіе въ томъ, чтобы не допу-
скавъ общенія съ свойствами нашего естества,
если облечется Божество тѣломъ небеснымъ
и не земнымъ. Ибо предъ Всевышнимъ и Не-
приступнымъ, по высотѣ естества, вся тварь
равно отстоитъ отъ Него долу, и все равно-
значительно ниже Его. Совершенно непреступ-
ное не то, что для иного приступно, а другой
приблизиться къ тому не можетъ, напротивъ
того Оно равно выше всѣхъ существъ. По-
этому земля не даѣе по достоинству, и небо
не ближе, и существа, обитавшія въ каждой
стихіи, въ семъ отношеніи не разнятся меж-
ду собою, такъ что одни касаются недоступ-
наго естества, а другія отдѣльны отъ Него;

развѣ предположимъ, что обладающая всѣмъ сила не равно проникаетъ всѣ существа, но въ иныхъ преизбыточествуетъ, а въ другихъ она недостаточна; и въ слѣдствіе сего кажется, что Божество, по разности въ большемъ и меньшемъ, высшемъ и низшемъ, сложно, само съ собою несходно, если только по естеству представляемо будетъ отъ насъ далекимъ, а къ кому нибудь другому близкимъ, и по близости сдѣлается удобопостижимымъ. Но истинное ученіе ни долу, ни горѣ, не видитъ ничего для сравненія съ высокимъ достоинствомъ; по тому что все въ равной мѣрѣ ниже силы всѣмъ управляющей, такъ что если земное естество почтутъ недостойнымъ единенія съ Божествомъ, то не найдется никакого другаго имѣющаго это достоинство. Если же все въ равной мѣрѣ лишено сего достоинства, то Богу прилично благодѣтельствовать имѣющему въ томъ нужду. И такъ исповѣдуя, что врачующая сила явилась тамъ, гдѣ была болѣзнь, увѣровали ли мы во что чуждое боголѣпному понятію?

ГЛАВА 28.

Но смѣются надъ естествомъ нашимъ и позорятъ способъ нашего рожденія, а чрезъ это думаютъ сдѣлать смѣшнымъ таинство, какъ будто неприлично для Бога такимъ путемъ

войти въ общеніе съ человѣческою жизнью. Но о семъ говорено уже было прежде сего, а именно, что одно только гнушно по естеству своему зло, и ежели еще что состоитъ въ свойствѣ съ порокомъ. А порядокъ естества, установленный Божиимъ изволеніемъ и закономъ, далекъ отъ укоризны въ порокъ. Иначе обвиненіе падеть на Создателя естества, если естество укорено будетъ въ чемъ либо гнушномъ и неприличномъ. Итакъ, если Божество пуждо одного порока, а порокъ по естеству не существуетъ таинство же говоритъ, что Богъ былъ въ человѣкѣ, а не въ порокѣ: и если путь для человѣка въ міръ, которымъ рождаемое вступаетъ въ жизнь, одинъ: то по какому же закону для Бога постановляютъ другой способъ вступленія въ жизнь, хотя признаютъ вѣрнымъ, что изнемогшее въ порокъ естество посѣщено Божественною силою, но съ неудовольствіемъ взираютъ на способъ посѣщенія, по признанію что всякое устройство тѣла само по себѣ имѣетъ равную цѣну, и ничто содѣйствующее въ немъ поддержанію жизни не заслуживаетъ оужденія, какъ что либо нечестное, или дурное? Ибо все устройство органическихъ членовъ направлено къ одной цѣли: цѣль же сія, человѣку пребывать въ жизни. Посему, какъ прочіе органы поддерживаютъ въ человѣкѣ настоящую жизнь, будучи раздѣлены каждый для особаго дѣй-

ствованія, и ими въ порядкѣ содержатся чувствующая и дѣятельная силы: такъ родотворные органы имѣютъ промышленіе о будущемъ, вводя собою преемство естеству. Посему, если будешь смотрѣть на пользу, то послѣ котораго изъ признаваемыхъ благородными будутъ они вторыми, и котораго по справедливости не могутъ быть признаны предпочтительнѣйшими? Ибо не глазомъ, не слухомъ, не языкомъ, не другимъ какимъ чувственнымъ органомъ непрерывно продолжается родъ нинѣ: все это, какъ сказано, служитъ для настоящаго употребленія; а въ тѣхъ органахъ соблюдается челоуѣчеству безсмертіе, такъ что смерть, всегда противъ насъ дѣйствующая, нѣкоторымъ образомъ бездѣйствительна и безуспѣшна потому что природа возобновляетъ себя, вознаграждая недостатокъ рождающимися. Итакъ чтѣ же неприличное содержать въ себѣ наше таинство, если Богъ вступилъ въ единеніе съ челоуѣческою жизнію посредствомъ того, чѣмъ естество борется съ смертію?

ГЛАВА 29.

Но оставляя это, покушаются опять другимъ опорочить ученіе, и говорятъ: если содѣланиде Богомъ прекрасно и богоугодно, то для чего замедлялъ благодѣяніе? Почему, хотя порокъ былъ изъ начала, не пресѣкъ его возрастанія

ть большую мѣру? На это у насъ краткое слово, что замедленіе благодѣянія намъ было дѣломъ премудрости и промышленія о полезномъ для естества. Ибо и въ тѣлесныхъ болѣзняхъ, когда какой нибудь испорченный сокъ проникнетъ въ скважины тѣла; пока не обнаружится на поверхности все, что противуестественно вошло внутрь, искусно слѣдующіе за одомъ болѣзней не даютъ врачевствъ сжиающихъ тѣло, но ждутъ, чтобы все кроющееся внутри вышло наружу, и тогда уже противъ обнаруженной болѣзни употребляютъ врачевство. Итакъ послѣ того, какъ болѣзнь грѣховная однажды уязвила естество человѣчества, общій всѣхъ Врачъ ожидалъ, чтобы никакого вида лукавства не осталось сокрытымъ въ естествѣ. Поэтому не тотчасъ послѣ Каиовой зависти и братоубійства начинается врачеваніе человѣка; потому что не сталъ еще винимъ порокъ растлившихся при Ноѣ, и не обнаружился и жестокая болѣзнь содомскаго безаконія, и богоборство египтянъ, и гордыня ссиріянъ, и незаконное Продово дѣтоубійство, и все другое упоминаемое исторіею, и то внѣ исторіи сдѣлано въ послѣдующихъ родахъ, когда корень зла многообразно прозябъ въ человѣческихъ произволеніяхъ. Итакъ, велику порокъ достигъ самой высшей мѣры, не было уже ни одного вида лукавства, на которое бы не отважились люди; то, чтобы вра-

чеваніе дѣйствовало на всякій недугъ. врачуетъ поэтому, не начинающуюся, но въ полную силу пришедшую, болѣзнь.

ГЛАВА 30.

Если же кто думаетъ уличить наше ученіе тѣмъ, что и по употребленіи врачеванія жизнь человѣческая оскверняется еще грѣхами; то пусть путеводить его къ истинѣ одно изъ знакомыхъ ему подобій. Какъ у змѣи, если получить смертельный ударъ въ голову, не тотчасъ вмѣстѣ съ головою умираетъ влачимая сзади часть тѣла; но хотя голова мертва, однакоже хвостъ одушевленъ еще собственною своею раздражительностію, и не лишается жизненной силы; такъ можно видѣть, что и порокъ, пораженный смертельнымъ ударомъ, тревожитъ еще жизнь своими остатками. Но переставъ и за сіе порицать ученіе таинства, ставятъ ему въ вину то, что не всѣхъ людей проникаетъ вѣра. И говорятъ: почему благодать простерлась не на всѣхъ, напротивъ того иные приступили къ ученію, не малая же часть остается неприступившею, безъ сомнѣнія, потому, что Богъ или не хотѣлъ, или не могъ, чтобы благодѣяніе для всѣхъ было щедро? А то и другое не освобождаетъ отъ порицанія. Ибо неприлично Богу и не хотѣть, и не быть въ силахъ, дѣлать добро. Посему, если вѣра есть

что доброе; то почему. спрашиваютъ, бла-
 дать не на всѣхъ. Итакъ если бы и нами въ
 овѣ было утверждаемо это, что вѣра по Бо-
 ю изволенію дается въ удѣлъ людямъ, и одни
 изымаются, а другіе не имѣютъ части въ
 изваніи: тогда кстати было бы взводить та-
 же обвиненіе на таинство. Если же призваніе
 ия всѣхъ равноцѣнно. не различаетъ ни до-
 тоинствъ. ни возрастовъ, ни разности по на-
 дамъ (ибо для сего при самомъ началѣ про-
 овѣди служители слова по вдохновенію Божию
 другъ содѣлались единопзычными со всѣми
 родами, такъ что никто не лишенъ былъ
 озможности участвовать въ благахъ); то осно-
 ательно ли обвиняютъ еще Бога въ томъ,
 то не всѣми возобладамо слово? Ибо имѣю-
 цій власть надъ вселенною, по преизбытку
 ести удѣленной человѣку, предоставилъ мно-
 у и въ нашей быть власти, и надъ этимъ каж-
 ый самъ единственный господинъ. А это есть
 роизволеніе, нѣчто не рабственное, но само-
 ластное, состоящее въ свободѣ мысли. Итакъ
 одобное обвиненіе справедливейше возложить
 на тѣхъ, которые не были приведены къ вѣ-
 рѣ, а не на призывавшаго къ согласію. Ибо
 когда Петръ въ началѣ проповѣдывалъ слово
 въ многочисленномъ собраніи іудеевъ, и въ одинъ
 азъ три тысячи приняли вѣру, неувѣро-
 вавшихъ было больше, нежели увѣровавшихъ.
 Апостола не порицали за неувѣровавшихъ. Ибо,

при общемъ предложеніи благодати, отвергшемся ея добровольно несправедливо было обвинять въ эгомъ злосчастіи не себя, а другаго.

ГЛАВА 31

Но не имѣютъ недостатка къ хитромъ возраженіи и на подобное сему. Пбо говорятъ: Богъ, если бы хотѣлъ, могъ и упорно противящихся принужденно привлечь къ принятію проповѣди. Но гдѣ будетъ ихъ свобода? Гдѣ похвала преуспѣвающимъ? Однихъ неодушевленныхъ и безсловесныхъ можно чужою волею приводить, къ чему угодно; словесное же и разумное естество, если перестало дѣйствовать свободно, утратило вмѣстѣ и даръ разумности. Ибо на что будетъ употреблять разумъ, если власть избирать, что заблагоразсудится, лежитъ на другомъ? Если же произволеніе остается недѣйственнымъ, то по необходимости уничтожается добродѣтель, встрѣтившая себѣ препятствіе въ неподвижности произволенія. Если же нѣтъ добродѣтели: то жизнь теряетъ цѣну, умъ уступаетъ мѣсто судьбѣ, отъемлется похвала у преслѣвующихъ, грѣхъ нецѣлѣу, различіе въ жизни не опредѣлено. Ибо кто еще будетъ въ правѣ охуждать невоздержнаго, или хвалить цѣломудреннаго, когда у всякаго готовъ этотъ отвѣтъ: изъ всего, что бываетъ съ нами, ничто не въ нашей

волѣ, но человѣческія произволенія могущественнѣйшимъ владычествомъ приводятся къ тому, что угодно обладающему. Итакъ не благи Божіей вина, что не во всѣхъ бываетъ вѣра, но расположенія принимающихъ проповѣдь.

ГЛАВА 32.

Что еще сверхъ этого произносятъ возражающіе? То наипаче, что высочайшему естеству вовсе не должно было доходить до испытанія смерти, но и безъ этого по преизбытку силы было можно съ удобствомъ совершить, что угодно. А если и непремѣнно сіе требовалось, по какой-то таинственной причинѣ, то не слѣдовало подвергаться позору безчестнаго образа смерти. Ибо какая смерть, говорятъ, была бы безчестнѣе крестной? — Посему что же скажемъ и на сіе? То, что смерть необходимо дѣлаетъ рожденіе. Ибо Кто однажды призналъ себя причастнымъ человѣчеству, Тому должно было принять на себя всѣ отличительныя свойства естества. Посему, такъ какъ жизнь человѣческая отличена двумя предѣлами, и еслибы переступившій одинъ предѣлъ не коснулся послѣдующаго за нимъ, намѣреніе осталось бы совершеннымъ въ половину, потому что не коснулся другаго отличительнаго свойства въ естествѣ нашемъ. Но, можетъ быть,

инный, точнѣе изучивъ таинство, съ большимъ правомъ скажетъ, что не по причинѣ рожденія послѣдовала смерть, напротивъ того наоборотъ ради смерти принято рожденіе. Ибо Присноживущій принимаетъ на себя тѣлесное рожденіе. не въ жизни имѣя нужду, но насъ возвращая отъ смерти къ жизни. Итакъ, поелику должно было совершиться возвращеніе отъ смерти цѣлаго естества нашего: то, какъ бы къ лежащему простирая руку и для сего пригнувъ къ нашему трупу, на столько приблизился къ смерти, что коснулся омертвѣнія и собственнымъ Своимъ тѣломъ даетъ естеству начало воскресенія, силою Своею совозставивъ цѣлаго человѣка. Поелику не отъикуда, но изъ нашего смѣшенія была богопріемная плоть, въ воскресеніе превознесенная вмѣстѣ съ Божествомъ; то, какъ въ нашемъ тѣлѣ дѣйственность одного изъ чувственныхъ органовъ приводитъ въ сочувствіе все соединенное съ симъ членомъ; такъ, поелику все естество есть какъ бы одно нѣкое живое существо: воскресеніе части распространяется на все, по непрерывности и единенію естества, будучи передаваемо отъ части цѣлому. Посему, что невѣроятнаго дознаемъ изъ таинства, если стоящій склоняется къ падшему, чтобы возставить лежащаго? О крестѣ же, не заключаетъ ли онъ въ себѣ другаго какого болѣе глубокаго понятія, пусть довѣдываются испытатели сокро-

веннаго. А какое дошло до насъ по преданію. состоитъ въ слѣдующемъ. Послѣку въ Евангеліи говорится и дѣлается все согласно съ высшею и божественною жизнію, и нѣтъ ничего такого, въ чемъ не оказывалось бы непосредственно нѣкое примѣшеніе Божественнаго къ человѣческому, и когда слово или дѣло производится по человѣчески, разумѣемое въ сокровенномъ смыслѣ указываетъ на Божество: то и въ этомъ отношеніи послѣдовательно будетъ не то, чтобы на одно обращать вниманіе и опускать изъ виду другое, но то, чтобы, какъ въ безсмертномъ усматривать человѣческое, такъ въ человѣкѣ доводиться Божественнаго. Ибо, такъ какъ Божеству свойственно проникать все, и сраспростираться съ естествомъ существъ во всякой части; (ничто не можетъ пребывать въ бытіи, не пребывая въ сущемъ, — собственно же и первоначально сущее есть Божіе естество, о которомъ по необходимости принуждаетъ вѣрить, что Оно во всѣхъ существахъ, самое пребываніе существъ:) то отъ креста, по наружному своему виду раздѣленнаго четыречастно, такъ что отъ середины, въ которой сопрягается онъ самъ съ собою, считаются четыре отрога, научаемся тому, что во время смертнаго домостроительства на немъ распростертъ былъ Тотъ, Кто все связуетъ и сообразуетъ съ Собою, различныя естества существъ приводя Собою въ единое

согласіе и въ стройность. Ибо въ существахъ представляется иное или вверху, или внизу, или мысль идетъ къ тому, что на стороннихъ предѣлахъ.

Посему обозримъ ли умомъ составъ или небесныхъ, или подземныхъ, или по обѣ стороны вселенной предѣловъ, повсюду номыслу нашему встрѣчается Божество, одно созерцаемое въ существахъ, во всякой ихъ части и содержащее все въ бытіи. Но естество сіе надобно ли наименовать Божествомъ, или Словомъ, или Могуществомъ, или Премудростію, или другимъ чѣмъ высокимъ и наиболѣе способнымъ показать подлежащее, ученіе наше нимало не споритъ о словѣ, или имени, или образѣ рѣчи. Итакъ, поелику вся тварь къ Нему обращаетъ взоръ, вокругъ Него стоитъ и чрезъ Него дѣлается сама съ собою связною, потому что Имъ связуется горнее съ дольнымъ, и что по сторонамъ, другъ съ другомъ: то должно было не слухомъ только руководиться намъ къ уразумѣнію Божества, но и зрѣніе содѣлать учителемъ высшихъ понятій, чѣмъ подвижнись и великій Павелъ тайно водствуетъ народъ ефесскій, ученіемъ вложивъ въ нихъ силу познать, *что есть глубина и высота и широта и долгота* (Ефес. 3, 18). Ибо каждый отрогъ креста именуется собственнымъ его именемъ, высотой называя, что вверху, глубиною, что внизу, а широтою и долготою

поперечныя протяженія. А въ другомъ мѣстѣ подобное понятіе яснѣе, какъ думаю, представляетъ Филиппійцамъ, которымъ говоритъ, что *о иже Иисуса Христа всяко колено поклонися небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10). Здѣсь полъ однимъ объемлетъ названіемъ среднее и земное, наименовавъ земнымъ все, что въ срединѣ между небеснымъ и преисподнимъ. Вотъ что дознали мы о таинствѣ креста. А что послѣ сего по порядку содержитъ въ себѣ ученіе, то таково, что и невѣрные не признають въ этомъ ничего чуждаго боіолѣпному понятію. Ибо то, что не остался во владычествѣ смерти, что язвы, произведенныя на тѣлѣ желѣзомъ, не сдѣлались ни малымъ препятствіемъ къ воскресенію, что свободно является ученикамъ по воскресеніи, когда хочетъ: пребываетъ съ ними, будучи невидимымъ, становится посреди, не имѣя нужды входить дверями, укрѣпляетъ учениковъ дуновеніемъ духа, общается бытію съ ними, никакою не остигается средою, видимымъ образомъ восходитъ на небо, а духовно пребываетъ повсюду, и что еще подобнаго сему содержитъ въ себѣ исторія, нимаю не имѣть нужды въ пособіи умозаключеній для доказательства, что это Божественно, и есть дѣло высочайшей и всепревозмогающей силы. О семъ, думаю, не должно и говорить подробно, потому что ученіе само по себѣ пока-

зываетъ преестественность. Но какъ нѣкоторую часть таинственныхъ ученій составляетъ и домостроительство купѣли (угодно ли кому будетъ наименовать это крещеніемъ, или просвѣщеніемъ, или пакыбытіемъ, спорить объ имени не станемъ); то хорошо сказать кратко и о семъ.

ГЛАВА 33

Когда слышать отъ насъ подобное слѣдующему: поелику мертвенное переходитъ къ жизни, то слѣдовало, чтобы вмѣсто перваго рожденія, вводящаго въ жизнь смертную, изобрѣтено было другое рожденіе, не растлѣніемъ начинающееся и не истлѣніемъ оканчивающееся, но вводящее рожденнаго въ жизнь безсмертную (ибо какъ отъ смертнаго рожденія и раждаемое по необходимости смертно: такъ раждаемое рожденіемъ недопускающимъ растлѣнія не подлежитъ истлѣнію смерти); когда слышать сіе и подобное сему, и узнають предварительно способъ, а именно, что молитва къ Богу, призваніе небесной благодати, вода, вѣра нужны къ совершенію таинства возрожденія; тогда, взирая на видимое, затрудняются вѣрить, находя, что совершаемое тѣлесно не соотвѣтствуетъ обѣтованію. Почему, говорятъ, молитва и призваніе Божественной силы, совершаемое надъ водою, дѣ-

аются главною причиною жизни для посвящаемых?—Для нихъ. если не крайне упорны, тобы довести ихъ до соглашенія на сей догматъ, достаточно простаго слова. Ибо спрошу: поеліку всякому извѣстенъ способъ плотскаго рожденія. то какъ дѣлается человѣкомъ, что полагается въ основаніе составу живаго существа? Но объ этомъ невозможно сказать ничего такого, что по какому либо умозаключенію нашло бы себѣ вѣроятность. Ибо что общаго у человѣческаго сѣмени съ качествомъ усматриваемымъ въ человѣкѣ? Вполнѣ сложившійся человѣкъ есть существо словесное и мысленное, одаренное умомъ и знаніемъ; а сѣмя отличается какимъ-то влажнымъ качествомъ, и понятіе о немъ не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе усматриваемаго чувствомъ. По всему какой, вѣроятно, отвѣтъ сдѣлають намъ спрошенныя, какъ повѣрить, что человѣкъ образовался изъ сѣмени; такіи мы дадимъ спрашивающимъ о возрожденіи, совершаемомъ водою. Ибо и тамъ всякій спрошенный прежде всего можетъ сказать, что человѣкъ образуется Божественною силою, безъ присутствія которой сѣмя осталось бы неподвижнымъ и бездѣйственнымъ. Итакъ, если тамъ не подлежащее производить человѣка, но Божественная сила въ естество человѣческое претворяетъ видимое; то крайняя будетъ непризнательность. Тамъ свидѣтельствуя о столь великой силѣ въ

Богъ, думать, что въ этомъ дѣлѣ Божество безсильно исполнить Свою волю. Говорятъ: что общаго между водою и жизнью? Что же общаго, спросимъ и мы, между влажностію и Божиимъ образомъ? Но тамъ нисколько нестранно, если по волѣ Божіей влага превращается въ благороднѣйшее живое существо. Равнымъ образомъ и объ этомъ скажемъ: ничего нѣтъ удивительнаго, если присутствіемъ Божественной силы рожденное въ тлѣнномъ естествѣ преобразуется въ нетлѣніе.

ГЛАВА 34.

Но требуютъ доказательства, что призываемое Божество присутствуетъ при совершаемыхъ освященіяхъ. Требующій этого пусть снова прочтетъ изслѣдованное прежде сего. Ибо доводъ, что дѣйствительно Божественна сила, явившаяся намъ во плоти, служить подтвержденіемъ настоящаго ученія. Если доказано, что Явившійся во плоти, показавшій Свое естество чудесами совершеннаго Имъ, есть Богъ: то доказано вмѣстѣ и то, что во все время призыванія пребываетъ Онъ при совершаемомъ. Какъ у каждаго существа есть нѣкая особенность, знакомящая съ естествомъ; такъ особое свойство Божественнаго естества есть истина. Но Богъ обѣтовалъ всегда оставаться соприсущимъ съ призывающими Его, быть

реди вѣрующихъ, во всѣхъ пребывать и со-
 присутствовать съ каждымъ: а посему въ дру-
 гомъ доказательствѣ о присутствіи Божіемъ
 при совершаемомъ не имѣемъ нужды, какъ са-
 мыми чудесами увѣрившись, что Богъ есть,
 такъ несомнѣваясь, что, по неживости обѣ-
 тованія, обѣтованное исполняется. А что мо-
 литвенное призываніе предшествуетъ въ Бо-
 жественномъ домоостроительствѣ, это служить
 нѣкимъ избыткомъ въ доказательствѣ, что со-
 вершаемое приводится въ исполненіе Богомъ.
 Ибо если и при другомъ способѣ произведе-
 нія на свѣтъ людей, стремленія раждающихъ,
 хотя бы ни и не было въ молитвѣ призы-
 ваемо Божество, какъ сказано выше, раждае-
 мое производить Божією силой, по удаленіи
 которой усиліе ихъ не дѣйствительно и бесполез-
 но; то кольми наче при духовномъ способѣ
 рожденія, гдѣ Богъ, какъ вѣруемъ, обѣтовалъ
 присутствовать при совершаемомъ, и дѣлу Свою
 придалъ силу, и гдѣ наше произволеніе имѣетъ
 стремленіе къ вожелѣваемому, если надле-
 жащимъ образомъ присовокупятся пособіе мо-
 литвы, — предприіемлемое совершится болѣе бла-
 гоуспѣшно. Но какъ молящіеся Богу, чтобы
 возсіяло имъ солнце, нисколько не замедляютъ
 симъ того, что непременно должно быть, и
 никто не скажетъ, что бесполезно усердіе мо-
 лящихся, если просятъ Бога о томъ, что не-
 премѣнно будетъ: такъ и вѣрующіе, что по

неложному обѣтованію Возвѣстившаго, благодать непремѣнно присуца возраждаемымъ посредствомъ сего таинственного домостроительства, или пріобрѣтають приращеніе нѣкое благодати, или не отвращаютъ отъ себя той, какая уже есть. Чго Богъ непремѣнно соприсущъ, увѣряетъ въ семъ то, что обѣтовавшій есть Богъ; а свидѣтельствомъ Божества суть чудеса: посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что Богъ присущъ во всемъ.

ГЛАВА 35.

Схожденіе же въ воду и троекратное пребываніе въ ней чловѣка заключаетъ въ себѣ другое таинство. Поелику способъ спасенія нашего содѣлался дѣйствительнымъ не столько въ слѣдствіе преподаннаго предписанія, сколько отъ того самаго, что содѣлалъ Вступившій въ общеніе съ чловѣкомъ, самымъ дѣломъ совершивъ жизнь, чтобы воспріятою Имъ и обоженною плотію спасено было все ей сродственное и съ нею однородное: то необходимо стало примыслить нѣкій способъ, въ которомъ было бы нѣкое сродство и подобіе въ происходящемъ между послѣдующимъ и предшествующимъ. Посему надобно видѣть, въ чемъ оказывается дѣйствующимъ Началовождь жизни нашей, чтобы, какъ говоритъ Апостолъ, по Начальнику (Евр. 12, 2) спасенія нашего,

благоуспѣвало подражаніе въ послѣдующихъ. Какъ учащіеся стройному въ вооруженіи движенію, по пріямъчасному имъ у обучившихся военнымъ порядкамъ, достигаютъ воинской опытности; а кто не выполняетъ на дѣлѣ того, что ему прежде показано, тотъ остается неприобрѣтшимъ таковой опытности: такимъ же образомъ и при равной тщательности о добрѣ непремѣнно одинаково необходимо послѣдовать и подражать Началовождю нашего спасенія, приводя въ дѣйствіе, что Имъ прежде было показано. Ибо невозможно направить къ равному предѣлу идущихъ неодинаковыми путями. Какъ затрудняющіеся проходить по извилинамъ лабиринговъ, если встрѣтятъ кого опытнаго въ этомъ, слѣдуя позади его, проходятъ по разнообразнымъ и обманчивымъ изворотамъ зданій, гдѣ не пройти бы, если бы шли не по слѣдамъ ведущаго: такъ разумѣй, что и лабиринтъ этой жизни неисходенъ для естества человѣческаго, если не будетъ кто держаться того же пути, которымъ Бывшій въ семъ лабиринтѣ поставилъ Себѣ внѣ его ограды. Лабиринтомъ же называю иносказательно неисходное тлѣніе смерти, въ которомъ заключенъ жалкій родъ человѣческій Что же видѣли мы въ Начальникѣ спасенія? Трідневную мертвость и снова жизнь. Слѣдовательно надлежало, чтобы и въ насъ примышлено было нѣкое такое же подобіе. Посему

какое же это примышленіе, которымъ и въ насъ исполняется подражаніе совершенному Нимъ? Все умершее имѣетъ для себя свое собственное и естественное мѣсто — землю, на которую склоняется, и въ которой бываетъ сокрыто. Но великое между собою сродство имѣютъ земля и вода, единственные изъ стихій, которыя тяжелы, стремятся внизъ, одна въ другой пребываютъ, и одна другою удерживаются. Посему, такъ какъ смерть Началовождя нашей жизни сопровождалась подземнымъ погребеніемъ, и произошла по общему закону естества; то подражаніе смерти, совершаемое нами, изображается въ ближайшей къ землѣ стихіи. И какъ оный Человѣкъ свыше, воспріявъ на Себя мертвость вмѣстѣ съ подземнымъ положеніемъ, тридневнымъ возшелъ опять къ жизни; такъ и всякій, кто въ единеніи съ Нимъ по естеству тѣла, имѣя въ виду преусиѣть въ томъ же, то есть достигнуть этаго предѣла жизни,—вмѣсто земли наливая воду и погружаясь въ этой стихіи, троекратнымъ повтореніемъ подражаетъ тридневной благодати воскресенія.

Но подобное сему говорено было и прежде, а именно, что по домостроительству промысла Божіимъ на естество человеческое наслана смерть, чтобы, по очищеніи отъ порока во время разрѣшенія тѣла и души, человѣкъ снова воскресеніемъ воссозданъ былъ здра-

ымъ. безстрастнымъ, чистымъ и чуждымъ всякой примѣси порока. Но въ Началовождѣ нашего спасенія домостроительство воспринятой смерти возымѣло окончательное совершенство, вполне приведенное въ исполненіе ю особой цѣли; ибо смертію разъединено соединенное, и снова сведено во едино раздѣленное, чтобы, по очищеніи естества разюженіемъ бывшаго въ единеніи, — разумью душу и тѣло, возвращеніе разрѣшеннаго въ единъ оиать составъ сдѣлалось чистымъ отъ чуждой примѣси. А какъ въ послѣдующихъ Началовождю естество ихъ не вмѣщаетъ въ себѣ точнаго подражанія во всемъ, но пріавъ въ себя нынѣ, сколько возможно, прочее предоставляетъ послѣдующему за симъ времени; то чему же здѣсь подражаніе? Тому, что въ образѣ умерщвленія, представляемомъ посредствомъ воды, производится уничтоженіе примѣшавшагося порока, правда, не совершенное уничтоженіе, но нѣкоторое пресѣченіе непрерывности зла, при стеченіи двухъ пособій къ истребленію злаго, покаянія согрѣшившаго и подражанія смерти, — которыми человекъ отрѣшается нѣсколько отъ союза съ зломъ, покаяніемъ будучи приведенъ въ ненавидѣніе порока и въ отчужденіе отъ него, а смертію производя уничтоженіе зла. А если бы подражающему возможно было принять на себя совершенную смерть; то сдѣланное имъ было

бы не подражаніемъ, а отождествленіемъ. и зло уничтожилось бы въ цѣлости естества нашего, такъ что, какъ говоритъ Апостолъ, человекъ однажды на всегда умеръ бы грѣху (Рим. 6, 2.). Но какъ, по сказанному, въ такой мѣрѣ подражаемъ высочайшей силѣ, въ какой вмѣщаетъ сіе ничета нашего естества: то, трижды возливая на себя воду, и снова восходя отъ воды, подражаемъ спасительному погребенію и воскресенію, совершившемуся въ трехдневный срокъ, представивъ въ мысли то, что, какъ въ нашей власти, вода, и пребываніе въ водѣ, и изникновеніе изъ нея: такъ во власти Того, Кто владычествуетъ надъ вселенною, было, погрузившись въ смерть, какъ мы въ воду, снова войти въ собственное Свое блаженство.

Посему, если кто приметъ во вниманіе, что болѣе согласно съ разумомъ, если будетъ судить о совершаемомъ по силѣ каждаго, то не найдетъ никакого разногласія въ совершаемомъ тѣмъ и другимъ, сколько возможно, по мѣрѣ естества. Ибо, какъ человекъ, если захочетъ, можетъ безопасно прикасаться къ водѣ; такъ Божественной силѣ въ безконечное число кратъ легче смерть и то, чтобы принять ее, и не подвергнуться страданію. Посему-то необходимо намъ въ водѣ предусматривать мысленно благодать воскресенія, и чрезъ это познавать, что равно для насъ удобно и креститься въ

водѣ и снова воспрянуть отъ смерти. Но какъ въ дѣлахъ житейскихъ одно главнѣе другого, и хотя дѣло не было бы успѣшно безъ сего другого, однакоже, если кто начало сравниваетъ съ концемъ, то сравниваемое съ концемъ начало дѣла покажется ничѣмъ (ибо чтó равнаго—человѣкъ и полагаемое въ составъ сего живаго существа? однакоже, если нѣтъ послѣдняго, не произойдетъ и первое); такъ и то, чтó въ великомъ воскресеніи по естеству важнѣе, здѣсь имѣетъ свои начала и причины; ибо невозможно совершиться тому, если бы не предшествовало это. Невозможно же, говорю, человѣку безъ возрожденія въ банѣ крещенія достигнуть воскресенія, имѣя въ виду не просто возрожденіе и претвореніе нашего естества (ибо къ сему, безъ сомнѣнія, должно идти естество по домоостроительству Учредившаго, побуждаемое даже и собственными нуждами, хотя человѣкъ получить благодать въ банѣ крещенія, или останется и непричастнымъ сего освященія), но возстановленіе въ состояніе блаженное, божественное и далекое отъ всякихъ печалей. Ибо не все, чтó воскресеніемъ снова возвращается въ бытіе, входитъ въ ту же жизнь; но великая среда между очистившимися и имѣющими нужду въ очищеніи. Для кого въ этой жизни предшествовало очищеніе банею крещенія, тѣмъ будетъ исходъ къ сродному; а чистому усвоится

безстрастіе; и что въ безстрастіи блаженство, — сіе несомнѣнно. Но въ комъ заглубѣли страсти, и не произведено никакого очищенія скверны, ни таинственною водою, ни призваніемъ Божественной силы, ни исправленіемъ посредствомъ покаянія: тѣмъ по всей необходимости должно быть въ приличномъ сему состояніи. А поддѣльному золоту прилично горнило. чтобы, по истребленіи примѣси къ нему порока, въ послѣдствіи долгіе вѣка естество ихъ сохранялось чистымъ предъ Богомъ. Посему, такъ какъ въ огнѣ и въ водѣ есть нѣкая очистительная сила: то таинственною водою омытые отъ скверны зла не имѣютъ нужды въ иномъ родѣ очищеній; а непосвященные симъ очищеніемъ по необходимости очищаются огнемъ.

ГЛАВА 36.

И общій смыслъ и ученіе Писанія показываютъ, что не омытому до чистоты отъ всѣхъ нечистотъ порока невозможно вступить въ божественный ликъ. Сіе-то, будучи мало само по себѣ, служить началомъ и основаніемъ великихъ благъ. Малымъ же называю по легкости преспѣянія. Ибо какой трудъ въ этомъ — вѣровать, что Богъ вездѣсущъ, что, какъ сущій во всѣхъ, присущъ и въ призывающихъ Его животворящую силу, а какъ присущій,

творить, что Ему свойственно? Особенное же свойство Божіей дѣятельности—спасеніе имѣющихъ въ Немъ нужду; а спасеніе дѣйствительно совершается очищеніемъ въ водѣ; и очистившійся дѣлается причастникомъ чистоты; подлинно же чистое есть Божество. Видишь, что малое нѣчто по началу, то есть, вѣра и вода, такъ благоуспѣшны; вѣра представлена нашему произволенію; а вода въ тѣсной связи съ человѣческою жизнію; но какъ велико и важно происходящее отъ нихъ благо, когда въ свойствѣ съ нимъ состоитъ и Божество !

ГЛАВА 37.

Но какъ существо человѣческое есть нѣчто двойное, срастворенное изъ души и тѣла; то спасаемымъ необходимо тѣмъ и другимъ слѣдовать за Руководящимъ къ жизни. Посему душа, соединившись съ Нимъ вѣрою, въ этомъ имѣетъ основаніе спасенія; ибо въ единеніи съ жизнію есть общеніе жизни. А тѣло инымъ способомъ вступаетъ въ пріобщеніе и единеніе съ Спасающимъ. Ибо, какъ, принявъ по чьему либо злоумышленію въ себя отраву, тлетворную ея силу ослабляютъ другимъ составомъ; и противоядію такъ же, какъ и губительному веществу, надобно войти во внутренности человѣка, чтобы имъ всему тѣлу

удѣлена была цѣлебная сила: такъ, вкусивъ разрушающаго естество наше, по необходимости возымѣли мы пужду въ томъ, что разрушаемое совокупляю бы снова во едино, такъ чтобы таковое противоядіе, бывъ принято нами, своимъ противоѣйствіемъ отразило вредность отравы, прѣже сего сообщенную тѣлу. Что же это за противоѣйствіе? Не иное что, какъ оное Тѣло, которое оказалось спѣнѣйшимъ смерти и послужило началомъ нашей жизни. Ибо какъ, по слову Апостола, *и҃же все сльшеніе* дѣлаетъ подобнымъ себѣ (1 Кор. 5, 6.): такъ и Тѣло, преданное на смерть Богомъ, входя въ наше тѣло, цѣлое претворяетъ и премѣняетъ въ Себя. Какъ по примѣненіи тлѣннаго къ здоровому все сраствореніе стало ни къ чему негоднымъ: такъ и безсмертное Тѣло, когда бываетъ въ принявшемъ оное, все претворяетъ въ Свое естество. Но невозможно чему либо стать внутри тѣла иначе, какъ вошедши во внутренности яденіемъ и питіемъ. Посему необходимо возможнымъ для естества способомъ принять въ себя животворящую силу Духа.

Посему же одно только оное богопріемное Тѣло пріяло въ Себя сію благодать, и доказано, что нашему тѣлу невозможно иначе достигнуть безсмертія, какъ въ общеніи съ безсмертнымъ ставъ причастнымъ нетлѣннѣю: то надлежитъ разсмотрѣть, какъ стало возможно,

что одно оное Тѣло, въ цѣлой вселенной всегда раздѣляемое столькимъ тысячамъ вѣрныхъ, въ каждомъ изъ части дѣлается цѣлымъ, и само въ себѣ также пребываетъ цѣлымъ. Посему, чтобы вѣра наша, обращая вниманіе на послѣдовательность рѣчи, не имѣла никакого сомнѣнія въ разсужденіи предложенной мысли, надѣжнѣе заняться нѣсколько въ словѣ естествословіемъ тѣла. Кто не знаетъ, что естество тѣла нашего само по себѣ, въ собственной своей вѣности, жизни не имѣетъ, но съ помощію отъиѣ притекающей силы поддерживаетъ себя, и пребываетъ въ бытіи, непрестаннымъ движеніемъ привлекая въ себя недостающее и отрѣвая отъ себя излишнее. И какъ мѣхъ какой, наполненный какою либо влагою, если влитое будетъ выходить дномъ, не сохранить своего вида по объему, когда въ происходящую пустоту не будетъ сверху вливаемо чтó либо другое; почему, кто смотритъ на объемистую поверхность сего сосуда, тотъ знаетъ, что она не собственно принадлежитъ видимому, но что влитое въ мѣхъ придаетъ видъ внѣшнему его объему; такъ и устройство нашего тѣла для своего состава, сколько извѣстно намъ, не имѣетъ ничего собственнаго, но пребываетъ въ бытіи привходящею въ него силою, и эта сила есть и называется: *пища*; да еще же, не одна и таже для всѣхъ питающихся тѣлъ, но нѣкая каж-

дому приличная дается въ удѣлъ Домостроителемъ природы. Ибо одни изъ животныхъ питаются, вырывая себѣ корни; другимъ пищею служитъ трава; а пища иныхъ—плоти. Человѣку по преимуществу пищею бываетъ хлѣбъ, и для поддержанія и сохраненія влажности—питіемъ не одна только вода, но нерѣдко подслащаемая виномъ въ пособіе той теплотѣ, которая въ насъ. Посему, кто взираетъ на это, тотъ, по возможности, имѣетъ въ виду объемъ нашего тѣла. Ибо когда бываетъ это во мнѣ, соотвѣтственно своимъ свойствамъ дѣлается кровію и тѣломъ, по претвореніи пищи премѣняющею силою въ видъ тѣла.

По изслѣдованіи этого объясненнымъ способомъ должно снова возвратиться мыслію къ предложенному. Ибо спрашивалось, какъ одно оное Тѣло Христово оживотворяетъ весь человѣческій родъ тѣхъ, въ комъ есть вѣра, всѣмъ будучи раздѣляемо и само не умаляясь. Итакъ можетъ быть, мы близки уже къ правдоподобному отвѣту. Ибо если вѣстася всякаго тѣла бываетъ изъ пищи, а пища есть яденіе и питіе, и для яденія служитъ хлѣбъ и для питія—вода, подслащаемая виномъ; Слово же Божіе, по объясненному въ первыхъ главахъ, какъ Богъ и Слово, вступило въ единеніе съ естествомъ человѣческимъ, и бывъ въ нашемъ тѣлѣ, не иной какой новый составъ

устроило естеству человѣческому, но обыкновенными и приличными средствами продолжало существованіе Тѣла Своего, снѣдію и питіемъ поддерживая его вностасть: снѣдію же былъ хлѣбъ: то посему, какъ относительно къ намъ, о чемъ говорено уже неоднократно. кто видитъ хлѣбъ, тотъ нѣкоторымъ образомъ видитъ человѣческое тѣло, потому что хлѣбъ, будучи въ тѣлѣ, дѣлается тѣломъ: такъ и тамъ богопріемное Тѣло, принимавшее въ пищу хлѣбъ, въ нѣкоторомъ отношеніи было съ нимъ одно и тоже, по причинѣ, какъ сказано. въ естество тѣла предложенной пищи. Ибо что свойственно всякой плоти, то признано и обѣ оной Плоти, а именно, что и оное Тѣло поддерживалось хлѣбомъ. Но Тѣло то вселеніемъ Бога Слова претворено въ возведенное до Божескаго достоинства: посему не безъ основанія вѣрую, что хлѣбъ, освящаемый Божиимъ Словомъ, и нынѣ претворяется въ Тѣло Бога Слова. Ибо и оное Тѣло въ дѣйствительности было хлѣбъ, освящалось же обитаніемъ Слова, обитавшаго въ плоти. Посему отъ чего хлѣбъ, въ ономъ Тѣлѣ претворившись, пріялъ Божественную силу, отъ того же самаго равное сему бываетъ и нынѣ. Ибо тамъ благодать Слова святымъ дѣлала Тѣло, котораго составъ былъ изъ хлѣба, и которое нѣкоторымъ образомъ само было Хлѣбъ: и здѣсь также хлѣбъ, по слову Апостола, *освящается Словомъ Бо-*

жизни и плотвою (1 Тим. 4, 5.), не яденіемъ и питіемъ входя въ Тѣло Слова, но прямо претворяясь въ Тѣло Слова, какъ сказано Словомъ: *сие есть Тѣло Мое* (Матѹ. 26, 26.). А поелику всякая плоть питается и влагой (ибо безъ сочетанія съ нею землянистое въ насъ не можетъ продолжать жизни: какъ твердою и крѣпкою пищею подкрѣпляемъ твердое въ тѣлѣ: такъ и влагѣ доставляемъ приращеніе изъ однороднаго съ нею вещества, которое, перешедши въ насъ, предлагающею силою обращается въ кровь, особливо если у вина позанимствуешь силу къ претворенію въ теплоту): а потому, такъ какъ богопріемная Плоть Бога Слова въ составъ Свой приняла и эту часть, и явившееся Слово для того соединилось съ браннымъ естествомъ человѣческимъ, чтобы общеніемъ съ Божествомъ обожилось и человѣчество: то по сему самому, по домо-строительству благодати, посредствомъ плоти сообщаетъ Себя всѣмъ увѣровавшимъ, у которыхъ составъ изъ вина и хлѣба, срастворяясь съ тѣлами ихъ, чтобы единеніемъ съ безсмертнымъ и человѣкъ содѣлался причастникомъ нетлѣнія. Даетъ же это. силою благословенія естество видимаго преобразивъ въ тѣло и кровь.

ГЛАВА 38

Въ сказанномъ, думаю, немалого нѣтъ опущенія относительно къ тому, что требуетъ изслѣдованія о таинствѣ, кромѣ ученія о вѣрѣ, которое кратко изложимъ и въ настоящемъ описаніи. А для требующихъ болѣе совершеннаго изъясненія, предложимъ уже мы оное въ другихъ своихъ трудахъ, съ возможнымъ для насъ тщаніемъ въ точности раскрывъ сіе ученіе. Это тѣ наши сочиненія, въ которыхъ ходили мы въ состязаніе съ противниками, и сами по себѣ занимались изслѣдованіемъ капитально предлагаемыхъ намъ вопросовъ. Въ настоящемъ же словѣ заблагоразсудили мы только сказать о вѣрѣ, сколько заключаетъ въ себѣ евангельское слово, чтобы рождающему духовнымъ возрожденіемъ знать, отъ кого оное рождается, и какимъ дѣлается живымъ существомъ. Ибо сей только видъ рожденія во власти человека—стать тѣмъ, чѣмъ самъ избереть.

ГЛАВА 39

Прочіе рождаемые происходятъ на свѣтъ отъ похоти рождающихъ; рождаемый же духовно зависитъ отъ свободы рождаемаго. Итакъ, поелику опасность въ томъ, чтобы,

по свободѣ предоставленнаго каждому выбора, не ошибиться въ дѣйствительно полезномъ: то сказываю, что стремящемуся къ собственному своему рожденію хорошо будетъ предугнать своимъ разсудкомъ, какой отецъ принесетъ ему пользу. и отъ кого лучше образоваться его естеству: ибо сказано, что таковымъ порожденіемъ свободно избираются родители. Итакъ, поелику все существующее дѣлится на два рода, —на созданное и несозданное, и естество несозданнаго обладает неизмѣняемостію и непреложностію, тварь же по прератности измѣняема: то по разсудку избирающій полезное, какого естества избересть скорѣе сдѣлаться чадомъ, —представляющагося ли превратнымъ, или обладающаго непреложностію, постоянствомъ и всегда одинаковымъ пребываніемъ въ добрѣ? И какъ въ Евангеліи преподано о трехъ Лицахъ и о трехъ Именахъ, отъ которыхъ бываетъ рожденіе вѣрующихъ, и раждаемый о Троицѣ равно раждается отъ Отца и Сына и Святаго Духа; ибо о Духѣ Евангеліе говоритъ такъ: *рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. 3, 6.), и Павелъ раждаетъ о Христѣ (1 Кор. 4, 6.), и Отецъ есть отецъ всѣмъ (Фил. 1, 2.): то да трезвится при семъ мысль слушателя, чтобы не сдѣлаться ему порожденіемъ естества непостояннаго, когда возможно виновникомъ собственного своего естества сдѣлать непре-

ложнаго и неизмѣняемаго. Ибо по расположе-
нію сердца у приступающаго къ домострои-
тельству и совершаемое имѣетъ силу, такъ
что исповѣдующій святую Троицу несоздан-
ною вступаетъ въ непревратную и неизмѣняе-
мую жизнь, а кто, по ложному понятію, ви-
дитъ въ Троицѣ естество созданное, и послѣ
того крестится въ Нее, тотъ снова рождается
въ превратную и измѣняемую жизнь; ибо раж-
даемое по необходимости однородно съ есте-
ствомъ рождающихся. Насему что полезнѣе.—
войдти ли въ жизнь непревратную, или опять
взяться въ жизни непостоянной и измѣняе-
мой? Итакъ, поелнѣ для всякаго имѣющаго
сколько нибудь разума явно, что несравненно
предпочтительнѣе постоянное непостояннаго,
совершенное недостаточнаго, ни въ чемъ не
имѣющее нужды—нуждающагося, то, чему не-
куда идти выше, и что всегда пребываетъ въ
совершенствѣ добра,—съ преснѣніемъ про-
стирающагося впередъ: то имѣющему умъ
необходимо избрать одно изъ двухъ, — или
увѣровать, что святая Троица — естество не-
созданное, и такимъ образомъ Ее въ духов-
номъ рожденіи содѣлать вождемъ собственной
жизни; или, если кто признаетъ, что Сынъ и
Святый Духъ внѣ естества перваго, истиннаго
и благаго Бога, разумѣю Отца, и во время
возрожденія не пріемля вѣры въ Троицу, то
да неостается въ невѣдѣніи, что, самъ себя

предавая естеству недостаточному, имѣющему нужду въ благодѣющемъ, и отринувъ вѣру въ существо превысшее, нѣкоторымъ образомъ вводитъ себя опять въ однородное съ собою. Ибо, подчинившись чему либо тварному, самъ того не замѣчая, надежду спасенія полагаетъ не въ Богѣ. Ибо всякая тварь въ сродствѣ съ собою имѣетъ и прочія твари, по тому самому, что наравнѣ съ ними приходитъ въ бытіе изъ небытія. И какъ въ строеніи тѣла всѣ члены имѣютъ взаимное сродство, хотя одни изъ нихъ по достоинству ниже, а другіе выше: такъ и тварное естество соединено между собою по общему закону для твари, и разность въ насъ по преимуществу и недостаточности не лишаетъ тварь сродства съ самой собою. Ибо въ томъ, что равно представляется намъ прежде несуществовавшимъ, хотя въ иныхъ отношеніяхъ и была бы разность, съ этой стороны не находимъ никакого различія по естеству. Посему, если человѣкъ, будучи тварью, думаетъ, что твари—и Духъ и Единородный Богъ; то напротивъ будетъ освобождать себя отъ безнадежности перехода въ лучшее состояніе. Ибо совершающееся въ немъ подобно понятіямъ Никодима, который, дознавъ отъ Господа, что должно родиться свыше, но не вмѣщая еще въ умъ ученія о таинствѣ, увлекся помыслами къ матерней утробѣ (Іоан. 3, 4.). Посему, если человѣкъ

обратится не къ Естеству несоздавному, но къ сродственной, и также, какъ самъ онъ, служебной твари: то рожденіе его долѣе, а не выше. Евангеліе же говоритъ, что рожденіе спасаемыхъ *выше* (Іоан. 3. 3.).

ГЛАВА 40.

Но кажется мнѣ, что сіе огласительное слово въ сказанномъ доселѣ не заключаетъ еще достаточнаго ученія. Ибо должно, думаю, обращать вниманіе и на то, что послѣ сего, и что оставляютъ въ небреженіи многіе изъ приступающихъ къ благодати крещенія, себя самихъ вводя въ обманъ и почитаясь только возрожденными, а не дѣйствительно таковыми дѣлаясь. Ибо возрожденіемъ совершаемое претвореніе нашей жизни не будетъ претвореніемъ, если останемся въ томъ же состояніи, въ какомъ и теперь. Кто пребываетъ въ томъ же состояніи, о томъ не знаю, почему можно было бы подумать, что онъ сдѣлался кѣмъ-то инымъ, когда не перемѣнилось въ немъ ни одного изъ отличительныхъ признаковъ. Ибо, что спасительное возрожденіе пріемлется для обновленія и преложенія естества нашего, явно это всякому: но человѣчество само по себѣ отъ крещенія не пріемлетъ измѣненія, ни разсудокъ, ни разумѣніе, ни познавательная способность, ни другое что, собственно слу-

жащее отличительною чертою естества человеческого, не приходит въ претвореніе; ибо претвореніе было бы къ худшему, если бы измѣнилось какое либо изъ сихъ отличительныхъ свойствъ естества. Итакъ, если рожденіе свыше дѣлается возсозданіемъ человѣка, а это не допускаетъ перемѣны: то должно разсмотрѣть, съ претвореніемъ чего благодать возрожденія совершенна. Явно, что съ изглаженіемъ дурныхъ признаковъ въ естествѣ нашемъ происходитъ переходъ въ лучшее. Итакъ, если, по слову Пророка, измылись въ сей таинственной банѣ, стали мы чисты произволеніями, смывъ лукавства *отъ души* (Иса. 1, 16.): то содѣлались лучшими, и претворились въ лучшее. Если же баня послужила тѣлу, а душа не свергла съ себя страстныхъ нечистотъ, напротивъ того жизнь по тайнодѣйствію сходна съ жизнью до тайнодѣйствія; то, хотя смѣло будетъ сказать, однакоже скажу и не откажусь, что для такихъ вода остается водой, потому что въ раждаемомъ нимало не оказывается дара святаго Духа, когда не только гнусная раздражительность, страсть любостыжательности, распутныя и непристойныя мысли, надмѣнность, зависть, гордыня служатъ поруганіемъ Божію образу, но у него и прибѣжки неправды остаются, и прелюбодѣніемъ пріобрѣтенная жена даже послѣ сего продолжаетъ служить его сладостра-

стію. Если это и подобное сему одинаково бываетъ и прежде и послѣ крещенія въ жизни крестившагося, то нельзя опредѣлить, что въ немъ прегворено, видя его тѣмъ же, чѣмъ былъ онъ прежде. Обиженный, оклеветанный, лишенный собственности не усматриваютъ на себѣ никакой перемѣны въ сказанномъ. Не слышать и отъ него Закхеевыхъ словъ: *еще кого чилѣ обидѣхъ, возвращу четверницею* (Лук. 19, 8). Что говорили о немъ до крещенія, то же самое говорятъ и теперь: тѣми же называють именами. — корыстолюбцемъ, пакимъ на чужое, радующимся человѣческой бѣдѣ. Игакъ, кто остается такимъ же, какимъ былъ, и потомъ разглашаетъ о перемѣнѣ въ немъ на лучшее, произведенной крещеніемъ, тотъ да слышитъ Павлово слово: *еще кто мнитъ себе быти что, ничтоже сый, убоиѣ лститъ себе* (Гал. 6, 6); ибо чтобы тебѣ *быти что*, надобно содѣлаться этимъ. *Елицы пріяни Ею*, говоритъ о возрожденныхъ Евангеліе, *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1, 12). А кто содѣлался чымъ либо чадомъ, тотъ, конечно, однороденъ съ родившимъ. Посему, если пріялъ ты Бога, содѣлался чадомъ Божиимъ, покажи произволеніемъ, что и въ тебѣ Богъ, покажи въ себѣ Родшаго. По какимъ признакамъ познаемъ Бога, тѣми же признаками и содѣлавшемуся сыномъ Божиимъ надлежитъ доказать свойство свое съ Богомъ.

Онъ отверзаетъ руку, и исполняетъ всякое животно благоволенія (Пса. 144, 16), оставляетъ беззаконія (Млч. 7, 18), раскрывается о злѣ (Иов. 3, 10), *благъ Господь всячески ѡ* (Пса. 144, 9), *и не имѣѡ наводни на всякъ день* (Пса. 7, 12), *правъ Господь Богъ и нѣсть неправды въ Него* (Пса. 91, 16), и все подобное сему, чтѣ дознаемъ о Богѣ изъ различныхъ мѣстъ Писанія. Если ты таковъ, то дѣйствительно содѣлался чадомъ Божиимъ. А если остаешься съ прежними признаками порока: то напрасно разглашаешь о своемъ рожденіи свыше. Пророчество скажетъ тебѣ, что ты сынъ человѣческій, а не сынъ Вышняго, *любишь суету, ищешь лжи* (Пса. 4, 3). Не знаешь развѣ, что человѣкъ не иначе дѣлается сыномъ Божиимъ, какъ только, когда дѣлается святымъ?

Къ сему необходимо присовокупить и остальное, а именно, что блага, по обѣтованіямъ уготованныя жившимъ хорошо, таковы, что не могутъ быть изображены словомъ. Ибо какъ изобразить, *иже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце чловѣку не въздоша* (1 Кор. 2, 9)? Да и мучительная жизнь грѣшниковъ не имѣетъ никакого сравненія съ тѣмъ, чтѣ огорчаетъ чувство въ здѣшней жизни, напротивъ того, какими извѣстными здѣсь наименованіями ни назовешь тамошнія наказанія, не въ маломъ будетъ разность. Ибо слыша слово: *огонь*, наученъ ты представлять мысленно иное вѣчто

отъ огня здѣшняго; потому что огню тому предается, чего нѣтъ въ здѣшнемъ. Ибо тотъ огонь не угасаетъ; для сего же огня открыто опытомъ много угашающихъ средствъ; а между огнемъ угашаемымъ и недопускающимъ угашенія великая разность. Поэтому послѣдній есть нѣчто иное, а не то же, что и первый. И опять слышишь ты о червѣ: не обращай мысленно по одноименности къ червю земному. Ибо присовокупленіе, что червь не умираетъ, подаетъ мысль разумѣть другое какое-то естество сверхъ известнаго намъ. Итакъ, поелику предоставлено надеждѣ будущей жизни, чтобы по праведному суду Божию, отъ произволенія каждаго отраждалось, что сообразно ему: то дѣломъ цѣломудренныхъ будетъ взирать не на настоящее, но на то, что будетъ послѣ, а въ теченіе сей краткой и временной жизни полагать основанія неизреченнаго блаженства, и благимъ произволеніемъ сдѣлать для себя чуждымъ испытаніе золъ, какъ нынѣ, въ сей жизни, такъ послѣ сего въ вѣчномъ воздаяніи.

11. КЪ АВЛАВІЮ

О ТОМЪ, ЧТО НЕ «ТРИ БОГА».

Хотя отъ васъ, во всей силѣ цвѣтущихъ по внутреннему челоѣку, справедливость требуетъ, бороться съ противниками истины и не ослабѣвать въ трудахъ, чтобы намъ отцамъ можно было порадоваться на доблестно проливаемый потъ чадъ; такъ какъ сего требуетъ законъ природы; однакоже, поелику, извративъ порядокъ, къ намъ отсылаешь прираженія стрѣлъ, какими противники мещуть въ истину, и приказываешь намъ старикамъ щитомъ вѣры угашать *ули пустынные* (Пса. 119, 4.) и изощренныя лженменнымъ вѣдѣніемъ стрѣлы; то принимаемъ приказаніе, дѣлаясь для тебя образцемъ благопокорности, чтобы и ты самъ, въ случаѣ подобныхъ приказаній, воздалъ намъ тѣмъ же, какъ скоро и тебя, мужественный Христовъ воинъ Авлавій, возставимъ на подобныя подвиги. Вопросъ же этотъ, кото-

ли предложилъ ты намъ, немаловаженъ и не
иковъ, чтобы могъ привести малый только
редъ. если останется безъ надлежащаго изъ
лдованія. Ибо, по требованію главнаго по
женія, непремѣнно необходимо, въ ближай
шемъ къ разумнѣю смыслѣ, согласиться на
дну изъ противоположностей, или утвер
ждать, что Боговъ три (что непозволительно),
ли Сыну и Святому Духу не приписывать
Божества (что нечестиво и нелѣпно). Утвер
ждаемое же тобою таково: Петръ, Іаковъ,
оаннъ, какъ человѣчество ихъ одно, назы
ваются тремя человѣками, и нѣтъ ничего не
лѣпаго соединенныхъ по естеству, если ихъ
много, по именованію естества называть во
множественномъ числѣ. Посему, если тамъ до
пускаетъ это обычай, и никто не запрещаетъ
двоихъ называть двоими, а если больше дво
ихъ, то и троими: почему въ таинственныхъ
догматахъ, исповѣдуя три вѣпостаси, и не при
мѣчая въ нихъ никакой разности по естеству,
нѣкоторымъ образомъ противорѣчимъ исповѣ
данію, утверждая, что Божество Отца и Сына
и Святаго Духа одно, запрещая же называть
ихъ тремя Богами? Посему, какъ сказалъ я
прежде, вопросъ весьма затруднителенъ. И
для насъ всего лучше будетъ найдти что либо
такое, на что могла бы опереться колеблю
щаяся наша мысль, не приводимая уже болѣе
въ сомнѣніе и недоумѣніе обоюдною нелѣпо-

стію. Но если отвѣтъ нашъ окажется слабѣйшимъ предложенной задачи, то преданіе, которое пріяли отъ отцевъ, навсегда сохранимъ твердымъ и неподвижнымъ, защитительнаго же слова вѣрѣ поищемъ у Господа, и если найдемъ у кого либо изъ имѣющихъ благодать, то возблагодаримъ Подателя благодати. А если не найдемъ, тѣмъ неменѣе вѣру въ признаваемое нами будемъ имѣть непреложною.

Итакъ почему у насъ въ обычаѣ оказывающихся принадлежащими къ одному и тому же естеству, перечисляя по одиночкѣ, называть во множественномъ числѣ: столько-то человѣкъ, а не говорить, что всѣ они—одинъ человѣкъ; догматическое же ученіе о Божіемъ естествѣ отвергаетъ множество Боговъ, перечисляя впостаси, но не принимая множественнаго значенія? Людямъ простымъ можетъ показаться сказавшимъ на сіе нѣчто дѣльное, кто дастъ въ отвѣтъ, что прежде всего придетъ ему на мысль, а именно: христіанское ученіе, избѣгая сходства съ эллинскимъ многобожіемъ, остереглось считать Боговъ во множествѣ, чтобы не признано было какъ либо и общности въ догматахъ, если и у насъ Божество числимо будетъ не единично, но множественно. подобно принятому въ обычаѣ у эллиновъ. И это, будучи сказано людямъ нехитрымъ, покажется, можетъ быть, имѣющимъ нѣкоторое значеніе: для другихъ же, которые въ слѣд-

ствіе вопроса стараются утвердиться въ иномъ: или исповѣдывать Божественности въ трехъ лицахъ, или имѣющихъ общеніе въ той же Божественности непремѣнно именовать тремя, —данный отвѣтъ еще не таковъ, чтобы служить рѣшеніемъ вопроса.

Посему необходимо отвѣчать обстоятельнѣе, какъ прилично отыскивающимъ слѣды истины; потому что рѣчь идетъ не о маловажномъ. Посему утверждаемъ вопервыхъ, что есть нѣкое неправильное словоупотребленіе въ этомъ обычаѣ, нераздѣляемыхъ по естеству называть въ множественномъ числѣ однимъ и тѣмъ же именемъ естества и говорить: многіе человѣки, чему подобно будетъ, если сказать: многія естества человѣческія; а что сіе дѣйствительно такъ, явно для насъ будетъ изъ слѣдующаго. Когда кличемъ кого, именуемъ его не по естеству, чтобы общность имени не произвела какой ошибки, если каждый слышащій подумаетъ, что кличутъ его, потому что зовъ дѣлается не собственнымъ названіемъ, но общимъ именемъ естества; напротивъ того, произнося собственное имя, принадлежащее вызываемому, разумѣю то слово, которымъ означается этотъ именно человѣкъ, такимъ образомъ отличаемъ его отъ многихъ, такъ что, хотя много имѣющихъ это естество, положу напримѣръ учениковъ, апостоловъ, мучениковъ, но этотъ человѣкъ изъ всѣхъ одинъ; потому что, какъ

сказано, человѣкъ есть названіе не въ отдѣльности каждаго, но общаго естества; ибо и Лука и Стефанъ—человѣкъ, но если кто человѣкъ, то онъ не есть уже непременно и Лука и Стефанъ. Напротивъ того понятіе вѣстасей, по усматриваемымъ въ каждой особенностямъ, допускаетъ раздѣленіе, и по сложеніи представляется числомъ; но естество одно, сама съ собою соединенная и въ точности недѣлимая единица, неувеличиваемая приложеніемъ, неумалаямая отъятіемъ; но, какъ есть одна, такъ, хотя и во множествѣ является, сущая нераздѣльною, нераздробляемою, всецѣлою, неудѣляемою причастникамъ ея по особой части каждому. И какъ словами: народъ, толпа, войско, собраніе, все называется въ единственномъ числѣ, хотя въ каждомъ изъ именованій подразумѣвается множество; такъ и человѣкомъ въ точнѣйшемъ понятіи можетъ быть названъ собственно одинъ, хотя оказывающихся принадлежащими къ тому же естеству много, такъ что гораздо лучше будетъ исправить этотъ погрѣшительный у насъ обычай, и имя естества не распространять на множество, или же, поработившись оному, происходящей оттого погрѣшности не переносить и на Божественный догматъ. Но послѣднее исправленіе обычая неудобноисполнимо (ибо какъ убѣдится кто оказывающихся принадлежащими къ тому же естеству не называть мно-

гимнъ челоѡѡкама? потому что обычаи во всемъ съ трудомъ измѣняются); то въ разсужденіи естества дошняго не столько погрѣшимъ, не противясь господствующему обычаю, такъ какъ здѣсь никакого нѣтъ вреда отъ погрѣшительнаго употребленія именъ. Но не такъ безопасно различное употребленіе именъ въ Божественномъ догматѣ. потому что здѣсь и маловажное уже не маловажно.

Итакъ единого Бога исповѣдывать намъ должно, по свидѣтельству Писанія: *слыши Израилю, Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Второз. 6, 4.), хотя именованіе Божества простирается на святую Троицу. Говорю же это на основаніи преданнаго намъ о челоѡѡческомъ ествѣ; изъ чего дознали мы, что названіе естества не должно расширять отличительнымъ свойствомъ множественности. Но точнѣе изслѣдовать намъ должно самое имя Божества, чтобы заключающимся въ словѣ значеніемъ оказано было нѣкоторое содѣйствіе къ уясненію предложеннаго вопроса. Многимъ кажется, что слово: Божество употребляется собственно объ ествѣ. и какъ или небо, или солнце, или какая либо другая изъ стхій міра обозначается особенными именами, отличающими именуемое; такъ, говорятъ, и въ разсужденіи высочайшаго и божественнаго естества; слово: Божество, какъ нѣкое въ собственномъ смыслѣ прилагаемое

имя, естественно приличествуетъ означаемому. Но мы, слѣдуя внушеніямъ писанія, дознали, что естество Божіе неизмѣнимо и неизречно, и утверждаемъ, что всякое имя, познано ли оно по человѣческой сущности, или предано писаніемъ, есть истолкованіе чего либо разумѣваемаго о Божіемъ ествѣ, но не заключаетъ въ себѣ значенія самаго естества. И для доказательства, что это дѣйствительно такъ, нѣтъ кому либо нужды въ большемъ трудѣ. Ибо всѣ прочія имена, придаваемыя твари, и безъ какого либо словопроизводства можетъ иной найти случайно приспособленными къ предметамъ: потому что любимъ, какъ ни есть, обозначать вещи ихъ именемъ, чтобы знаніе означаемого содѣлалось у насъ неслитнымъ. Всѣ же имена, которыя служатъ руководствомъ къ постиженію Божества, таковы, что каждое имѣетъ собственный опредѣленно заключающійся въ немъ смыслъ, и между боголѣпнѣйшими именами не найдешь ни одного слова безъ какого либо понятія. Почему и доказывается смъ, что какимъ бы то ни было именемъ, не означается самое Божественное естество, а напротивъ того симъ сказуемымъ показывается нѣчто изъ относящагося къ естеству. Ибо говоримъ, если такъ случится, что Божество нетлѣнно, или могущественно, или что иное, какъ обычно намъ говорить, но каждому имени приписыва-

емъ особое значеніе, какое прилично представить въ умѣ и высказать о Божіемъ естествѣ, и которымъ не то означается, что есть въ сущности естество. Ибо не тлѣнно то, что имѣетъ бытіе; а понятіе нетлѣнія то, что существующее не подвергается тлѣнію. Посему, называя нетлѣннымъ, утверждаемъ, что естество не терпитъ тлѣнія; что же такое непретеривающее тлѣнія, сего мы не представляемъ.

Такъ, если назовемъ Божество животворящимъ, то, означивъ симъ названіемъ, что творить, словомъ симъ не доставляемъ познанія о самомъ Творящемъ. И по тому же закону изъ заключающагося въ боголѣпныхъ именахъ значенія находимъ и все прочее, что или возбраняетъ познавать о божественномъ естествѣ то, чего не должно, или научаетъ тому, что должно знать, но не заключаетъ въ себѣ истолкованія самаго естества. Итакъ, поелику, примѣчая разнообразныя дѣятельности преемственной Силы, отъ каждой изъ извѣстныхъ намъ дѣятельностей примѣняемъ Ей приличные названія; то одну и именно ту дѣятельность, которая есть назипрающая и наблюдающая, и, какъ скажетъ ипый, зрительная (*θεατική*), и которою Богъ надъ всѣмъ наблюдаетъ и имѣетъ надзоръ. усматривая помышленія и проникая созерцательною силою даже въ невидимое, положили мы отъ зрѣнія (*ἐκ τῆς θείας*)

наименовать Божеством (*τὴν Θεότητα*), и Зрителя нашего, и по обычаю и поученію Писаній, называть Богомъ. Если же кто соглашается, что одно и тоже значить быть зрителемъ и видѣть, и назирающему надъ всѣмъ Богу быть и именоваться надзирателемъ вселенной; то пусть разсудить о сей дѣятельности, одному ли изъ Лицъ исповѣдуемыхъ во святой Троицѣ принадлежить, или на всѣ три Лица простирается эта сила. Ибо если истинно сіе истолкованіе слова: Божество, и видимое зримо и зрящее называется Богомъ,—то нѣтъ уже основанія, которое либо изъ Лицъ Троицы лишать такого наименованія, по значенію заключающемуся въ словѣ. Ибо Писаніе свидѣтельствуешь, что видѣть равно принадлежить и Отцу и Сыну и Святому Духу. *Защитниче нашъ виждь Божие* (Пса. 83, 10.), говорить Давидъ; а изъ сего дознаемъ, что понятіе о Богѣ, поелику умопредставляется Онъ нами, заимствовано отъ особенной зрительной дѣятельности, по сказанному: *виждь Божие*. Да и Иисусъ видитъ помышленія осуждающихъ, и потому самовластно прощаетъ грѣхи людямъ: ибо сказано: *видѣвъ Иисусъ помышленія ихъ* (Матѣ. 9, 4.). И о Духѣ говоритъ Петръ Апостолъ: *почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому* (Дѣян. 5, 3.), показывая, что неслживымъ свидѣтелемъ и наблюдателемъ того, на чтò въ тайнѣ отважился

Ананія, былъ Духъ Святый, отъ Котораго и Петру было откровеніе утаеннаго; ибо Ананія содѣлался татемъ самого себя. утаеваясь, какъ думалъ, отъ всѣхъ и сокрывая грѣхъ; Духъ же Святый вмѣстѣ былъ и въ Петрѣ. и прозрѣвалъ въ мысль Ананіи, влекущую его къ корысти. и отъ Себя даетъ Петру силу видѣть сокрытое; а сего, очевидно, не содѣлалъ бы, если бы небылъ зрителемъ тайнаго.

Но скажетъ кто нибудь, что приводимое въ словѣ доказательство неидетъ къ вопросу. Ибо если допустить, что названіе: Божество есть общее естеству, то симъ еще не доказано, что не должно говорить: Боги. а напротивъ того сіе-то скорѣе и понуждаетъ говорить: Бсги; ибо находимъ. что. по людскому обычаю, упоминаются, не въ единственномъ числѣ, многими, не только имѣющіе одно и тоже общее естество, но и принадлежащіе къ одному и тому же сословію по занятіямъ; почему говоримъ о многихъ риторакъ, геометрахъ, земледѣльцахъ, сапожникахъ, также и о занимающихся всѣмъ инымъ. И если бы слово: Божество было именованіемъ естества. то больше было бы умѣстнымъ, на указанномъ выше основаніи три вностаи включить въ единое и называть единымъ Богомъ, по несѣкомости и нераздѣлимости естества. Но елику же сказаннымъ доказывалось, что имя: Божество означаетъ не естество, а дѣятельность; то

смыслъ рѣчи обращается какъ то въ противное доказываемому, а именно, что тѣмъ паче должно называть трехъ Боговъ, умпредставляемыхъ въ одной и той же дѣятельности; какъ говорится: три философа, или ритора, или. ежели есть другое какое имя, взятое отъ занятія, и многіе участвуютъ въ одномъ и томъ же. Все это обработалъ я съ большою тщательностію, раскрывая возраженія противниковъ, чтобы большую твердость пріобрѣлъ у насъ догматъ. опержавъ верхъ надъ труднѣйшими противоположеніями. Поэтому должно начать намъ рѣчь снова. Такъ какъ у насъ по самому ходу рѣчи достаточно доказано, что слово: Божество есть именованіе не естества, а дѣятельности; то можетъ быть, на то, что у людей состоящіе между собою въ общеніи по однимъ и тѣмъ же занятіямъ числятся и именуются множественно, а божественное, какъ единый Богъ и единое Божество, именуется единично, хотя три впостаси не различаются по значенію, оказывающемуся въ словѣ: Божество, иной основательно представить слѣдующую причину: люди, хотя и многіе имѣютъ одинъ родъ дѣятельности, но каждый, самъ по себѣ оставленный дѣйствовать, приводитъ въ дѣйствіе лежащее ему безъ всякаго общенія въ своей дѣятельности съ занимающимися чѣмъ либо подобнымъ. Ибо если риторы и много, то, хотя занятіе, какъ единое, одно и тоже

имѣетъ имя во многихъ, однако же посвятившіе себя этому занятію дѣйствуютъ каждый самъ по себѣ, особо риторствуетъ одинъ, и особо другой.

Итакъ, поелику у людей при однихъ и тѣхъ же занятіяхъ дѣятельность каждаго отдѣльна; то они въ собственномъ смыслѣ называются многими, такъ какъ каждый изъ нихъ по своеобразности дѣйствованія отдѣляется отъ другихъ въ особый округъ. Но о Божескомъ естествѣ дознали мы не то, именно же, не то, что Отецъ Самъ по Себѣ творитъ чтò либо, къ чему не прикасается Сынъ, или Сынъ опять производить чтò либо особо безъ Духа; но что всякое дѣйствованіе, отъ Божества простирающееся на тварь и именуемое по многообразнымъ о Немъ понятіямъ, отъ Отца исходитъ, чрезъ Сына простирается и совершается Духомъ Святымъ. Посему имя дѣйствованія не дѣлится на множество дѣйствующихъ, такъ какъ нѣтъ усвоеннаго каждому и особеннаго попеченія о чемъ либо. Но чтò ни происходитъ, касающееся или промышленія о насъ, или домостроительства и состава вселенной—все производится Тремя, впрочемъ произведеній не три. Уразумѣемъ же сказанное по одному какому либо предмету. Начинаю рѣчь съ самаго главнаго изъ дарованій; жизнь улучило все, чтò стало причастнымъ сей милости. Итакъ доведываясь, откуда произошло у насъ

такое благо, находимъ, по руководству Писанія, что отъ Отца и Сына и Духа Святаго. Но на томъ основаніи, что полагаемъ три Лица и Имени, не заключаемъ, что особо каждымъ изъ Нихъ дарованы намъ три жизни; напротивъ того одна и таже жизнь приводится въ дѣйствіе Отцемъ, уготовляется Сыномъ, зависитъ отъ соизволенія Духа. Итакъ, подобно сказанному, всякую дѣятельность святая Троица не приводитъ въ дѣйствіе раздѣльно по числу Упостасей; напротивъ того происходитъ одно какое либо движеніе и распоряженіе доброй воли, переходящее отъ Отца чрезъ Сына къ Духу. Посему, какъ производящихъ одну и ту же жизнь не называемъ тремя животворящими, ни созерцаемыхъ въ одной и той же благодати тремя благими, ни о всемъ другомъ не выражаемся множественно: такъ не можемъ именовать тремя Богами совокупно и нераздѣльно другъ чрезъ друга приводящихъ въ дѣйствіе на насъ и на всякихъ тваряхъ оную Божескую (*θεϊκήν*), то есть надзирающую, силу и дѣятельность. Ибо дознавъ изъ Писанія, что Богъ всяческихъ судитъ *всей земли* (Быт. 18, 25), утверждаемъ, что Онъ судія вселенной чрезъ Сына. И слыша опять, что *Отецъ не судитъ никого же* (Іоан. 5. 22.), не думаемъ, что Писаніе противорѣчитъ само себѣ; ибо *Судьяй всей земли* творитъ сіе чрезъ Сына, Которому далъ весь судъ. И все, совершаемое

Единороднымъ, относится къ Отцу, такъ что Онъ есть судія вселенной, и никого не судить: потому что весь судъ, какъ сказано, отдалъ Сыну, и всякій судъ Сына не чуждъ Отческой волѣ; посему никто не имѣетъ основательной причины, или наименовать двохъ судей, или одного въ отношеніи къ суду признать чуждымъ той власти и силы. Такъ и относительно понятія о Божествѣ, *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.). И надзирающую и зрительную силу, которую называемъ Божествомъ, Отецъ приводитъ въ дѣйствіе чрезъ Единороднаго, потому что Сынъ всякую силу совершаетъ Святымъ Духомъ, и судить, какъ говоритъ Исаія, *духомъ суда и духомъ зноя* (Иса. 4, 4.), дѣйствуетъ же по евангельскому слову, изреченному іудеямъ: ибо говоритъ: *амѣ же азъ о Дусѣ Божіи изиюю бгсы* (Матѣ. 12. 28.), подъ частнымъ благодѣяніемъ заключая всѣ виды благодѣяній, по причинѣ единства относительно къ дѣйствованію; а кѣмъ другъ черезъ друга въ дѣйствіе приводится одно, у тѣхъ нма дѣйствованія не можетъ быть раздѣляемо на многихъ. Ибо, какъ прежде сего сказано, одинъ законъ надзирающей и зрительной силы у Отца и Сына и Святаго Духа, отъ Отца, какъ изъ нѣкакого источника исходящій, Сыномъ приводимый въ дѣйствіе и силою Духа совершающій благодать; а посему ни одно дѣйствіе не

различается по вѣстасямъ, какъ бы каждою особо и отдѣльно, безъ обнаруженія въ дѣйствіи и прочихъ, совершаемое: напротивъ того вся промыслительность попечительность и бдительность надъ вселенной, относительно къ чувственной твари и къ естеству премірному и охраняющая существа, и исправляющая погрѣшительное, и научающая исправности, единственна, а не трояка, хотя святою Троицею совершается, однако же не раздѣляется тречастно по числу созерцаемыхъ вѣрою Лицъ, такъ чтобы каждое изъ дѣйствій, само по себѣ разсматриваемое, было или одного Отца, или особо Единороднаго, или отдѣльно Святаго Духа. Но раздѣляетъ каждому особыя блага, какъ говоритъ Апостолъ, *единъ и тойжде Духъ* (1 Кор. 12, 11.). Не безначально же движеніе блага отъ Духа; напротивъ того находимъ, что все творитъ предусматриваемая мысленно въ семъ движеніи сила, и это есть единородный Богъ, безъ Котораго ни одно существо не приходитъ въ бытіе, да и сей опять Источникъ благъ исходитъ изъ Отчей воли.

Если же всякое благое дѣло и имя не во времени, безъ перерывовъ, зависимо отъ безначальной силы и воли, приводится въ совершеніе въ силѣ Духа Единороднымъ Богомъ, и не бываетъ, или не представляется мыслию никакого протяженія времени въ движеніи Божественной воли отъ Отца чрезъ Сына къ

къ Духу; единымъ же изъ добрыхъ именъ и понятій есть Божество; то несправедливо было бы имени сему разсѣваться на множество, такъ какъ единство въ дѣйствованіи возбраняетъ множественное исчисленіе. И какъ у Апостола именуется *единъ Спаситель всѣхъ человекоу*, *паче же всѣхъ* (1 Тим. 4, 10.), и на основаніи сихъ словъ никто не скажетъ, что или не Сынъ спасаетъ вѣрующихъ, или спасеніе улучающихъ оное бываетъ безъ Духа; напротивъ того спасителемъ всѣхъ бываетъ Богъ всяческихъ, между тѣмъ какъ совершаетъ спасеніе Сынъ благодатию Духа; и тѣмъ паче въ Писаніи именуются не три Спасителя, если и исповѣдуется, что спасеніе отъ святыя Троицы; такъ не три Бога, по данному значенію слова: Божество, хотя такое названіе и приличествуетъ святой Троицѣ. Входитъ же въ состязаніе съ возражающими, что подъ словомъ: Божество не должно разумѣть дѣятельности, кажется мнѣ чѣмъ-то не очень необходимымъ для настоящаго въ словѣ семь доказательствъ; ибо вѣруя, что естество Божіе неопредѣлимо и непостижимо, не примышляемъ никакого объемлющаго оное понятія, но постановляемъ правиломъ представлять себѣ естество сіе во всѣхъ отношеніяхъ безпредѣльнымъ; а всецѣло безпредѣльное не таково, чтобы инымъ опредѣлялось, инымъ же нѣтъ; напротивъ того безпредѣль-

ность во всякомъ смыслѣ избѣгаетъ предѣла. Посему, что въ предѣла, то, конечно, не опредѣляется и именемъ: почему, чтобы при естествѣ Божіемъ осталось понятіе неопредѣлимости, говоримъ, что Божество выше всякаго имени, Божество же есть и одно изъ именъ. Слѣдовательно невозможно, чтобы одно и то же, и именемъ было, и признавалось выше всякаго имени.

Впрочемъ, если угодно сіе противникамъ, что бы слово: Божество имѣло значеніе не дѣятельности, а естества; то возвратимся къ сказанному въ началѣ, что имя естества по обычаю погрѣшительно употребляется при означеніи множества, потому что ни умаленія, ни приращенія въ истинномъ смыслѣ не происходятъ въ естествѣ, когда оно усматривается во многихъ или въ немногихъ. Ибо то одно счисляется, какъ слагаемое, что представляется въ особомъ очертаніи; подъ очертаніемъ же разумѣется поверхность тѣла, его величина, мѣсто, различіе по виду и цвѣту. А что усматривается кромѣ сего, то избѣгаетъ очертанія таковыми признаками; и что не имѣетъ очертанія, то не счисляется, не-исчисляемое же не можетъ быть умопредставляемо во множествѣ; потому что и о золотѣ, хотя оно раздроблено на многія разнаго вида части, говоримъ, что оно есть одно, и называется однимъ; монеты и

статирь (а) именуемъ многими, во множествѣ статировъ не находя никакого приумноженія въ естествѣ золота: почему и говорится о золотѣ, что его много, когда разсматривается въ большомъ объемѣ. или въ сосудахъ, или въ монетахъ. но по множеству въ нихъ вещества не говорится, что много золотыхъ веществъ, развѣ кто скажетъ такъ. разумѣя дарикъ (б) или статирь, въ которыхъ значеніе множества придано не веществу. а частямъ вещества; ибо въ собственномъ смыслѣ должно говорить, что это не золотыя вещества, но золотыя вещи. Посему, какъ золотыхъ статировъ много, а золото одно; такъ въ естествѣ человѣческомъ по одиначкѣ взятыхъ людей оказывается много, напримѣръ Петръ. Іаковъ, Іоаннъ, но человѣкъ въ нихъ одинъ. Если же Писаніе имя: человѣкъ расширяетъ и на множественное значеніе, говоря: *человѣцы большіи клянутся* (Ерв. 6, 16.), и: *сынове человѣчестіи* (Пса. 35, 8.), и тому подобное; то должно знать, что Писаніе, водясь обычаемъ господствующаго нарѣчія, не узаконяетъ, что такъ, или какъ иначе. должно употреблять реченія, и выражается такъ. не какое либо искусственное предлагая ученіе о реченіяхъ.

(а) Греческая золотая монета во 100 драхмъ

(б) Персидская золотая монета съ изображеніемъ Дарія.

но пользуется словомъ согласно съ господствующимъ обычаемъ. имѣя въ виду то одно, чтобы слово содѣлалось полезнымъ для пріемлющихъ, но не входя въ тонкія изслѣдованія выраженій, гдѣ не происходитъ никакого вреда отъ смысла реченій

Долго было бы въ доказательство сказаннаго собирать все неправильности словосочиненія въ Писаніи: но въ разсужденіи чего есть опасность потерпѣть скольконибудь вреда истинѣ, въ томъ въ реченіяхъ писанія не оказывается неразборчивости и безразличія. Посему и допускаетъ употребленіе слова: человекъ во множественномъ числѣ, потому что отъ такого образа рѣчи никто не впадетъ въ предположеніе множества человечествъ, и не поумаетъ, будто означаются многія человеческія естества, потому что имя естества выражено множественно. Но слово : Богъ съ осторожностію возвѣщаетъ Писаніе въ единственномъ видопзмѣненіи слова, заботясь о томъ чтобы множественнымъ значеніемъ: Бои въ Божественную сущность не ввести различныхъ естествъ. Почему говоритъ : *Господь Богъ, Господь единъ есть* (Второз. 6, 4 . Но и Единороднаго Бога проповѣдуетъ въ словѣ: Божество, не разлагаетъ единого на двойственное значеніе, чтобы Отца и Сына именовать двумя Богами, хотя тотъ и другой проповѣдуется у святыхъ Богомъ. Но какъ

Гр. Нисскъ Ч II

Отецъ Богъ, такъ и Сынъ Богъ; единъ же Богъ въ одной и той же проповѣди, потому что не умопредставляется въ Божествѣ никакого различія ни по естеству, ни по дѣятельности. Ибо если бы по предположенію обольщенныхъ, естество святой Троицы было разнообразно; то въ слѣдствіе сего число распространялось бы до множества боговъ, раздѣляясь вмѣстѣ съ инаковостію сущности въ Лицахъ. Но поелику божественное, простое, неизмѣняемое естество отвергаетъ отъ себя всякую инаковость по сущности; то, поелику оно едино, не допускаетъ до себя значенія множества. Но какъ естество называется единымъ, такъ въ единственномъ числѣ именуется и все иное: Богъ, благій, святой, спаситель, праведный, судія, и если еще разумѣть другое какое изъ боголѣпныхъ именъ, о которомъ пусть скажетъ иной, что относится оно или къ естеству, или къ дѣятельности. спорить объ этомъ не будемъ.

Если же кто станетъ клеветать на наше слово, что, не принимая различія по естеству, приводитъ къ какому-то смѣшенію и круговращенію чюстасей, то въ защиту отъ таковой укоризны скажемъ слѣдующее: исповѣдуя безразличіе естества не отрицаемъ разности быть причиною и происходить отъ причины. понимаемъ, что этимъ только и различается одно отъ другаго, именно тѣмъ, что, какъ

вѣруемъ, одно Лице есть причина; а другое отъ причины. И въ томъ, что отъ причины, опять представляемъ себѣ другую разность; ибо одно прямо отъ перваго, другое отъ перваго же при посредствѣ того, что отъ Него прямо, почему и единородность несомнѣнно остается при Сынѣ. и Духу несомнѣнно также принадлежитъ бытіе отъ Отца, потому что посредничество Сына и Ему сохраняетъ единородность, и Духа не удаляетъ отъ естественнаго сближенія со Отцемъ. Говоря же: причина и сущее отъ причины. не естество означаемъ этими именами (ибо никто не усвоить одного и того же понятія словамъ: причина и естество), но показываемъ разность въ способѣ бытія. Ибо говоря, что одинъ по причинѣ, а другій безъ причины, не естество раздѣляемъ понятіемъ о причинѣ, но показываемъ только, что бытіе имѣютъ, и Сынъ не нерожденно, и Отецъ не черезъ рожденіе. Прежде необходимо намъ увѣриться въ бытіи чего либо, и тогда уже довѣдываться какъ существуетъ то, въ бытіе чего вѣримъ; ибо иное понятіе о томъ, что существуетъ нѣчто, и иное о томъ, какъ оно существуетъ. Посему сказать: существуетъ сіе нерожденно, значитъ рѣшить: *какъ* оно существуетъ: но этимъ словомъ не показывается вмѣстѣ, что именно существуетъ. И если спросишь земледѣльца о какомъ нибудь деревѣ: посажено оно, или

само собою выросло, а онъ отвѣтитъ, что или дерева не сажали, или отъ насажденія оно выросло. то симъ отвѣтомъ покажетъ ли онъ естество дерева? Нѣтъ. Напротивъ того сказавъ, какъ оно существуетъ, понятіе объ естествѣ оставилъ неизвѣстнымъ и неуясненнымъ. Такъ и здѣсь, услышавъ слово: нерожденный, научены мы, какъ Онъ существуетъ, и какъ намъ надлежитъ разумѣть Его; но что такое Онъ есть, не сказано намъ этимъ словомъ. Итакъ, говоря о таковой разности въ святой Троицѣ, а именно, что, по нашему вѣрованію, одно Лице есть причина, а другое отъ причины, не можемъ уже быть обвиняемы въ томъ, будтобы по общности естества смѣшиваемъ понятіе объ Упостасяхъ. Посему, послику понятіе причины различаетъ Упостаси святаго Троицы, утверждая бытіе безъ причины, и бытіе отъ причины: естество же Божіе во всякомъ представленіи разумѣется непремѣннымъ и нераздѣльнымъ: то посему, въ собственномъ смыслѣ, одно Божество, одинъ Богъ, и всѣ другія боголѣпныя имена выражаются въ числѣ единственномъ.

12. КЪ СИМПАЛКЮ,

О В Ъ Р Ъ.

Чрезъ пророка повелѣваетъ Богъ, ни одного *новаго Бога* не признавать Богомъ, и не поклоняться *Богу чуждему* (Пса. 80, 10.). Новымъ же, какъ явно, называется то, что не отъ вѣчности, и наоборотъ, опять вѣчнымъ называется, что не ново. Посему, кто не вѣруетъ, что единородный Богъ отъ вѣчности имѣетъ бытіе отъ Отца, тотъ не отрицаетъ, что Онъ новъ; потому что невѣчное, безъ сомнѣнія, ново, а все новое не есть Богъ, какъ изрекло Писаніе: *да не будетъ тебѣ Богъ новъ*. Посему, кто говоритъ, что нѣкогда Его не было, тотъ отрицаетъ Его Божество. Опять возбраняетъ поклоняться Богу чуждему, кто говоритъ: *ниже поклонилися Богу чуждему*; чуждый же представляется въ противоположность собственному нашему Богу; итакъ, кто же собственный нашъ Богъ? Явно, что Богъ истин-

ный. Кто же чуждый? Конечно тотъ, который чуждъ естеству истиннаго Бога. Итакъ, если истинный Богъ есть нашъ собственный, то едиnorodный Богъ, ежели Онъ, какъ говорятъ еретики, не имѣетъ естества истиннаго Бога, будетъ Богъ чуждый, а не нашъ: Евангеліе же говоритъ, что овцы не послушаются *чуждаго* (Іоан. 10. 5.). А кто говоритъ, что Онъ сотворенъ, тотъ доказываетъ, что Онъ чуждъ естеству истиннаго Бога. Посему что же дѣлаютъ утверждающіе, что Единородный сотворенъ? Поклоняются ли Ему, какъ сотворенному, или нѣтъ? Если не поклоняются, то іудействуютъ, отказывая въ поклоненіи Христу. Если же поклоняются, то идолопоклонствуютъ; потому что поклоняются тому, кто чуждъ истинному Богу. Но равно нечестиво, и не поклоняться Сыну, и поклоняться *Богу чуждему*. Посему Сына истиннаго Отца надлежитъ называть истиннымъ, чтобы поклоняться Ему, и не быть осужденными за то, что поклоняемся *Богу чуждему*. А тѣмъ, которые повторяютъ слова книги Притчей: *Господь созда Мя* (Прит. 8, 12.), и признаютъ въ этомъ твердое нѣкое доказательство того, что Творецъ и Создатель вселенной сотворенъ, надлежитъ сказать, что ради насъ многимъ содѣлался едиnorodный Богъ; будучи Словомъ, сталъ Онъ плотію, будучи Богомъ, сталъ человекомъ, будучи безплотнымъ, сталъ тѣломъ.

и еще кромѣ сего содѣлался грѣхомъ, и клятвою, и камнемъ, и сѣкирою, и хлѣбомъ, и овцею, и путемъ, и дверію, и камнемъ, и многимъ тому подобнымъ, не будучи ничѣмъ этимъ по естеству. но ради насъ содѣлавшись по домостроительству.

Посему, какъ ради насъ, будучи Словомъ, содѣлался плотію, и будучи Богомъ, содѣлался человѣкомъ, такъ, и будучи Творцемъ, ради насъ сталъ тварію; потому что плоть сотворена. Посему и сказалъ, какъ чрезъ пророка: *такъ глаголетъ Господь, создавый Мя отъ чрева раба Себѣ* (Иса. 49, 5.), такъ и чрезъ Соломона: *Господь созда Мя въ начало путей Своихъ въ дѣла Своя*. Итакъ и въ сказанномъ у Пророка, созданный во чревѣ дѣвы есть рабъ, а не Господь, то есть по плоти человѣкъ, въ которомъ явился Богъ; и здѣсь созданный въ начало путей Божіихъ есть не Богъ, а человѣкъ, въ которомъ явился намъ Богъ, чтобы опять обновить растлѣнный путь человѣческаго спасенія. Посему такъ какъ о Христѣ знаемъ то и другое, — и Божеское и человѣческое, въ естествѣ Божеское, а въ домостроительствѣ то, что по человѣку, то въ слѣдствіе сего Божеству присвоаемъ вѣчность, а человѣческому естеству приписываемъ тварность. Ибо, какъ, по слову пророка, во чревѣ созданъ рабомъ, такъ, по слову Соломона, рабственною сею тварію явился во плоти. Когда же

скажутъ: если быль. то не рожденъ; и если рожденъ, то не быль;—тогда пусть научатся, что особенностей плотскаго рожденія не надлежитъ прилагать къ естеству Божию; потому что тѣла, несуществовавъ прежде, раждаются; Богъ же несуществующее творитъ существующимъ. а Самъ не происходитъ изъ несущаго. Посему и Павелъ именуетъ Его *сіянїемъ славы* (Евр. 1, 3.), въ наученіе наше, что, какъ свѣтъ отъ свѣтильника и отъ свѣтящагося естества, даже вмѣстѣ съ ними (ибо какъ скоро появляется свѣтильникъ, возсіяваетъ вмѣстѣ и свѣтъ отъ него): такъ Апостолъ повелѣваетъ разумѣть и здѣсь, что и Сынъ отъ Отца, и Отецъ никогда не былъ безъ Сына. Ибо невозможно славѣ быть не блистательною, какъ невозможно свѣтильнику быть безъ сіянія. Явно же, что какъ быть сіянїемъ—служить свидѣтельствомъ бытія по славѣ, потому что. если нѣтъ славы, то не будетъ и сіяющаго отъ нея: такъ утверждать, что нѣтъ сіянія—служить доказательствомъ, что не было и славы, когда не было сіянія; потому что невозможно славѣ быть безъ сіянія. Посему, какъ невозможно сказать о сіяніи, что. если оно было, то не произошло; и если произошло, то его не было; такъ напрасно утверждать это о Сынѣ, потому что Сынъ есть сіяніе.

Прилагающіе же понятія меньшаго и боль-

шаго къ Сыну и Отцу да научатся у Павла неизмѣрять неизмѣримаго; ибо Апостолъ называетъ Сына *образомъ Отчей вѣности* (Евр. 1. 3.). Изъ сего явствуеть, что какова вѣность Отчая, таковъ и *образъ* вѣности. Ибо невозможно образу быть меньше созерцаемой въ немъ вѣности. Но и великій Юаннъ учить сему, говоря: *въ началѣ бы Слово, и Слово бы къ Богу*. Тѣмъ, что сказалъ: *въ началѣ бы*, а не *послѣ начала*, показалъ, что начало никогда не было безъ Слова; а тѣмъ, что указалъ: *Слово бы къ Богу*, означилъ, что Сынъ въ сравненіи съ Отцемъ не имѣетъ ни въ чемъ недостатка: потому что вмѣстѣ со всецѣлымъ Богомъ всецѣло созерцается и Слово. Если бы Слово имѣло недостатокъ въ Своей великости, такъ что не могло бы Оно быть *къ* всецѣлому Богу; то, по всей необходимости, слѣдовало бы признать, что въ Богѣ преизбытокъ предъ Словомъ немѣетъ уже Слова. Напротивъ того, во всемъ величій Бога созерцается вмѣстѣ и величіе Слова. Итакъ для Божественныхъ догматовъ не имѣетъ мѣста выраженіе: это больше, а это меньше. Утверждающіе же, что рожденное по естеству не подобно нерожденному, да научатся примѣромъ Авеля и Адама не разсуждать негѣно. Ибо и Адамъ по естественному человѣческому рожденію не былъ рожденъ. АVELь же родился отъ Адама, а неродившійся называется нерожденнымъ, — но

Адаму нимаго не воспрепятствовало быть человекомъ то, что онъ не родился, и Авеля рожденіе не сдѣлало чѣмъ нибудь инымъ въ естествѣ человѣческомъ; напротивъ того и готъ и другой человекъ, хотя одинъ былъ рожденъ, а другой не имѣлъ рожденія. Посему и по божественнымъ догматамъ сіе—быть нерожденнымъ и рожденнымъ—не производитъ разности въ естествѣ; но какъ въ Адамѣ и Авелѣ человѣчество одно; такъ въ Отцѣ и въ Сынѣ Божество одно.

И о Духѣ Святомъ хулители говорятъ тоже, что и о Господѣ, то есть, что Онъ—тварь: Церковь же равно, какъ о Сынѣ, такъ и о Святомъ Духѣ. вѣруетъ, что Онъ не созданъ, и что всякая тварь чрезъ причастіе превысшаго блага дѣлается благою (Духъ же Святый не имѣетъ нужды въ подаваемой благодати, потому что благъ по естеству, какъ свидѣтельствуется Писаніе); и тварь путеводится Духомъ, Духъ же даруетъ путеводство: тварь управляется, а Духъ управляетъ: тварь требуетъ утѣшеній, а Духъ утѣшаетъ; тварь пребываетъ въ рабствѣ, а Духъ освобождаетъ; тварь умудряется, а Духъ даетъ благодать премудрости; тварь пріемлетъ дарованія, а Духъ раздаетъ со властію. Ибо *вся сія дѣйствуютъ единъ и тойже Духъ, раздѣляя властію, комужедо якоже хочетъ* (1 Кор. 12. 11.). И въ Писаніи можно найти тысячи другихъ доказательствъ,

что всѣ высокія и боголѣпныя именования. какія Писаніемъ придаются Отцу и Сыну, читаются и о Святомъ Духѣ, какъ то: нетлѣніе, блаженство, благодѣть, премудрость, могущество, правда, святость; всякое досточтимое имя также употребляется о Святомъ Духѣ, какъ употребляется оно и объ Отцѣ и о Сынѣ, кромѣ тѣхъ именъ, которыми ясно и неслитно отличаются одна отъ другой въпостаси, разумѣю же, что Духъ Святой не называется ни Отцемъ, ни Сыномъ: всѣ же другія имена, какими именуются Отецъ и Сынъ, усвояются Писаніемъ и Святому Духу.

Въ слѣдствіе сего понимаемъ, что Духъ Святой выше твари; а поэтому, гдѣ разумѣется Отецъ, и гдѣ разумѣется Сынъ, тамъ разумѣется и Духъ Святой; ибо Отецъ и Сынъ выше твари, это же послѣдовательность слова свидѣтельствуемъ и о Духѣ Святомъ. Посему, кто Духа Святаго превозноситъ выше твари, тотъ, значитъ, пріемлетъ правое и здоровое ученіе; ибо исповѣдуетъ одно несозданное естество, созерцаемое въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ. Если же въ доказательство того, какъ думаютъ, что Духъ Святой сотворенъ, представляютъ намъ пророческое слово, въ которомъ сказано: *утверждаѣй тролѣ и оздавый духъ* (в)

(в) *Псалма*; по славянскому переводу: *всптрѣ*

и возвыщая въ чловѣцѣхъ Христа Своего (Ам. 4, 13.): то надлежитъ разумѣть, что пророкъ говоритъ о созданіи новаго духа въ утвержденіе грома, а не Духа Святаго, ибо громомъ таинственное ученіе именуется Евангеліе. Посему тѣ, въ комъ вѣра въ Евангеліе дѣлается твердою и непреложною, бывъ прежде плотію, посредствомъ вѣры переходятъ въ другое состояніе, дѣлаются духомъ, какъ говоритъ Господь, что *рожденное отъ плоти, плоть есть; и рожденное отъ Духа, духъ есть* (Іоан. 3, 6.). Итакъ утвержденіемъ въ вѣрующихъ евангельскаго слова Богъ творитъ вѣрующаго духомъ; а кто рожденъ отъ Духа, и кого таковой громъ содѣлываетъ духомъ, тотъ возвыщаетъ Христа, потому что, какъ говоритъ Апостолъ, *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса Христа, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3.).

13. ПРОТИВЪ УЧЕНІЯ О СУДЬБѢ.

Помнишь, безъ сомнѣнія, что произошло со мною, когда недавно у васъ весьма великая гора невѣрія, говоря евангельски, подвинулась въ вѣру (Матѣ. 17, 20.): потому что премудрый Евсевій въ старости придумалъ достойное своихъ сѣдинъ, если только надобно пнымъ держаться той мысли, будто бы это есть примышленіе человѣческое, а не Божественное нѣкое содѣйствіе Того, Кто направляетъ человѣчество во благое. Тогда подумавъ изумлялся я необычайности чуда, какъ бывшій прежде въ такомъ невѣріи величіемъ вѣры въ много кратъ превзошелъ мѣру невѣрія. И какъ въ продолженіе нашей бесѣды, зашла какъ-то рѣчь, касающаяся вопросовъ о судьбѣ, получилъ я приказаніе твое, о честная для меня и священная глава, письменно въ посланіи пересказать тебѣ разговоръ, бывшій о семъ предметѣ въ великомъ Константиновомъ градѣ съ однимъ изъ философовъ. Итакъ, улучивъ ненадолго досугъ, въ немно-

гихъ словахъ, сколько можно, сокращая рѣчь, изложу тебѣ въ простомъ и необработанномъ разсказѣ, всего болѣе остерегаясь того, чтобы рѣчь, простертая до обширности разсужденія, не переступила далеко мѣру посланія.

Предложилъ я нѣсколько словъ о нашемъ благочестіи одному мужу, обученному внѣшней мудрости, какъ можно было догадываться изъ того, что онъ говорилъ, и намѣревался его убѣдить, чтобы отъ еллинства перешелъ въ согласіе съ нашимъ ученіемъ. Но какъ приводилъ онъ много доказательствъ, что избраніе чего либо по своей волѣ не во власти желающихъ, напротивъ того связывалъ человѣческую жизнь какою - то необходимостію, безъ которой не можетъ ничего сдѣлаться изъ бывающаго съ нами, и отражалъ мое ученіе слѣдующими словами: если опредѣлено ему сдѣлаться христіаниномъ, то сдѣлается непременно, хотя бы и мы того не хотѣли: если же возбранено сіе будетъ необходимостію судьбы, то не сдѣлается возможнымъ изобрѣсти какой либо способъ, чтобы имъ преодолѣть судьбу: то, поелику говорилъ онъ это, думалъ я, какъ и естественно было, что онъ избѣгаетъ случая дознать что либо о вѣрѣ, будучи глубоко погруженъ въ еллинство, и симъ способомъ желая отразить продолженіе нашего слова. Но не переставалъ онъ держаться того же, утверждая, что все подчине-

но необходимости судьбы, что она во главѣ сущаго, ея вращенію покорствуютъ всѣ существа, и долгота жизни, и разность въ нравахъ, и избраніе рода жизни, и устроеніе тѣлъ, и неравенства достоинствъ, такъ что необходимо начальствуетъ, кто по судьбѣ достигаетъ начальства, по той же причинѣ иный пребываетъ въ рабствѣ, а также богатѣетъ и бѣднѣетъ; и опять здоровое и немощное сложеніе тѣла, короткая жизнь и долговѣчность туже имѣютъ причину. Ибо кто и малое число дней наслаждается жизнью, и кто проводитъ ее долгое время, не по собственному усилю, но по оной необходимости, тотъ и другой получаютъ то и другое; инаиначе, какъ судьбою, дается въ удѣлъ и произвольная и произвольная смерть, и разнообразныя виды смерти насильственной, причиняемой въ несчастныхъ случаяхъ, или удавленіемъ, или судебнымъ приговоромъ, или по злоумышленію. И сихъ еще болѣе общія и многообъемлющія страданія, землетрясенія, кораблекрушенія, наводненія, бѣдствія отъ огня и всѣ подобныя виды золъ представляя зависящими отъ оной причины. присовокупляя, что и въ житейскихъ занятіяхъ нисколько не властенъ разсудокъ избирающаго. Но всѣ, утверждалъ онъ, служатъ владѣчеству судьбы, когда кто философствуетъ, или ораторствуетъ, или воздѣлываетъ землю, или мореходствуетъ, избираетъ жизнь супружескую,

или безбрачную; а также необходимость и для добродѣтели и порока, такъ что, по неминуемому сему жребію, одинъ привязался къ жизни болѣе возвышенной, проводимой въ нестяжательности и свободѣ. другой же раскапываетъ гробы, или на морѣ разбойничаетъ, или иномъ требуетъ. или изнѣживаетъ себя распутною жизнію. Перечисляя все сему подобное, думалъ онъ, что представилъ сильную причину непринимать нашего ученія, показавъ, что не отъ насъ зависитъ власть избирать, чего пожелаемъ, но должны ожидать сего отъ оной необходимости, которая если положить начало такому стремленію, дѣломъ необходимости будетъ и нехотя послѣдовать ученію; безъ этой же необходимости невозможно сдѣлаться этому и при сильномъ желаніи.

Когда проговорилъ онъ это и подобное тому, спросилъ я его: не Богомъ ли какимъ почитаетъ онъ имѣющаго державу надъ всѣмъ, и величаемаго именемъ судьбы, и чьею волею, по вѣрованію его, устрояются дѣла каждаго? Онъ же, осудивъ меня за великое малое, выказанное въ этомъ вопросѣ, сказалъ: не разумѣешь ты, кажется мнѣ, ничего беснаго. Иначе зналъ бы ты силу судьбы, и какъ эта сила неминуемо объята цѣпію событий. Когда же на эту рѣчь выразилъ я удивленіе, и пожелалъ дознать нѣчто болѣе ясное, именно, представляетъ ли онъ судьбу какою

либо силою свободою, самоправною, не работою, оказывающею въ себѣ превысшую нѣкую власть, или подѣ именемъ судьбы понимаетъ нѣчто иное: опять возвращаясь къ прежнему слову, говоритъ онъ: кто наблюдалъ движеніе небесныхъ тѣлъ, зодіакальный кругъ, двѣнадцать на немъ отдѣловъ, равно отстоящихъ другъ отъ друга по очертаніямъ видимыхъ созвѣздіи, постигъ силу каждой изъ звѣздъ, то есть, какую силу имѣетъ каждая сама по себѣ отъ природы, и что производятъ собраніе звѣздъ при извѣстномъ взаимномъ ихъ соединеніи. когда свойство каждой изъ нихъ по возможности смѣшано приближеніемъ къ другой. и отдѣлено удаленіемъ отъ другой: что опять производятъ прохожденіе въ низу нижней звѣзды, и что затмѣніе во время перехода и опять возстановленіе верхней, разнообразное расположеніе сходящихся и расходящихся звѣздъ. описуемое треугольными, или косвенными очертаніями, или составляющее какое либо иное изъ извѣстныхъ въ геометріи очертаній.—кто уразумѣлъ сіе и подобное сему; тотъ узнаетъ означаемое словомъ: судьба; потому что именемъ судьбы объясняется необходимо совершаемое при извѣстномъ сочетаніи звѣздъ въ какой-то неминуемой цѣпи. Поелику же мнѣ и это опять казалось страннымъ, потому что не понималъ я ничего изъ утверждаемаго, какъ необучавшійся этой на-

уѣ: то просилъ я объяснить мнѣ сказанное тѣмъ, изъ чего могъ бы я познать смыслъ слова: судьба. Ибо что звѣздные круги одни въ другомъ заключаются, и движеніемъ противоположнымъ прямому обращенію вращаются внутри, всѣ же они описываютъ кругъ зодіака, это, сказала я, слыжаль и отъ другихъ и въ слѣдствіе сего несомнѣвно, что лучи свѣтила, по особому каждому полуютъ круговращенію, сближаются и расходятся, низшее проходить въ низу, вернее скрывается отъ нашихъ взоровъ если бываетъ позади проходящаго въ низу. И что въ слѣдствіе сего естественно заключать, если изъ звѣздъ составляется какое либо очертаніе, когда кругъ собственнымъ движеніемъ вращаетъ находящуюся на немъ звѣзду: такъ что она во время перехода бываетъ, или на одной прямой чертѣ съ верхнею надъ ней звѣздою, или на сторонѣ ея, если въ малое, и если въ большее, продолженіе времени совершается полный оборотъ каждой изъ звѣздъ, такъ какъ онѣ, по величинѣ отношенія къ каждому изъ круговъ, необходимо или скорѣе или менѣе движутся при обратномъ вращеніи, — о всемъ этомъ и о подобномъ сему просилъ я умолчать, ясно же раскрыть мнѣ только могущество судьбы, Богъ ли какой разумѣется подъ именемъ судьбы, отъ Котораго зависитъ держава вселенной, и Который всѣмъ управляетъ полновла-

стно. по избытку силы, какъ угодно Ему; или предполагается. что сила судьбы служебна другой нѣкой высшей дѣятельности. такъ что и она сама нѣкоторымъ образомъ состоитъ подъ властію другой судьбы, сооставленной съ высочайшею причиною всего? Ибо, если повѣримъ. что судьба имѣетъ державу надъ всѣмъ, то послѣдовательность рѣчи приведетъ къ той мысли, что ей ничто не служить началомъ. Если же утверждаемъ, что судьба. послѣдуя движенію звѣздъ. надъ всѣмъ господствуетъ съ насильственною нѣкою необходимостію; то безопаснѣе было бы скорѣе предшествовавшему. нежели послѣдующему, присвоить эту всемогущую власть, и звѣзды называть причиною сего, именно же или прямое ихъ круговращеніе. или внутри круговращенія сего усматриваемые круги. или кругъ описываемый на оси косвенно. Ибо если кто предположительно согласится, что звѣзды не движутся и вѣчнымъ круговращеніемъ не производится между ними взаимнаго передвиженія одной отъ другой, но всегда состоятъ онѣ въ одномъ и томъ же расположеніи: то не состоитъ судьба. Итакъ. если движеніе звѣздъ порождаетъ судьбу, то напрасно признается она господствующею надъ всѣмъ другимъ. если она сама въ рабствѣ у высшей причины. и не существуетъ, какъ скоро нѣтъ движенія.

Но оный философъ говоритъ: не это и не

такъ полагаетъ наше ученіе: по оному судьба не сама по себѣ представляется, какъ нѣкая личность: напротивъ того, посліку въ существахъ есть одно нѣкое сочувствіе, и все само въ себѣ связано, и отдѣльныя части, разсматриваемыя въ цѣломъ, какъ бы въ одномъ тѣлѣ объемлются единымъ согласіемъ, потому что всѣ части одна съ другою тѣсно соединены: посему, такъ какъ верхній удѣлъ гораздо главнѣе, все земное примѣняется къ тому, что идетъ впереди, и согласуется съ этимъ, потому что сообразно съ движеніемъ того, что вверху, необходимо движется все зѣшнее, по преимуществу же, какъ сказано, сплюю каждой усматриваемой звѣзды. Какъ во врачебномъ составѣ качества веществъ, по какому либо закону искусственно смѣшанныя въ общемъ раствореніи производятъ нѣчто иное, а не то, чѣмъ было каждое вещество до взаимнаго ихъ смѣшенія: такъ, посліку и звѣздныя силы оазыжаются съ различными свойствами, то разнообразное, происходящее отъ сближенія и разстоянія звѣздъ, сочетаніе различныхъ свойствъ производитъ многообразныя различія совершающагося въ жизни, какъ бы нѣкимъ потокомъ непрерывно отголѣблющимся на насъ. Посему-то предсказанія будущаго, дѣлаемыя любомудрствующими о семъ тщательнѣе, бывають непогрѣшительны. Ибо, какъ сѣдующій во врачебномъ искусствѣ, если

горячительное или производящее онѣмѣніе лѣкарство смѣшано съ соленымъ или вяжущимъ, предсказываетъ свойство составляющееся отъ смѣшенія разнообразныхъ веществъ, а также и что оно производитъ, и долго ли будетъ имѣть силу, и кому бываетъ губительно, кому же спасительно; такъ, кто со тщаніемъ внимаетъ горнему, постигъ природу каждаго существа, тотъ познаетъ силу сочетанія ихъ качествъ, что она производитъ. Самый же потокъ сей и на малое время не бываетъ самъ себѣ подобенъ. Напротивъ того поелику движеніе входящихъ во взаимное сочетаніе звѣздъ никогда не останавливается: то и онъ необходимо измѣняется, непрерывно переимчиваясь, согласно съ движеніемъ, всегда состоя въ связи съ разнообразіемъ движенія, и по движенію звѣздъ измѣняя свои дѣйствія. И каждый изъ вступающихъ въ жизнь, привлеки себѣ изъ сего потока ту долю, какая достается ему, сообразно этому мгновенію (г) времени, дѣлается тѣмъ, что предугазало и произвело свойство этой части. Ибо по всей необходимости, какъ оттискомъ печати, сдѣланнымъ на воску, отпечатлѣвается видъ изображенія, такъ и человѣческая жизнь какою долею силы, истекающей изъ движенія звѣздъ, бываетъ увлечена, по

войству оной части и должна отпечатлѣваться и ѣлаться тѣмъ, что имѣла въ себѣ доля стеченія, которую мгновенно привлекъ начинающій жизнь, и которою однажды будучи запечатлѣвъ сообразно примѣчаемой тамъ силѣ, необходимо сообразуется въ свойствѣ образа жизни, дѣлая, или претерпѣвая то, чему начало и причины положили для него первая встрѣча съ звѣздынымъ онымъ потокомъ.

Когда сказалъ онъ это, замѣтилъ я ему: jeżeli не перестанешь распространяться предъ мною въ пустословіи и въ бредняхъ, доказывая, что недѣлимая оная доля мгновеннаго іріобщенія притекаетъ къ намъ свыше, по словамъ твоимъ, служа причиною всего, что въ насъ: но не скажешь, одушевлено ли это, и имѣетъ ли свободное произволеніе, и какъ господствуетъ надъ одушевленными неодушевленное, немѣющее самостоятельности, неспособное показать, что есть въ немъ какое либо собственное, природное стремленіе? Напротивъ того, надъ всякою волею, надъ предусмотрительностію разсудка, надъ ученостію, тщательностію и добродѣтельными предначинаніями въ словѣ своемъ поставилъ ты, какъ бы какимъ самоуправнымъ властелиномъ и владыкою, что-то неодушевленное, несвободное въ произволеніи, непостоянное, преходящее, недѣлимое, несостоятельное: и въ зависимости отъ силы этого поставляешь составъ

и управленіе существъ, и не видимъ въ какія нѣлѣпности вдается ученіе твое? Ибо если доля онаго потока имѣетъ таковую силу, что по оной содержится, что пришло въ бытіе при первомъ ея происхожденіи: то, конечно, потому что непослѣдовательно, но предварительно направляется ею состояніе существъ. Посему доля сія, по мѣрѣ собственной силы своей, поведетъ разлагаемо, и не будетъ услуживать рожденію при встрѣтившихся ему обстоятельствахъ. Ибо не видно здѣсь, что чего первоначальнѣе: потому что то и другое во мгновеніе равно одно съ другимъ сходится. И человекъ прежде исшествія изъ ложища находится въ какомъ-то движеніи, движимый умаленіемъ и возрастаніемъ въ естествѣ, потому что и сіе составляетъ родъ движенія: и звѣзда, прежде нежели человекъ привлечетъ въ себя воздухъ, уже въ движеніи, и не стоитъ. И встрѣча равно встрѣчающихся между собою въ слѣдствіе движенія, затруднительнымъ дѣлаетъ для судіи рѣшить, что чему предшествуетъ: ибо и звѣзды движутся круговращаясь, и разлагаемое совершаетъ естественный свой путь. Если же то и другое взаимно сходится въ одну часть времени: то какая у нихъ между собою разность, чтобы одно признать причиною другаго? Ибо если человекъ по причинѣ звѣздъ; то природѣ надлежало бы непрестанно истекать роде-

іемъ, ни на мгновеніе непоказывая никакого перерыва въ появленіи на свѣтъ человѣческаго рода. Если же много бываетъ промежутковъ между появленіемъ раждающихся; то ясно показывается, что не движенію звѣздъ послѣдуетъ рожденіе человѣческое. Ибо звѣзды всегда движутся, а люди не всегда раждаются; напротивъ того и звѣзды идутъ собственнымъ своимъ порядкомъ, и у людей опять самъ по себѣ особый порядокъ, и что далеко между собою по природѣ, того никакая необходимость не связываетъ другъ съ другомъ. Если же ученіе ваше утверждаетъ это, а именно, что въ оной долѣ времени заключается причина всего, что бываетъ въ жизни; то смотри, сколько тьмы владыкъ и самоуправныхъ властелиновъ производятъ всякій день, а равно и всякая ночь, въ эти краткіе и мгновенные отдѣлы времени: потому что ночь и день, какъ говорите, дѣлятся на двадцать четыре часа, а каждый часъ подраздѣляется на шестьдесятъ удѣловъ; и опять каждый изъ сихъ удѣловъ еще дѣлится на такое же число малѣйшихъ частей; а какъ говорятъ у васъ прибѣгающіе въ словъ къ утонченнѣйшему наблюденію подобныхъ вещей, и каждая опять изъ сихъ поименованныхъ частицъ подвергается новому равночисленному раздѣлу. Итакъ составленное изъ нихъ множество мгновенныхъ оныхъ боговъ, или владыкъ, или са-

моуправныхъ властелиновъ, или не знаю, какъ и назвать ихъ надлежитъ, превышаетъ собою двадцать одну тьму (1). Если же одна часть производитъ намъ столько тьмы доль: то двадцать четыре часа въ отношеніи къ одному многократно взятые, конечно, породятъ неисчетныя тьмы доль. А ваше ученіе утверждаетъ, что каждая изъ силъ доль имѣетъ неизбѣжную силу. Изъ сего слѣдуетъ, что ни одна изъ нихъ не бездѣйствена; потому что бездѣйствія не назовешь отличительнымъ свойствомъ силы, безъ сомнѣнія же, сила усматривается въ дѣятельности. Посему равны силѣ и ея произведенія: такъ что сколько въ каждомъ часу частицъ, столько по необходимости составляется въ онѣй и человѣческихъ рожденій. И если каждой долѣ надлежитъ принисать одинаково могущество; то равнозначительность силы равно сдѣлаетъ всѣхъ царями, долголѣтными, сильными, благополучными, счастливыми, имѣющими все, что почитается самымъ дорогимъ жребіемъ. Ибо недостатокъ въ чемъ либо изъ сего дѣлается обвиненіемъ несовершенства въ силѣ. И никто не припишетъ равной силы производящему и великое и малое. Напримѣръ одинъ пережилъ за столѣтъ въ цвѣтущей здравіемъ и благополучной

(1) Т. е. двѣсти десять тысячъ.

старости. окруженный дѣтьми, сопровождаемый внуками и радуемый цѣлымъ отъ нихъ родомъ не знающій болѣзней и страданій. почтенный безнечальный. въ изобиліи надѣленный богатствомъ и всѣмъ, если что иное считается дорогимъ въ этой жизни. наконецъ всѣмъ ублажаемый Другой въ тоже время, какъ произошелъ на свѣтъ. задыхается: многіе изъ рождаемыхъ. будучи плодомъ блуда или прелюбодѣянія. гибнутъ отъ матерей. которыя. родивъ ихъ незаконно и своими руками предавая смерти, скрываютъ тѣмъ свою уликъ. Гдѣ же видно на нихъ могущество доли? Почему для той же мѣры жизни сила судьбы оказалась недостаточною? Если ваше ученіе почитаетъ для себя должнымъ приписывать ей могущество, то сила ея окажется равною для всѣхъ существъ; а не будетъ на одно достаточною. на другое же недостаточною: если дѣйствительно признается силою; потому что сила познается по произведеніямъ. Поэтому никакой неправильности не будетъ имѣть жизнь, когда всѣ равно показываютъ въ себѣ высочайшую мѣру благополучія: потому что всѣ, по ученію вашему, подлежатъ судьбѣ: а судьба все и всегда можетъ, говорите вы.

Итакъ, если все и всегда можетъ эта судьба, то возможно, что она все и надъ всѣми. Но многочисленны и многообразны разности жиз-

ни у людей, по ихъ достоинствамъ и вмуцествамъ, по продолжительности времени, по сложению тѣла, и по всему, отъ чего человекъ имѣется или блаженнымъ, или злосчастнымъ. А что не все можетъ эта создаваемая нашимъ словомъ доля или судьба, это ясно показывать и рменство произведеній. Ибо если доповѣчность почитаемъ дѣломъ силы, то кратковременность жизни, конечно, есть дѣло немощи. Посему надлежитъ признать за несомнѣнное, что иная судьба: немощна, а другая могущественна: потому что кратковременность противоположна долговременности: а потому-то каждая изъ нихъ производится, конечно, противоположностями. Ибо никто не поставитъ въ зависимость отъ одной и той же причины и блаженство и злосчастіе: но если въ одномъ преусиѣваемъ въ слѣдствіе того, что есть сила, то другое, конечно, не произойдетъ безъ недостатка въ силахъ. Ибо не въ иномъ чемъ заключается злосчастіе, какъ въ неимѣніи силъ сдѣлаться блаженнымъ. Но большая часть людей злосчастливы въ продолженіе жизни: слѣдовательно безсиліе судьбы оказывается въ большей мѣрѣ, нежели ея сила. Посему гдѣ же эта непреоборимая, всемогущая, неминуемая необходимость, у которой бы во власти состояло управленіе всѣмъ житейскимъ, когда по связи рѣчи обличилась она безсильною въ большей части случаевъ?

Но скажешь, что, какъ одному хочеть она этого, такъ другому равно не хочеть, но для обоихъ имѣеть силу сдѣлать, что ей угодно. Посему, конечно, представимъ и причину разности сихъ произволеній. И тотъ и другой человѣкъ; не видишь въ обоихъ никакого различія по естеству, ни у того, ни у другаго нѣтъ хорошаго или дурнаго въ произволеніи: но одинъ, предваривъ какою либо малостию во времени, вышелъ изъ матерней утробы, потому что такъ случайно извергло его естество; а другой или непосредственно, или вскорѣ послѣдовалъ за нимъ. И послѣ этого не одна и таже жизнь дается въ удѣлъ обоимъ; но одинъ счастливецъ, или, если случится такъ, царь, съ перваго дня рожденія обложенъ золотомъ и багряницею; а другой, сынъ какого нибудь бѣдняка, или раба, не завернутъ даже въ рубище родившими его. Посему чѣмъ же неправъ малостию времени предварившій или опоздавшій, не по собственному намѣренію, но по движенію естества, чтобы за это получить ему въ удѣлъ безчестную жизнь? Какое оправданіе въ семъ найдете этой вашей владычицѣ? Гдѣ правда, гдѣ благочестіе? Гдѣ святость? Или скажешь, что ни о чемъ этомъ не заботится судьба, не обращаетъ вниманія на добродѣтель, не имѣетъ попеченія ни о какомъ добрѣ? Посему, если не это у ней на попеченіи, то, конечно,

озаботится она противоположнымъ : потому что отчужденіе отъ добра ясно показываетъ освоеніе съ зломъ.

Но скажешь можетъ быть, что нѣтъ у ней заботы ни о томъ, ни о другомъ? Посему утверждаешь, что она есть что-то неодушевленное. не свободное, не чувствительное ни къ добруму, ни къ худому. А если судьба не имѣетъ ни души, ни произволенія, и не усматривается въ ней собственной самостоятельности: то почему свидѣтельствуешь, будто бы имѣетъ такую силу, что управляетъ свободными живыми существами и владѣетъ состоятельными несостоятельное-причастными жизни—непричастное оной, одушевленными неодушевленное, живущими свободно—не имѣющее свободы, упражняющимися въ добродѣтели—неспособное къ добродѣтели, однимъ словомъ, существующимъ несуществующее? Посему въ чемъ же заключается существенность этого пресловутаго имени? Это не животное не усматривается въ очертаніи. не почитается Богомъ; ибо какъ быть Богомъ необращающему вниманія на добродѣтель и справедливость? А ежели не есть чѣмъ либо изъ исчисленнаго: то что же это такое? Но, вѣроятно, судьбою называется у васъ всегда настоящее во времени: потому что время протяженно всякому движенію рѣкъ ли то, или звѣздъ, или людей. Никакой нѣтъ разности, если, сидя при

водѣ, недѣлимая, по причинѣ вѣчно настоящаго времени. частицы означать движениемъ потока или корабля носимаго вѣтромъ, или людей, совершающихъ путь, или подвижныхъ звѣздъ: потому что для всего переходно движущагося одинъ законъ движенія. — переходъ съ мѣста, которое оно занимаетъ на мѣсто, на которомъ сего нѣтъ. Если же ни теченіе потоковъ ни движеніе корабля и ни шествіе людей, означая продолженіе времени, не дѣлается судьбою: то почему вымышляете, что временныя знаки движенія звѣздъ производятъ изъ себя судьбу, и утверждаете, будто бы такой-то часъ или сама малѣйшая частица часа, которая означена такимъ-то знакомъ звѣзднаго движенія, дѣлается судьбою? Почему не со всякимъ непремѣнно знакомъ совпадаютъ рожденія людей? Ибо повторю опять тоже слово Въ чемъ причина, по которой человѣку, хор ошо или худо, въ томъ же самомъ, конечно, причина и того, что онъ существуетъ. Посему, если отъ звѣздъ то, что бываетъ по рожденіи: то отъ нихъ же, конечно, и рожденіе. Если же не отъ нихъ рожденіе: то не отъ нихъ же и то, что по рожденіи. А что причина рожденія не въ звѣздахъ, видно сіе изъ слѣдующаго, а именно изъ того, что беззостановочно, подобно рѣкѣ, съ непрерывно движущимся теченіемъ преходящаго времени, текутъ вмѣстѣ и человѣческія

рожденія происходящихъ изъ свѣтъ: напротивъ того, рожденія съ промежутками, а въ происхожденіи тѣхъ доль, которыя текущее время производитъ при неподвижности звѣзднаго стремленія никакого промежутка невозможно уловить ни чувствомъ, ни мыслию. Посему чѣмъ же такое эта судьба? Одна ли она родовая, или нѣхъ много, и онѣ раздроблены по частицамъ времени,—сего, въ какой бы то ни было связи, не въ силахъ постигнуть разумъ.

Скажете ли, что движутся звѣзды? И мы указываемъ на движеніе рѣкъ. Но тѣ движутся всегда: и рѣки также непрестанно. Но звѣзды во времени: и рѣки не въ времени. Но для звѣздъ невозможно отыскать временнаго начала движенію: какое же начало во времени придумаешь и для рѣкъ? Но звѣзды движутся всегда по однимъ и тѣмъ же путямъ и одинаково: и рѣкамъ никто не припишетъ противоположнаго движенія: потому что вода всегда естественно течетъ съ высшаго мѣста по скату внизъ. По этому, или уступите намъ, что и движеніе рѣкъ порождаетъ какія либо судьбы, или мы не уступимъ этой силы движенію звѣздъ. Но такую-то силу, говорятъ, имѣютъ овенъ или телець, и такую-то каждая изъ планетъ. Посему, когда человѣкъ рождается подъ вліяніемъ чего либо изъ поименованнаго, и какой нибудь планеты, которая или одна или

съ другими круговращается періодически. -- тогда это соединеніе силы родившемуся въ тотъ часъ дѣлаетъ жизнь соотвѣтствующею рожденію. Какое пустословіе ! Тельца, по какой - то случайности называете рабственнымъ, потому что это животное укрощается ярмомъ; и овна—благодѣтельнымъ, потому что приноситъ волну: о раждающемся же подъ вліяніемъ котораго либо изъ нихъ утверждаете, что такое-то созвѣздіе вращающееся противоположно, по силѣ естественно въ немъ пребывающей. въ слѣдствіе смѣшенія особыхъ свойствъ, уготовляетъ такую-то долю раждающихся. Итакъ что же? Скажи мнѣ, добровольно ли телсъ сталъ подъяремнымъ? Ужели будешь утверждать, что овну желательно, чтобы его стригли? Вредоносная и приводящая въ оцѣпненіе сила у звѣзды, описывающей вершину неба, или горячительная у звѣзды огневидной, или у другой какой изъ видимыхъ звѣздъ, какая бы то ни была сила, по доброй ли волѣ, или противъ воли звѣзды, въ ней находится? Если добровольно пребываютъ онѣ во злѣ, и по произволению дѣлаются вредоносными: то утверждающій это прямо провозглашаетъ ихъ несчастіе, потому что, когда во власти ихъ была лучшая участь, онѣ находятъ для себя удовольствіе въ безчестномъ. Если же не по своему произволению, но по какой нибудь необходимости, каждая звѣзда

сдѣлалась тѣмъ, за что вы ее почитаете: то значить, что и надъ ними еще какая нибудь высшая другая судьба спряла качества ихъ естество и силу, такъ что нужно искать иныхъ звѣздъ, болѣе могущественныхъ, нежели первыя, и особаго въ самомъ себѣ движенія, известное сочетаніе которыхъ, по закон-то необходимости судьбы, сдѣлало, что или телець рабственъ, или овенъ вредоносенъ, или ракъ безголовъ, или, если что иное о каждой изъ звѣздъ разглашаютъ, эти любители пусто-словія, мудрецы. И если сіи явленія у насъ таковы по необходимости какой либо судьбы, то, конечно, разумъ и для оной высшей необходимости придумасть другую причину, дѣлающую необходимымъ таковое состояніе, а для сей другой иную, и для иной опять еще иную: и такимъ образомъ нашъ разумъ, простираясь въ безконечность, нигдѣ не остановится, примыслиая для судьбы судьбу, для доли долю, для необходимости необходимость.

Когда высказалъ я это, и такими разсужденіями показавъ въ ученіи нецѣлности, бесѣдуя щій со мною философъ, прервавъ быстрое теченіе рѣчи, говоритъ: для чего съ такимъ усиліемъ спорить? Почему не слѣдуешь тѣмъ, которые по вычисленіямъ доискались истины во всемъ, и, если точно взять ими часть рожденія происшедшаго на свѣтъ, предсказываютъ всю по порядку жизнь родившагося: время,

родъ жизни, свойства нравовъ, опасные случаи, супружество, чадородіе, удачу въ полученіи чиновъ, или наоборотъ, бездѣтство, болѣзни, незнамость, краткость жизни и бѣдствія бѣдности? Посему, такъ какъ все это въ точности предозначено, и истина засвидѣтельствована исполненіемъ: какое еще у тебя основаніе не вѣрить въ необходимость судьбы? — Но я, сказавъ, что причины такихъ предсказаній изслѣдую нѣсколько послѣ, спросилъ: полагають ли, что неразумна и случайна причина, по которой сбываются подобныя вещи, или находятъ и нѣкое основаніе въ семъ наблюденіи, такъ что происходящее совершается естественно? И очень, отвѣчалъ онъ; всему, что бываетъ, есть своя причина. Ибо когда отъ извѣстнаго совпаденія звѣздныхъ качествъ въ рождаемомъ образуется такое-то сложеніе тѣла: тогда въ точности постигшии ученіе о небесныхъ свѣтилахъ предузнаеть, что такое-то сложеніе образуется у рожившагося, и жизнь можетъ простираться до такой-то мѣры, и именно, большей при здоровомъ, и опять меньшей при болѣзненномъ, сложеніи тѣла.—А я, разсмѣявшись на эти слова, сказалъ ему: утаишь ты отъ насъ, что, по твоему мнѣнію, судьбы ведутъ свой родъ отъ Галена, Иппократа и подобныхъ имъ; потому что и они, отложивъ въ сторону движеніе звѣздъ, по вѣрному взгляду на пол-

лежащее предсказываютъ будущее. Когда глаза впали, виски ввалились, на лбу кожа отвердѣла, предрекаютъ смерть. А у многихъ. говорилъ я, когда въ самомъ болѣзненномъ состояніи были тѣла, и почти уже ожидали они себѣ смерти, врачевнымъ искусствомъ вновь спрядены нити таковой судьбы. Такъ напри-
мѣръ и объ учителѣ Проклѣ предаю намъ Платоново слово, что, хотя не могъ онъ тѣлесными упражненіями привести тѣло въ совершенное здравіе, потому что болѣзнь была смертельная, однакоже, всегда искусно отдаля близкую смерть, уготовлялъ себѣ, если не безопасность жизни, то соблюденіе отъ смерти; почему и дожилъ до старости, умирившись по медлительности смерти не умирать. Итакъ и по этому разсказу судьба не принимается у васъ, какъ нѣчто непоколебимое. какъ скоро сыскивается какое либо искусство устранить необходимость, - Но такое разсужденіе, говоритъ философъ, нисколько не опровергаетъ доказательства, заимствуемаго въ пользу судьбы изъ предсказаній; ибо возможно и это предсказать тому, кто съ точностію наблюдалъ движеніе небесныхъ свѣтилъ, такъ что одному навѣрное, а другому подъ сомнѣніемъ, предречена будетъ смерть.—Но я замѣтилъ: не такимъ образомъ подтверждается законъ необходимости; ибо иный законъ случайнаго, когда возможно произойти тому или

другому, и иный законъ непреложнаго, котораго не должно прилагать къ случайному, и которое непременно—или то, или другое: а колебаться надеждами о томъ или другомъ пеходѣ дѣла,—далеко отъ законовъ необходимости. Сверхъ сего, говорю я философу, на какомъ основаніи думаете, что предсказаніе будущихъ событіи имѣетъ достовѣрность?—Множественно, говоритъ онъ, слышалъ ты мое объ этомъ слово, и еще теперь спрашиваешь о томъ же? Именно же сказано, что у звѣздъ есть нѣкоторыя особыя у каждой силы: а при-сподвиженность въ теченіи извѣстнымъ ихъ соединеніемъ производитъ тѣмчисленные разности въ силахъ. Посему, кто вступилъ въ жизнь рожденіемъ, тотъ, отпечатлѣвъ въ себѣ вынадающую ему долю времени, отъ вліянія звѣздъ получившую извѣстный образъ, что окажется заключающею въ себѣ сила того часа, то же по необходимости будетъ имѣть и въ отношеніи къ жизни: иначе же не бываетъ. — Посему что же такое, сказалъ я, бѣдствія на войнѣ, землетрясенія, паденія городовъ, крушенія кораблей, нагруженныхъ десятками тысячъ людей, наводненія, пожары, разверзшіяся пропасти, и подобнаго сему рода всегубительства? Какъ спасется при этомъ ученіе о предсказаніяхъ? Сколько страданій представила жизнь и въ прежнія и въ наши времена? Таковы напримѣръ потопъ при

Ноѣ и сожженія Содома, или египетское войско, погрязшее въ Черномъ морѣ; или потомъ пораженія иноплеменниковъ, эти тьмочисленные избіенія людей, или ненасильственная смерть народа израильскаго, въ краткое время погибшаго во многихъ тысячахъ, или сто восемьдесятъ пять тысячъ ассиріянъ, умерщвленныхъ въ одно мгновеніе времени, сказанія о послѣдовавшихъ бѣдахъ, о несчастіяхъ, постигшихъ мидянъ и эллиновъ, о великихъ битвахъ на морѣ и на сушѣ: и все сему подобное, о чемъ памятованіе дѣлается поучительнымъ для послѣдующихъ родовъ. Хотя бы и молчаніемъ прешли мы все это, въ засвидѣтельствованіе утверждаемаго достаточно было бы и того, что повѣствуетъ наша жизнь. Кто не зналъ этого великаго главнаго города въ Впөннѣ, принадлежавшаго къ числу господствующихъ? Кому неизвѣстна широкая и пространная Оракія? Кому неизвѣстно и то, какъ въ краткое продолженіе времени одинъ до основанія сокрушенъ войною, а другая разорена землетрясеніемъ и огнемъ? Сколько тамъ было дѣтей, сколько младенцевъ, средневозрастныхъ, престарѣлыхъ, свободныхъ и рабовъ, властвующихъ и подвластныхъ, богатыхъ, бѣдныхъ, здоровыхъ, больныхъ, и всѣ погибли въ одно мгновеніе времени! Всѣхъ равно употребилъ себѣ въ пищу огонь: для всѣхъ дома ихъ стали гробами. Гдѣ же соеди-

ненія оныхъ звѣздъ, опредѣляющія людямъ разности въ жизни? Или для всѣхъ этихъ людей одно стеченіе звѣздъ рѣшило муки рожденія, и всѣмъ въ часъ рожденія выбросилъ ихъ долю Ракъ? Тьмочисленные разности возрастовъ и чиновъ свидѣтельствуютъ, что не всѣ они вмѣстѣ другъ съ другомъ рождены на свѣтъ. Если же у каждого время рожденія различно, а тождество бѣдствій не допустило никакой перемѣны, не смотря на причину заключающуюся въ рожденіи; то не обличается ли и симъ нетвердость и несостоятельность предсказанія?

Напротивъ того, говоритъ философъ, и у корабля, и у города, и у всякаго народа есть судьба, по первому положенію звѣздъ прядущая послѣдующую долю; и содержимое по необходимости согласуется съ содержащимъ. — Посему кто же эта Иинейя (e) при кораблестроеніи? Какое рожденіе у города? Съ какого начала усматриваемъ рожденіе народа? Дровосѣкъ рубитъ дубъ, торгующій лѣсомъ пускаетъ его въ продажу, кораблестроитель покупаетъ дерево за деньги, дѣлитъ на части производство работъ; одинъ пилою распиливаетъ дерева въ доски, другой строитъ под-

(e) Иинейя—божество у язычниковъ, которое представляли они присутствующимъ при рожденіи дѣтѣй.

водную часть корабля: иной прилагаетъ стараніе о приготовленіи поперечныхъ связей: кто занять отдѣлкою корабельнаго носа, а кто — кормы; у кого забота о мачтѣ, а у кого о рѣйѣ: одни выютъ канаты изъ льна: корчачему заботою служить правѣю у руля: иные обдѣлываютъ палубу, и готовятъ вѣтрила: другіе наводятъ удрасненія живописи, иные же смолою обмазываютъ связи, и строятъ въ срединѣ трюмъ. Конечно не все вмѣстѣ дѣлаютъ свое дѣло: но одни нынѣ, другіе нѣсколько послѣ: одинъ работу свою привелъ уже къ концу, а другаго видишь еще за дѣломъ. Посему, когда же мудрецы приставятъ къ кораблю судьбу? Тогда ли, какъ покушается дерево, или когда его рубятъ, или когда употребляютъ въ работу, или когда дѣйствуютъ на него желѣзными орудіями, или когда сколачиваютъ гвоздями? При такомъ множествѣ различныхъ работъ, которыя нужны для кораблестроенія, и не въ одно и тоже время одна съ другою производятся, какое назначить время судьбѣ, чтобы корабль, дошедши до необходимости потонуть, погубилъ вмѣстѣ съ собою и плывущихъ на немъ? Что же скажешь о городахъ? Когда, по ихъ мнѣнію, судьба овладѣваетъ городомъ? Тогда ли, какъ у заботящихся о городѣ бываетъ какое либо совѣщаніе объ его основаніи? Когда разсуждаютъ объ удобствѣ мѣста? Или когда чертятъ планъ? Или

когда употребляютъ въ дѣло желѣзныя орудія? Или складываютъ камни? Или сносятъ, что нужно для постройки? Что изъ этого служить началомъ города? Что также скажешь о народѣ, который сокрушенъ бѣдствіями войны? Какая, по ихъ ученію, доля, и откуда взявъ начало, однихъ предала смерти, другихъ поработила въ плѣну? Почему Аннибалъ, или Кесарь, или Александръ Македонскій, на кого ни ополчались, всеѣмъ приготовили одинаковую судьбу, столько превышая силами оную необходимость, что все подверглось той же мѣрѣ бѣды? А сколько неосновательна причина думать, что судьбы городовъ, во время паденія отъ землетрясеній, производятся расположеніемъ звѣздъ, можетъ нѣкій увидѣть изъ слѣдующаго. Кто не знаетъ, что земля терпитъ таковыя бѣдствія въ мѣстахъ не только населенныхъ, но и необитаемыхъ? Кто по собственному опыту, или по слышанному разсказу, имѣетъ свѣдѣніе о горѣ Сангагской, лежащей на предѣлахъ Внѣинскихъ, тотъ найдеть справедливость этихъ словъ, что около самыхъ возвышеній дороги вся вершина горы обвалилась, и путешествующимъ представляетъ страшное зрѣлище. Подобное сему случилось и въ областяхъ Пафлагонскихъ. А въ нѣкихъ мѣстахъ и селенія человѣческія поглощены были такими разверзшимися пропастями: но нѣрѣдко страна, не имѣющая обитателей, ока-

зывается потерпѣвшею такое же бѣдствіе. И что въ особенности сказать надобно о кипрянахъ, писидійцахъ, ахейцахъ, у которыхъ много признаковъ сказаннаго? Но ради сего и упомянули мы, что все сему подобное терпятъ земля. Посему, если случится, что на томъ мѣстѣ находится поселеніе людей; то, по всей необходимости, и они испытываютъ бѣдствіе, какому подверглось мѣсто. Если же свободно оно отъ жителей: то мѣстное бѣдствіе не причинитъ никакого вреда людямъ. Поэтому какая необходимость судьбы, когда и населенныя и ненаселенныя мѣста равно терпятъ подобное бѣдствіе? Если бы можно было доказать, что земля создана по частямъ, а не вся вдругъ: то имѣло бы, можетъ быть, значеніе ихъ пустословіе, что съ такою-то частию создаемой земли, сообразно съ такимъ-то соединеніемъ звѣздъ, по необходимости совершнется или то или другое. Но поеліку, по слову Моисееву, все: небо, земля, море, одно съ другимъ берется вмѣстѣ, и земля въ созданіи и движеніи предшествуетъ звѣздамъ: то почему причину частныхъ событій съ землею будутъ полагать въ движеніи звѣздъ? Посему, если земля съ звѣздами одновременна, и изъ нихъ не выводится никакой причины къ разрушенію, или продолженію ея бытія, въ нѣкоторыхъ же частныхъ очертаніяхъ мѣстъ происходятъ такіа событія; то уже не необходи-

мость судьбы, а какаянибудь другая особенность, бываетъ причиною въ таковыхъ случаяхъ. Посему, когда земля терпитъ что либо такое, и совершаются какія либо подобныя бѣдствія, такъ что и жители увлечены бываютъ въ развалины: тогда что скажутъ поклонники судьбы, полагающіе, что движеніе звѣздъ господствуетъ надъ существами? Почему гибнетъ тутъ дитя, грудной младенецъ, отрокъ, мужъ, отецъ, старецъ, благородный, вельможа, наемникъ, узникъ? Ни время рожденія, ни какое либо различіе въ достоинствѣ, не препятствуетъ потерпѣть имъ одинаковое бѣдствіе. Еще сверхъ сего кто не знаетъ, что крайнее изъ всѣхъ преступленій есть кровосмѣшеніе съ дочерью, бракъ съ сестрою и беззаконная связь съ матерью? Посему, если это дѣлалось по какой-то необходимости доли, то, конечно, и въ нашихъ мѣстахъ нашлись бы отваживающіеся на это. Поелику же на такое гнусное дѣло отваживаются только у одного персидскаго народа и у перенявшихъ нѣкъ законы: то въ слѣдствіе сего явно, что долею и судьбою дѣлается произволеніе cadaго, самовольно избирающее, что ему угодно.

Еще сверхъ сего, чтобы не могли сказать подобнаго слѣдующему: въ извѣстныхъ мѣстностяхъ примѣчаются нѣкія особыя движенія звѣздъ, и потому одни женятся на матеряхъ, другіе убиваютъ пришлыхъ и ѣдятъ людей,

такъ какъ особое расположеніе звѣздъ оказываетъ на нихъ такое именно вліяніе, хотя подобное разсужденіе свойственно невѣждамъ, вовсе необращавшимъ внимательнаго взгляда на существующее, думающимъ, что по извѣстнымъ очертаніямъ земли отпечатлѣвается и свыше назначенный имъ жребій (а въ такомъ случаѣ земное нашлось бы болѣе властнымъ, нежели небесное, если только признано, что и небесное таково по земному): однакоже и сіе присовокупимъ въ обличеніе ложнаго нѣтъ предположенія. Народъ іудейскій раздѣленъ по всѣмъ почти частямъ земли, восточнымъ, южнымъ, средиземнымъ, западнымъ, сѣвернымъ: почти всѣ народы имѣютъ у себя поселенія іудеевъ. Итакъ почему же никакая звѣздная необходимость не возимѣла силы ни въ одномъ изъ нихъ кому либо изъ народа даровать безбѣдную жизнь; напротивъ того въ тьмочисленно разнообразныхъ соединеніяхъ звѣздъ, какъ бы ни произошло на свѣтъ раждаемое, находится непремѣнно въ одинаковомъ состояніи, цѣлый родъ тернить вредъ въ продолженіе всего опредѣленнаго оборота времени? Но философъ сказалъ: это неизслѣдовано еще нами, по какой причинѣ у многихъ народовъ постановленное законами избѣгаетъ необходимости, налагаемой звѣздами. А предсказаніе будущаго да будетъ признано не малымъ доказательствомъ того, что опредѣленное каж-

му судьбою неминуемо. Ибо почему такой-то, предъзнавъ, что прожить такое-то число лѣтъ и встрѣтится въ жизни съ извѣстными обстоятельствами, не обманулся бы въ томъ, если бы не какая либо необходимость непременно опредѣлила сему съ человѣкомъ непременно совершиться, и предсказавшему сдѣлала это явнымъ посредствомъ опредѣленнаго наблюденія численныхъ означеній?—На то сказалъ я: хотя лучше о таковыхъ вещахъ оказаться незнающимъ, нежели подать поводъ къ смѣху малосвѣдующимъ въ нашихъ догматахъ: впрочемъ, мало заботясь о тѣхъ, которые аши вѣрованія подвергаютъ осмѣянію, кратко, какъ только могу, изложу всю эту причину. Есть нѣкая по природѣ враждебная человѣческому роду сила, познаваемая по противоположности благому естеству. На сіе можно представить тысячи доказательствъ въ дѣлахъ очевидныхъ. Но въ настоящее время яе почитаю необходимымъ излагать по порядку все удостовѣряющее, что это дѣйствительно такъ. Посему, такъ какъ отъ естества Божія неотдѣлимъ всякое доброе понятіе и именование, отъ Него жизнь, свѣтъ, истина, правда, премудрость, нетлѣніе, и все, что по понятію можно принять за благое, потому что естество Божіе и Само благо, и даруетъ его: то сила, познаваемая по противоположностямъ, берется въ противоположность каждому изъ

всѣхъ умопредставляемыхъ благъ, такъ что ею въ самихъ людяхъ производится вмѣсто жизни смерть, вмѣсто истины обманъ, и вмѣсто каждаго изъ совершенствъ противоположный порокъ. Ибо для нея любезно то, что людямъ по самой природѣ можетъ послужить въ пагубу. Но какъ причиняющіе вредъ отравами перѣдко и медомъ подслащаютъ вредоносный составъ, не о томъ прилагая стараніе, чтобы вредное слѣзть пріятнымъ для вкуса, но о томъ, чтобы заглушить ощущеніе вредоноснаго: такъ и тлетворное это естество, имѣющее цѣлю удалить челоуѣка отъ благаго Естества, облачается въ образы чего-то добраго, какими либо предсказаніями и врачеваніями прикрывая сокрытое слово обмана, чтобы, принимая сему и почитая сіе благомъ, жалкій челоуѣческій родъ не имѣлъ никакого вожденія пріобрѣсти то, что дѣйствительно по естеству благо. Посему-то какъ случалось иному для какого либо обмана присвоивать себѣ родъ предвѣдѣнія: такъ, подобно этому, и готовая на обманъ сила демоновъ подмѣчала въ печени жертвъ, въ полетѣ птицъ, въ гаденіяхъ, въ вызываніи мертвыхъ, и въ вычисленіяхъ времени рожденія, будго бы все это, не одинаковымъ только образомъ, а различно предугадываетъ послѣдующее. Посему, какъзначающій будущее печенью, по какому либо гаданію заключающій о томъ, что послѣдуетъ,

или обращающій вниманіе на полеть хищной птицы, не дастъ общанія, что по необходимости судьбы будетъ предсказывать подобныя вещи: такъ, подобно сему, поелику одна есть причина, по сказанному. производящая предсказанія такого рода, разумѣю дѣятельность готовой на обманы демонской силы, даже гдѣмъ, что иногда нѣчто изъ сказаннаго случайно исполнялось (если только исполнялось вполне), не доказывается сила судьбы. Ибо иначе справедливо бы доказывалось, что всякаго рода предсказаніе имѣетъ силу отъ судьбы, а потому, какъ сновидѣніе есть одна у насъ судьба, такъ наблюденіе сердцебіеній—другая, иная же, составившаяся изъ полета птицъ, или гаданій, или какихъ либо символовъ. Но если ничто не препятствуетъ всему этому быть прорицаніемъ, и не быть судьбою; то, если какое предсказаніе по вычисленію времени рожденія исполнилось, не послужитъ и сіе достаточнымъ удостовѣреніемъ, будто бы нелегко было исполниться чему либо такому. Притомъ же предвѣщанія у хвалящихся чѣмъ либо подобнымъ не бываютъ точны и несомнѣнны; напротивъ того заготовляютъ они себѣ много отступленій въ исполненіи, если слово уличено будетъ въ противорѣчіи, а у кого объ этомъ забота, изобрѣтаютъ для себя нѣкоторыя тонкости; почему неудача въ предсказаніи вмѣняется погрѣшительности не

въ знаніи, но въ означеніи часа: и предсказанія ихъ бывають вовсе не прямы, колеблются между двоякимъ способомъ исполненія, и можно подумать, будто бы то самое и предсказано было, что сбылось. Ибо наблюдавщій часъ рожденія предрекалъ нерѣдко знаменитость и превосходство надъ другими: потому, поелику тотъ, къ кому относилось предсказаніе, впадалъ въ какія либо необычайныя бѣдствія, предрекшій утверждалъ, что нимало не погрѣшилъ; потому что наче иныхъ пренебрегчествовалъ этотъ человѣкъ въ претерпѣніи золь. И свидѣтелемъ этому наша исторія. Ибо когда царь Уалентъ былъ властителемъ римлянъ, тогда подобное нѣкое обольщеніе подало къ мятежу противъ власти. И хотя мятежникъ возсталъ, напутствіемъ къ дерзости имѣя предсказаніе вычиславшихъ время его рожденія: однакоже конецъ сего предпріятія вышелъ таковъ. что этотъ человѣкъ, извѣстный по весьма высокимъ начальственнымъ должностямъ, сдѣлался болѣе замѣчательнымъ по величію бѣдствій; и многими приписано сіе содѣйствію гороскопа, а именно, что этому мужу величіе бѣдствія досталось въ удѣлъ вмѣсто величія благъ. Но того, что предсказанія о семъ бывають ошибочны, не почитаю еще великимъ доказательствомъ несостоятельности ученія о судьбѣ. А готовая на обманы сила демоновъ и на многія другія примышле-

нія ухитряется въ предсказаніяхъ. Какая-то провѣщательная вода производитъ во вкусившихъ неумѣренныя движенія и восторги: въ женскихъ утробахъ, если бываетъ изъ какого-то отверстія вѣющій снизу духъ, раздуваетъ чрево, умъ приводитъ въ изступленіе и заставляетъ выходить изъ надлежащаго состоянія. Все это обольщеннымъ казалось божественнымъ и провѣщательнымъ: и никто изъ предугадывающихъ будущее по печени и какимъ либо огненнымъ знакамъ, или по полету птицъ, не приписывалъ судьбѣ предвѣщательной силы: напротивъ того подобное сему вѣняется какому-то демонскому обаянію.

Такимъ образомъ утверждаю, что или нѣтъ вовсе предсказанія, потому что сіи прорицанія изобличаются многими противорѣчіями событій, или, если и укажетъ кто на предсказаніе, какъ бы предрекающее нѣчто будущее, то же самое, чтó разумѣемъ о каждомъ изъ другихъ событій, исполняющихся по предвѣщанію, надлежитъ, думать, полагать и о предсказаніяхъ такого рода. Ибо въ разсужденіи всего этого равно, — какъ погрѣшати во многомъ, такъ въ многомъ и предвѣщать, по видимому, нѣчто недалекое отъ истины событій. у готоваго же на обманы естества демоновъ, какъ этимъ, такъ и всякимъ примышленіемъ, одинаково успѣшно достигается цѣль. Ибо демоны стараются паче всего отвратить чело-

вѣка отъ того чтобы обратилъ онъ взоры къ Богу, и отсюда уготовлялъ себѣ долю благъ. Посему убѣдить удобообольщаемыхъ, что касающееся житейскихъ дѣлъ не въ Божіей состоитъ волѣ, но зависитъ отъ такого-то сочетанія звѣздъ и отъ истекающей отсюда силы.—наиболѣе всего относится къ цѣли вредоноснаго демонскаго естества. Итакъ, если пріятно демонамъ отвращать человѣка отъ Бога заблужденіе же въ этомъ дѣйствительно отвращаетъ; то ясно оказывается заключающееся въ этомъ демонское иѣкое усиленіе, обманомъ обольщающее тѣхъ, которые думаютъ будто бы вся сила въ звѣздахъ, а не взираютъ на всемогущее Божіе владычество.

14. КЪ ЕДИННАМЪ

НА ОСНОВАНИ ОБЩИХЪ ПОНЯТІЙ

Если бы именованіе: Богъ служило къ означенію Лицъ, то именуя три Лица, по необходимости именовали бы мы трехъ Боговъ. Если жъ имя: Богъ означаетъ сущность: то, не повѣдуя единую сущность святой Троицы, не безъ основанія славимъ единого Бога, потому что слово: Богъ есть единое имя единой сущности. Почечу, сообразно и съ сущностію и съ именемъ, единъ есть Богъ, а не три Бога. Ибо не называемъ: Богъ, и Богъ, и Богъ. какъ именуемъ: Отецъ, и Сынъ и Святой Духъ. къ именамъ означающимъ лица приставляя союзъ и: потому что лица не одно и тоже. паче же они разны. различаются одно отъ другаго значеніемъ именъ. Къ имени же: Богъ. какъ означающему сущность по нѣкоторому принадлежащему ей свойству, не приставляемъ союза и. такъ чтобы можно было намъ ска-

зять: Бога и Бога и Бога, тогда какъ одна и таже есть сущность, которая въ Лицахъ, и которую означаетъ имя: Богъ, почему одинъ и тотъ же есть Богъ. А одинъ и тотъ же и объясненіе одного и того же никогда не связуются союзомъ и. Но если именуемъ Отца Бога, и Сына Бога, и Духа Святаго Бога, или Бога Отца и Бога Сына и Бога Духа Святаго: то, согласно съ понятіемъ, приставляемъ союзъ и къ именамъ Лицъ, то есть, къ Отцу. Сыну и Духу Святому, чтобы былъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, то есть, Лице, и Лице и Лице: почему и три Лица. Имя же Богъ отрѣшенно и одинаково произносится о каждомъ Лицѣ безъ союза и, такъ что не можемъ сказать: Богъ и Богъ и Богъ, но разумѣемъ имя, хотя трехкратно произносимое голосомъ, по причинѣ подлежащихъ лицъ, но прилагаемое во второй и третій разъ безъ союза и. потому что нѣтъ иного и иного Бога. Ибо Отецъ не потому есть Богъ, что сохраняетъ инаковость съ Сыномъ: въ такомъ случаѣ не былъ бы Богомъ Сынъ. А если, потому что Отецъ есть Отецъ. Онъ есть и Богъ: то, поелику Сынъ не Отецъ. Сынъ уже не Богъ. Если же Сынъ есть Богъ не потому, что Онъ—Сынъ, а подобно сему и Отецъ есть Богъ не потому, что Онъ—Отецъ, но потому что Онъ такая-то сущность: то Одинъ есть Отецъ, и Сынъ есть Богъ, и по сей причинѣ Отецъ Богъ, и Сынъ Богъ, и

духъ Святый Богъ. Такъ какъ сущность не дѣлится въ каждомъ Лицѣ, чтобы, подобно лицамъ, были и три сущности; то явно, что е будутъ дѣлиться ни имя, которое означаетъ сущность, ни Богъ, чтобы Ему быть тремя богами. Но какъ сущность — Отецъ, сущность — Сынъ, сущность — Духъ Святый, но не три сущности: такъ и Богъ — Отецъ, Богъ — Сынъ, Богъ — Духъ Святый, а не три Бога. Ибо единъ Богъ и Онъ одинъ и тотъ же, такъ какъ и сущность одна, и она одна и таже: отъ каждое Лице называется и существеннымъ и Богомъ. Иначе, поелику каждое Лице есть сущность, необходимо и сущности Отца, Сына и Духа Святаго назвать тремя, что противно разуму. Ибо Петра, Павла и Варнаву не называемъ тремя сущностями: напротивъ того, единою и единственною сущностию имея ту, которая во Отцѣ, и Сынѣ и Святомъ Духѣ, въ слѣдствіе сего называемъ единого Бога, хотя и вѣруемъ, что и каждое Лице существенно и есть Богъ. Ибо, какъ по разности Отца, Сына и Святаго Духа говоримъ, что три Лица: такъ, поелику не разнятся по сущности, но въ отношеніи къ оной есть тождество въ Лицахъ: то безъ сомнѣнія, будетъ сіе тождество и въ отношеніи къ имени Богъ: потому что означаетъ оно сущность, не то представляя, что она такое (сіе непостижимо), но указывая на нее, какъ заимство-

ванное отъ нѣкаго свойства, принадлежащаго сущности. Отличительное свойство вѣчной сущности, общее Отцу, Сыну и Святому Духу, надъ всѣмъ назирать, все видѣть и знать, даже самое сокровенное. Отсюда заимствованное имя: Богъ, употребляемое въ собственномъ смыслѣ, означаетъ оную сущность. Посему, такъ какъ одна такая сущность и означающее ее имя также одно, именно имя: Богъ; то, сообразно съ понятіемъ сущности, въ собственномъ смыслѣ одинъ будетъ и Богъ; потому что имя: Богъ означаетъ не лице, а сущность. А если бы имя: Богъ указывало на Лице, то одно и единственное Лице, которое бы означалось такимъ-то именемъ, называлось бы Богомъ, какъ и Отцемъ называется одинъ Отецъ; потому что именемъ симъ означается Лице.

А если кто скажетъ, что Петра, Павла, Варнаву называемъ тремя сущностями, очевидно частными, то есть особыми (ибо, выражаясь въ собственномъ смыслѣ, когда говоримъ о сущности частной, то есть, особой, не другое чтó хотимъ означить, какъ недѣлимое, чтó и есть лице; имя же Богъ, какъ доказано, не имѣетъ сродства съ именами лицъ): чтó должно отвѣчать на это? То, что Петра, Павла, Варнаву называемъ тремя человѣками, не какъ три лица: лица не означаются именемъ, показывающимъ общую сущность, да и самая, такъ

называемая, частная, или особая, сущность— не одно и тоже съ лицомъ. Посему-то называемъ тремя человекѣми имѣющихъ одну сущность, означаемую именемъ: человекъ. Если же не потому, что это лица, и не потому, что означается частная, или особая, сущность, произносимъ сіе; то утверждаемъ, что выражаемся такъ, по неточному словоупотребленію, а не въ собственномъ смыслѣ, по какой-то привычкѣ, отъ необходимыхъ причинъ возымѣвшей силу въ томъ, что не относится ко святой Троицѣ. Причины же сіи суть слѣдующія: понимаемое подъ словомъ: человекъ не всегда усматривается въ однихъ и тѣхъ же недѣлимыхъ, или лицахъ; потому что, когда прежнія лица умираютъ, на мѣсто ихъ являються другія; и не рѣдко опять еще тѣ же остаются, и вновь раждаются нѣкія иныя, такъ что усматривается сіе иногда въ тѣхъ, иногда въ другихъ, иногда въ большемъ, иногда въ меньшемъ числѣ. И въ случаѣ убавленія, и смерти, и рожденія недѣлимыхъ, въ которыхъ усматривается то, что понимаемъ подъ словомъ: человекъ, бываемъ вынуждены говорить: людей много и людей мало; при чемъ переменною и инаковостію лицъ нарушается общій обычай; и говорится сіе вопреки самому понятію сущности, такъ что къ лицамъ соприсчисляются нѣкоторымъ образомъ и сущности. Но въ разсужденіи святой Троицы не

бываетъ никогда ничего подобнаго, потому что именуется одинъ и тѣже, а не нѣя и нѣя, лица, тоже и одинаково содержащія: и не допускаетъ Она ни какого либо приращенія до четверицы, ни умаленія до двоицы: потому что не рождается, или не исходитъ. отъ Отца, или же отъ одного изъ Лицъ, еще новое Лице, такъ чтобы Троица когда либо стала четверицею, ни прекращаетъ со временемъ бытія своего одно изъ сихъ трехъ Лицъ, чтобы Троица содѣлалась двоицею. Послику же въ трехъ Лицахъ не бываетъ никогда никакого приращенія и умаленія, превращенія и измѣненія: то ни съ чѣмъ не сообразно при трехъ Лицахъ именовать и трехъ Боговъ. Опять всѣ человѣческія лица имѣють бытіе не отъ одного и того же лица непосредственно, но одинъ отъ того, а другіе отъ другаго, даже многіе и разныя, происшедши отъ причины, сами бываютъ причиною. Но не то во святой Троицѣ. Ибо одно и тоже есть Лице Отца, отъ Котораго рождается Сынъ и исходитъ Святой Духъ. Посему Того, Кто въ собственномъ смыслѣ есть единый виновникъ Происшедшихъ отъ Него, называемъ единымъ Богомъ: потому что и соприсущъ Онъ съ Ними. Ибо Лица Божества нераздѣльны между Собою ни по времени, ни по мѣсту, ни въ волѣ, ни въ начинаніяхъ, ни въ дѣятельности, ни въ томъ, чтобы претерпѣвать что либо подобное усма-

триваемому въ человѣкѣ, кромѣ одного только, что Отецъ есть Отецъ, а не Сынъ. Сынъ—не Отецъ; а подобно сему и Духъ Святый—не Отецъ и не Сынъ. Почему никакая необходимость не заставляетъ насъ называть Три Лица тремя Богами, какъ многія у насъ лица называемъ многими человѣками, по сказаннымъ причинамъ, а не по необходимому закону, по которому одинъ и тотъ же въ отношеніи къ одному и тому же не можетъ быть однимъ и многими. А Петръ, Павелъ, Варнава по имени: человѣкъ суть одинъ человѣкъ, и по этому же самому, по имени: человѣкъ не могутъ быть многими, называются же многими людьми, по неточному словоупотребленію, и не въ собственномъ смыслѣ. Но что говорится въ смыслѣ неточномъ, то у людей здравомыслящихъ не предпочитается сказанному въ смыслѣ собственномъ. Почему не должно говорить, что въ трехъ лицахъ Божеской сущности суть три Бога, по самому имени Богъ; но Богъ одинъ, и одинъ по тождеству сущности, къ означенію которой, какъ сказано нами, служить имя: Богъ.

А если кто скажетъ: какъ же Писаніе ясно счисляетъ трехъ мужей (Быт. 18, 2.): то пусть видятъ, что Писаніе, указуя намъ Сына и Духа Святаго, преподаетъ, что Богъ Слово. Богъ не Слово (то есть Богъ Отецъ) и Богъ Духъ Святый есть Богъ, совершенно же вос-

прещаетъ нарицать трехъ Боговъ, нечестіемъ признавая многобожіе и вездѣ проповѣдуя единого Бога, ни лицъ не смѣшивая, ни Божества не раздѣляя, паче же сохраняя тождество Божества въ отличительныхъ свойствахъ Упостасей, или трехъ Лицъ. Если же кто, говоря подобное сему, хочетъ дознать истину: то пусть знаетъ, что Писаніе говоритъ: *тріє*. хотя одного человѣка признаетъ во всѣхъ, по сказанному: *человѣкъ яко трава дніє ею* (Пса. 102, 15.). Какъ добрая кормилица, Писаніе признаетъ людей собственными своимъ чадами, лепечетъ иногда съ ними, и подобно имъ употребляетъ нѣкоторыя именования, хотя не погрѣшаетъ въ вѣдѣніи совершеннаго. Ибо говоря, что Богъ имѣетъ уши, глаза и прочіе члены тѣла, не преподастъ такого ученія въ видѣ опредѣленія, что Божество сложно, но излагаетъ догматы сказаннымъ способомъ, отъ переноснаго значенія того, что у насъ, къ разумѣнію безплотнаго возводя людей, которые не могутъ приступить къ сему непосредственно. Оно говоритъ, что Богъ есть Духъ и присущъ вездѣ, куда бы кто ни пошелъ, научаешь насъ Его простотѣ и неописуемости. Такъ, слѣдуя обыкновенію, называетъ и тремя мужами, чтобы не отступить отъ общаго, отъ того, что въ употребленіи у многихъ; и съ точностію именуетъ единымъ, чтобы не преступить предѣла, когда дѣло касается до есте-

ства вещей. И одно почитаемъ снисхожденіемъ, оказаннымъ къ пользѣ и выгодѣ младенчествующихъ, а другое называемъ догматомъ, изложеннымъ къ утвержденію и сообщенію совершенства.

Но еще скажутъ иные: Говоримъ: вѣпостась, какъ вѣпостась, ни мало не разнится отъ вѣпостаси, но изъ сего не слѣдуетъ, что всѣ вѣпостаси — одна вѣпостась: и сущность ничѣмъ не разнится отъ сущности, но изъ сего не слѣдуетъ, что всѣ сущности — одна сущность: такъ можемъ сказать: Богъ не разнится отъ Бога, но изъ сего не слѣдуетъ, что три Вѣпостаси, въ которыхъ открывается Богъ, суть одинъ Богъ. И опять, говоря: человѣкъ не разнится отъ человѣка, не отвергаемъ, что Петръ, Павелъ и Варнава три человѣка: потому что сущность отъ сущности разнится, не какъ вообще сущность, но какъ такая-то именно сущность, и вѣпостась отъ вѣпостаси, какъ такая-то именно вѣпостась, и человѣкъ отъ человѣка, какъ такой-то именно человѣкъ, и также Богъ отъ Бога, какъ такой-то Богъ. А такой-то или такой-то говорится обыкновенно о двойхъ и о многихъ. — Но это говорятъ возражающіе: а мы докажемъ, что все сіе есть лжеумствованіе, воспользовавшись тѣмъ, что сказано ими самими, и доказавъ, что должно говорить не такой-то и такой-то Богъ, или такой-то и такой-то человѣкъ, но такая-

го вѣстасѣ Божіа. и такая-то вѣстасѣ чело-
вѣческая. Ибо справедливо утверждаемъ, что
у одного человѣка вѣстасей много, и у еди-
наго Бога три вѣстаси. Посему называемое
такимъ-то требуетъ, чтобы нѣчто было раз-
личаемо отъ чего либо, имѣющаго общеніе
съ симъ нѣчто, по именованію, къ которому
прилагается слово: такое-то. Напримѣръ о че-
ловѣкѣ говоримъ: такое-то живое существо.
намѣреваясь отличить его, положимъ такъ, отъ
коня, потому что имя: живое существо у нихъ
общее, разнятся же они даромъ слова и безсло-
весіемъ. Различается же нѣчто отъ чего-либо,
или какъ сущность, или какъ вѣстасѣ, или
по сущности, или по вѣстаси. Различаются.
какъ сущности. человѣкъ отъ коня, а по вѣ-
стаси, Павелъ отъ Петра. по сущности же и
по вѣстаси, напримѣръ вѣстасѣ человѣка
отъ вѣстаси коня. Но съ раскрытіемъ поня-
тія о томъ. что разнятся просто по сущности,
и что по вѣстаси, а не по сущности, явно
будетъ понятіе и о различаемомъ по сущно-
сти. Ибо что вещи, разнящіяся по сущности,
называются двумя или тремя сущностями, и
разнящіяся по вѣстаси также именуются дву-
мя и тремя вѣстасями, сіе признается и ими
и нами. Различаемся же тѣмъ, что, какъ они
утверждаютъ, о Петрѣ и Павлѣ должно гово-
рить: два человѣка, а мы принимаемъ сіе не
въ собственномъ смыслѣ и не въ научномъ

новятіи. Ибо теперь нѣтъ и слова объ общемъ и неточномъ словоупотребленіи: потому что оное не имѣетъ силы ни къ отмѣненію, ни къ установленію. чего либо. По этому пусть сперва будетъ у насъ объяснено, почему говоримъ, что человекъ и конь. или конь и песь, разнятся, какъ такая-то сущность. или сдѣлается явнымъ, что говоримъ сіе, такъ какъ разнятся они между собою тѣмъ, что обыкновенно раздѣляетъ сущности, напримѣръ. даромъ слова, безсловесіемъ, ржаніемъ, лаяніемъ и подобнымъ тому. Ибо называя сущность такою-то, не иное что означаемъ. какъ существованіе, причастное жизни, въ отличіе отъ другаго ему и подобнаго, или существованіе, не лишенное дара слова, въ отличеніе отъ разнящагося безсловесіемъ, или существованіе, имѣющее отличительною чертою ржаніе и тому подобное, такъ какъ вмѣсто сихъ разностей и особенностей. къ сущности, или ко всякому роду, въ отличіе отъ состоящихъ подъ нимъ видовъ придается слово: *такая-то* сущность. или такое-то животное, то есть словесное или безсловесное. И говоримъ еще: Петръ разнится отъ Павла, покольку такая-то впостась въ каждомъ изъ нихъ, потому что разнятся между собою чѣмъ либо, обыкновенно составляющимъ впостась, а не сущность, каковы напримѣръ: неимѣніе волосовъ, ростъ, отечество, сыновство и тому подоб-

ное. Ибо явно что не одно и тоже—видъ и недѣлимое. не тѣже—сущность и вностасть. Слово: вностасть прямо ведетъ мысль слуша-теля къ тому, чтобы искать чела покрытаго рубцами, снлаго, отца, сына и подобнаго тому. Называю же вить, то есть, сущность, чтобы познать именно живое существо сло-весное, смертное, обладающее умомъ и свѣ-дѣніемъ, и живое существо безсловесное, смертное, ржущее, и тому подобное. Если же не одно и тоже сущность и недѣлимое, то есть вностасть, то не однѣ и тѣ же черты, отличающія ту и другую. А если одно и тоже отличается не однимъ и тѣмъ же то невоз-можно прилгать сему тѣ же именования, по-иное должно именовать сказуемымъ по сущ-ности, или принадлежащимъ сущности, а иное сказуемымъ о недѣлимомъ.

Посему три именования, о которыхъ во-просъ: сущность, недѣлимое, человекъ. Съ на-именованіемъ: сущность сопрягаемъ и соче-таваемъ слово: *какой-то* къ отличенію, какъ сказать я, походящихъ подъ одну видовъ, разнствующихъ между собою по сущности. Съ именованіемъ: вностасть подобнымъ обра-зомъ, сопрягаемъ опять слово: *какая-то* къ раздѣленію лицъ, связанныхъ между собою симъ общимъ именованіемъ, то есть именованіемъ: вностасть, разнствующихъ одно отъ другаго въ чертахъ, не сущности отличающихъ, по

называемыхъ случайными. Посему, какимъ образомъ хотятъ съ именемъ: человекъ сочетать слово: такой-то? Ибо сомнительное находитъ себѣ рѣшеніе въ томъ, что признано всѣми. Чтобы въ сущности состоящее подъ нею различалось существенною между собою разностию.—сіе невозможно; потому что не по сущности разнятся Павелъ съ Петромъ, которымъ придается имя: *человѣкъ*: различаются же они вѣстасью лица. И что имя: человекъ не означаетъ сущности, сіе нельзя было бы сказать, потому что имя: человекъ означаетъ общее въ сущности, а не особое лице. положимъ наприимѣръ Павла, или Варнавы. Посему имя: *человѣкъ*, по правиламъ науки, ни какимъ образомъ не сопровождается словомъ: такой-то. Но если общее употребленіе имѣетъ въ этомъ нужду, и именованія сущности неправильно употребляетъ въ означеніе лицъ: то сіе дѣлается не по точному правилу логическаго вѣдѣнія. Но къ чему нападаю на обычное словоупотребленіе, имѣющее такіе недостатки, скрывая отъ себя то, что нерѣдко, по неизмѣнно подлинно означающихъ вещь именований, и сами пользуемся другими именованиями, не точно выражающими сказуемое? По крайней мѣрѣ пусть будетъ яснымъ для насъ, что, если бы сказали мы: въ Петрѣ и Павлѣ—человѣкъ отъ человека разнится, не какъ вообще человекъ, но какъ такой-то че-

ловѣкъ; то могли бы сказать о нихъ и сіе: сущность отъ сущности разнится не какъ сущность, но какъ такая-то сущность. А если сказать сіе невозможно, такъ какъ одна и таже сущность въ Петрѣ и Павлѣ, то невозможно какъ послѣднее, такъ и первое; потому что имя: человѣкъ указываетъ на сущность. Если же слова: такой-то и такой-то не слѣдуетъ сопрягать съ именемъ: человѣкъ; то значить, что не собственно выражаемся, говоря: два или три человѣка, и если сіе доказано о человѣкѣ, то не гораздо ли паче и прямѣе приличествуетъ сіе вѣчной и Божеской сущности — не говорить о каждой впостаси: это такой-то и такой-то Богъ, Отца, Сына и Святаго Духа не провозглашать только Богомъ, Богомъ и Богомъ, не утверждать даже и мысленно, что Боговъ три? Итакъ справедливымъ, послѣдовательнымъ, согласнымъ съ наукою словомъ подтверждено наше ученіе, чтобы Бога, Творца всяческихъ, называть единымъ, хотя умо-созерцается Онъ въ трехъ Лицахъ, или впостасяхъ, Отца, Сына и Святаго Духа.

15. О ЧРЕВОВЪЩАТЕЛЬНИЦЪ.

ПИСЬМО КЪ ЕПИСКОПУ ТЕОДОСИЮ.

Изреченій ученикамъ Своимъ: и дити и обр-
тене (Матѣ 7. 7.), безъ сомнѣнія, дастъ и
силу обрѣсти тѣмъ, которые, по Господней
заповѣди, любознательно доискиваются и
довѣдываются сокровенныхъ таинъ. Ибо не
лживъ Обѣщавшій, но великодаровитости
сверхъ прошенія ущедряетъ дарованія. Итакъ
вспомни ч. свѣд. *свѣд. Тч. 13.* (1 Тим. 4, 13.);
ибо прилично, думаю, къ твоей добротѣ обра-
титься съ симъ словомъ великаго, и да дастъ
тебѣ Господь разумѣніе во всемъ, чтобы обо-
гатиться тебѣ всякимъ словомъ и великимъ вѣ-
дѣніемъ! Теперь же, о чемъ ты приказывалъ
сколько поможетъ Господь, заблагоразсудитъ
я удовлетворить немногимъ твоему желанію.
чтобы позналъ ты изъ сего, что надлежитъ
намъ служить другъ другу любовію, взаимнымъ
исполненіемъ воли другаго. Посему преждѣ

всего, такъ какъ въ числѣ прочихъ приказаній главный вопросъ касался мнѣнія о Самуилѣ, при помощи Божіей, сколько можно, изложу о семъ кратко. Нѣкоторымъ изъ жившихъ прежде насъ угодно было признавать истиннымъ вызовъ Самуиловой души волшебницею, и въ оправданіе сего предположенія своего представляютъ такое нѣкое доказательство : Самуилъ печалился объ отверженіи Саула, и всегда представлялъ Господу, что, поелику угодно Ему было это, Саулъ очистилъ народъ отъ волшебства, къ обольщенію людей совершаемаго чревоушцами; и потому Пророкъ огорчился тѣмъ, что негодно было Господу примириться съ отверженнымъ. Посему-то, говорятъ, Богъ и попустилъ, чтобы душа пророка была вызвана таковымъ чародѣйствомъ, и Самуилъ увидѣлъ, что несправедливо ходатайствовалъ о Саулѣ предъ Богомъ, называя врагомъ чревоушательницъ того самаго, который просилъ о возвращеніи волшебствомъ ихъ Самуиловой души. А я, взирая на евангельскую пропасть, которая между злыми и добрыми *утвердися* (Лук. 16, 26.), говорить патріархъ, лучше же сказать,—Господь патріарха, почему невозможно и осужденнымъ войти въ покой праведныхъ и святымъ вступить въ сонмъ лукавыхъ,—не соглашаюсь, что такія предположенія истинны, будучи наученъ вѣровать, что истинно одно только еван-

геліе. Итакъ, поелику Самуиль великъ во святыхъ, а волшебство — достояніе лукавое; то не вѣрю, чтобы Самуиль, ставъ на такую высоту собственнаго упокоенія, волею или неволею прешелъ оную неудобопроходимую къ нечестивымъ пропасть. Не потерпѣлъ бы онъ сего неволею, потому что не возможно было бы демону перейти пропасть и подвигнуть святаго, пребывающаго въ ликѣ праведниковъ; но не сдѣлалъ бы сего и волею, потому что не захотѣлъ бы, да и не могъ бы, войти въ общеніе съ злыми: ибо обилующему благами не желателенъ изъ того состоянія, въ которомъ онъ, переходъ въ противоположное. Даже если бы кто и допустилъ желаніе; свойство пропасти не дастъ прохода.

Итакъ что же, какъ разсуждаемъ объ этомъ? Врагомъ человѣческаго естества есть общій всѣхъ сопротивникъ; у него все помышленіе и стараніе о томъ, чтобы причинить человѣку смертоносный вредъ. Какой же другой ударъ смертоноснѣе для людей этого вреда—быть отверженными животворящимъ Богомъ и добровольно отдаться на смертную пагубу? Итакъ, поелику у плотолубцевъ въ настоящей жизни есть нѣкая рачительность о томъ, чтобы имѣть сколько нибудь вѣдѣніе о будущемъ, при которомъ надѣются или избѣжать бѣдъ, или же достигнуть желаемаго; то по сему, чтобы люди обращали взоръ не къ Богу,

исполненное обмана демонское естество изобрѣло многіе способы узнавать будущее, какъ то: птицегаданія, толкованія знаменій, прорицанія, наблюденіе внутренностей у животныхъ, вызываніе мертвыхъ, изступленія, наитія Божествъ, вдохновенія и многое другое сему подобное. И какъ скоро какой либо родъ предвѣдѣнія, въ слѣдствіе какого либо обмана, признанъ истиннымъ, обольститель демонъ представляетъ его обольщенному въ оправданіе лживаго предположенія. Такъ устрояетъ демонъ, что полетъ орла служить къ возбужденію надежды въ наблюдателѣ, на трепетаніе печени, на колебаніе, происходящее въ вздувшихся мозговыхъ оболочкахъ, на вращеніе глазъ и на всякую ложную примѣту, подобную означенной, ухищреніе демонское указываетъ обольщаемымъ, чтобы люди, отступивъ отъ Бога, обратились къ служенію демонамъ, въ увѣренности, что они совершаютъ подобныя вещи. Посему однимъ изъ видовъ обмана былъ и обманъ чревоѣщателей, о которыхъ вѣрили, что ихъ чародѣйство можетъ души умершихъ снова привлекать въ здѣшнюю жизнь. Посему, когда Саулъ дошелъ до отчаянія въ спасеніи, потому что всѣ филистимляне подвиглись на него со всѣмъ воинствомъ, и вошла ему въ голову та мысль, что Самуилъ укажетъ ему какой нибудь способъ къ спасенію: тогда демонъ, пребывающій въ чрево-

вѣщательницѣ, которымъ она обыкновенно была обольщаема, въ глазахъ этой женщины преобразился въ разные примрачные виды, между тѣмъ какъ Саулу не являлось ничего видимаго женщиною. Какъ скоро приступила она къ волхвованію, и предъ очами женщины начали уже появляться призраки, демонъ удостоившись въ томъ, что явленія истинны, ухитрился слѣдующимъ образомъ: сперва сдѣлалъ извѣстнымъ самаго Саула, скрывавшагося въ притворно принятомъ на себя видѣ, чѣмъ паче и пораженъ былъ Саулъ, заключивъ, что женщина ни въ чемъ уже не обманется, когда волшебная сила не узнала его въ одеждѣ частнаго человѣка. Посему, такъ какъ сказала она: *боги и человека стара видѣхъ восходящія въ доломъ одѣяніи* (1 Цар. 28, 13. 14.); то чѣмъ рабы буквы утверждаютъ историческую вѣрность? Ибо, если видимый волшебницею дѣйствительно есть Самуилъ, то слѣдуетъ, что и другіе видимые ею въ дѣйствительности боги; богами же Писаніе называетъ демоновъ: *еси бози языкъ блсове* (Пса. 95, 5.). Итакъ ужели съ демонами и душа Самуилова? Да не будетъ сего! Напротивъ того демонъ, всегда послушный волшебницѣ, и другихъ духовъ взялъ съ собою для обольщенія самой женщины и обольщаемаго чрезъ нее Саула, и сдѣлалъ, что бѣсы чревовѣщательницею признаны за боговъ, а самъ онъ преобразился

въ видѣ вызываемаго , притворно говорилъ его голосомъ, и о чемъ естественно было заключать изъ видимаго, какъ бы въ видѣ пророчества, изрекъ и ожидаемый приговоръ чему слѣдовало исполниться. Но демонъ и нехотя обличилъ себя, сказавъ истину: *завтра ты и Ионаванъ со мною* (1 Цар. 28, 19.) (ж). Ибо если бы говорившій дѣйствительно былъ Самуилъ, то какъ согласился бы, чтобы съ нимъ вмѣстѣ былъ виновный во всякомъ пороѣ? Напротивъ того явно, что вмѣсто Самуила видимъ былъ лукавый демонъ, и онъ не солгалъ, сказавъ, что съ нимъ будетъ Саулъ. Если же Писаніе говоритъ: *и рече Самуилъ* (15.), то подобное выраженіе да не смущаетъ свѣдущаго; но да подразумѣваетъ онъ присовокупленное: *лишій Самуилъ*. Ибо во многихъ мѣстахъ Писанія находимъ обычай вмѣсто дѣйствительнаго описывать кажущееся, какъ въ исторіи Валаама. Сначала говоритъ онъ: послушаю, что возглаголетъ во мнѣ Богъ (Числ. 22, 19.)? А послѣ сего Валаамъ, узнавъ, что Богу угодно не проклинать израильтянъ, *не иде по обычаю бѣ срътеніе волхвованіемъ* (Числ. 24, 1.). Неосмотрительный подумаетъ, что и тамъ съ Валаамомъ бе-

(ж) Мѣсто сіе читается здѣсь, не по переводу Седмидесяти, а согласно съ еврейскимъ текстомъ.

сѣдовалъ истинный Богъ; хотя поясненіе показываетъ, что Писаніе такъ наименовало не истиннаго Бога, но кого Валаамъ почиталъ Богомъ. Поэтому и здѣсь представлявшійся Самуиломъ притворно повелъ рѣчь, какъ бы отъ лица Самуилова, и демонъ, искусно заключая по вѣроятностямъ, подражалъ пророчеству.

А что касается Іліи, то требуетъ большаго изслѣдованія, нежели какое требовалось въ предложенномъ вопросѣ. Ибо пророку, получившему повелѣніе *пити отъ потока воды* (3 Цар. 17, 4.), въ тайнѣ внушаемо было Богомъ, чтобы онъ же самъ и отмѣнилъ произнесенный имъ на израильтянъ приговоръ о бездождіи. Ему дозволялось пить изъ одного только потока, по всей вѣроятности изсыхавшаго отъ зноя; и какъ другаго способа къ утоленію жажлы у пророка не находилось, потому что запрещалось ему пить въ другомъ мѣстѣ, то необходимо было просить дождя, чтобы не оскудѣла вода въ потокѣ. Служеніе же необходимымъ для жизни совершается пророку вранами, чѣмъ Богъ давалъ пророку видѣть, что много еще осталось служащихъ истинному Богу, отъ которыхъ враны приносили пищу пророку: потому что доставлялись ему неоскверненные хлѣбы и не идоложертвенное мясо; почему и этимъ побуждаемъ былъ Ілія умѣрить нѣсколько свое раз-

драженіе на нечествовавшихъ, дознавъ изъ совершающагося, что много обращающихъ взоры свои къ Богу, и несправедливо наказывать ихъ вмѣстѣ съ виновными. Приносится же ему утромъ хлѣбъ, а вечеромъ мясо, что, можетъ быть, загадочно научаетъ попеченію о добродѣтельной жизни, а именно, что начинающимъ необходима пища болѣе совершенныхъ, по слову Павла, который говоритъ: *совершенныхъ же есть твердая пища, иллицихъ чувства обучена долгимъ ученіемъ* (Евр. 5, 14.).

А что означается покрываломъ Моисеевымъ, не останешься невѣдущимъ этого, если побесѣдуешь съ посланіемъ Павла къ коринѳянамъ. И касательно вопросовъ, какіе предложилъ ты о жертвахъ, хорошо сдѣлаешь, если съ большимъ трудолюбіемъ изслѣдуешь всю книгу Левитъ, и съ вѣщимъ прилѣжаніемъ обозришь вообще касающіеся ихъ законы; ибо въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ цѣлымъ уразумѣешь и часть; одно же это само по себѣ, прежде обозрѣнія цѣлаго, не могло бы и рѣшено быть. Сомнѣнію же о сопротивной силѣ рѣшеніе очевидно, а именно содѣлавшійся отступникомъ былъ не простой Ангелъ, но поставленный въ чинѣ Архангеловъ. Посему явно, что вмѣстѣ съ началомъ указывается и подчиненный ему чинъ, а потому рѣшается вопросъ: почему былъ онъ одинъ, а теперь

при немъ множество? Послику съ нимъ отступило и подчиненное ему воинство; то симъ обьясняется искомое. На послѣдній же главный въ числѣ предложенныхъ тобою вопросовъ, разумѣю вопросъ о томъ, почему Духъ сходитъ прежде крещенія (Дѣян. 10, 44.), какъ требующій обширнѣйшаго обозрѣнія и изслѣдованія, написавъ отвѣтъ въ особомъ словѣ, если дастъ Богъ, пришлемъ оный къ твоей чести.

16. О ДУШѢ И О ВОСКРЕСЕНІИ,

РАЗГОВОРЪ СЪ СЕСТРОЮ МАКРИНОЮ (а).

Когда великій во святыхъ Василій изъ жизни человѣческой преселлся къ Богу, и содѣлался для церквей общимъ поводомъ къ плачу, оставалась же еще въ жизни сестра и наставница, съ поспѣшностію пошелъ я раздѣлнить съ нею горе о братѣ. Болѣла у меня душа, сильно скорбя о таковой уtratѣ, и сообщникомъ въ слезахъ искалъ я человѣка, который бы несъ равное со мною бремя печали. Но какъ скоро мы увидали другъ друга; явившаяся предъ глазами моими наставница сильнѣе возбудила мое страданіе; потому что и сама была больна едва не при смерти; она же, подобно свѣдущимъ въ искусствѣ править конями, давъ мнѣ не надолго увлечься порывомъ страсти, начи-

(а) Переводъ сдѣланъ по изданію Георг. Краббингера, Лейпцигъ 1837 года.

наетъ потомъ сдерживать словомъ, какъ бы уздою какою, разсужденіемъ своимъ успокоивая возмущенную душу, и произнесено было ею сіе апостольское изреченіе: не должно *скорбѣть* о почившихъ (1 Сол. 4, 13.), потому что скорбь эта свойственна только иенмѣющимъ упованія. И поелику сердце мое кнѣло еще отъ печали, то сказалъ я:

Гр. Возможно ли людямъ это исполнить, когда въ каждомъ есть какое-то естественное отвращеніе отъ смерти; кто видитъ умирающихъ, тѣ съ трудомъ сносятъ это зрѣлище; а къ кому приближается смерть, тѣ, сколько можно, отъ нея бѣгутъ. Да и господствующіе законы признають ее крайнимъ изъ преступленій и крайнимъ изъ наказаній; поэтому какая же возможность почитать ни за что изшествіе изъ жизни, даже кого либо изъ чужихъ, не только изъ близкихъ, когда она оканчивается жизнью? Къ тому еще видимъ, продолжалъ я, что и все человѣческое стараніе имѣетъ въ виду то, чтобы продлить намъ время жизни; поэтому у насъ и дома придуманы для жительства, чтобы тѣла въ окружающемъ ихъ воздухѣ не страдали отъ холода или жара. И земледѣліе что иное, какъ не заготовленіе потребнаго для жизни? Забота же о жизни, конечно, происходитъ отъ страха смертнаго. Что такое врачебное искусство? Отчего оно почтено у людей? Не отъ того ли, что сред-

ствами своими, по видимому, борется иѣ-
сколько со смертію? И брони, и щиты, и воин-
ская обувь, и шлемы, и оборонительныя ору-
жія, и ограды стѣнъ, и желѣзомъ кованныя
ворота, и доставляющіе безопасность рвы, и
подобное тому, по чему ниому дѣлается все
это, какъ не по страху смерти? Послику же
естественнымъ образомъ такъ страшна смерть,
то легко ли послушаться того, кто велитъ
остающемуся въ живыхъ не предаваться скор-
би объ умершемъ?

Мак. Что же, спрашиваетъ наставница, что
же тебѣ особенно само по себѣ кажется при-
скорбнымъ въ смерти? Ибо обычая неразум-
ныхъ недостаточно къ худому о ней мнѣнію.

Гр. Что же? Ужели не стѣнтъ того, чтобы
и скорбѣть, отвѣчалъ я ей. когда видимъ, что
человѣкъ, дотолѣ живой и разговаривающій,
вдругъ дѣлается бездыханнымъ, безмолвнымъ,
неподвижнымъ; всѣ естественныя чувства въ
немъ потухаютъ, не дѣйствуютъ ни зрѣніе, ни
слухъ, ни все прочее способствующее ощу-
щенію? Поднесешь ли къ нему огонь, или же-
лѣзо, станешь ли тѣло разсѣкать мечемъ, от-
дашь ли плотяднымъ звѣрямъ, зароешь ли
въ землю: при всемъ этомъ лежитъ онъ оди-
наково. Посему, когда усматривается въ этомъ
перемѣна, а та жизненная причина, которая
находилась иѣкогда въ тѣлѣ, вдругъ дѣлается
невидимою и непримѣтною, подобно тому,

какъ въ погашенномъ свѣтильникѣ горѣвшій дотолѣ пламень и на свѣтлнѣ не остается, и не переходитъ куда либо въ другое мѣсто, но совершенно исчезаетъ; какъ тогда сдѣлается возможнымъ безъ печали перенести такую перемѣну тому, кто не имѣетъ никакой явной опоры? Ибо, услышавъ объ исходѣ души, хотя видимъ оставленное, однакоже не знаемъ объ удалившемся, что такое было оно прежде по природѣ своей, и во что перешло, такъ какъ ни земля, ни воздухъ, ни вода, ни другая какая стихія не показываетъ въ себѣ оной силы, преселвшейся изъ тѣла, по исшествіи которой оставленное ею мертво и готово уже къ тлѣнію.

Мак. Какъ скоро заговорилъ я это, наставница, помававъ рукою, начинаетъ рѣчь: не такой ли страхъ смущаетъ тебя, и объемлетъ твою мысль, будто бы душа не вѣчно пребываетъ, но съ разрушеніемъ тѣла и сама прекращаетъ бытіе?

Гр. А какъ я, по причинѣ страданія, не собрался еще съ разсудкомъ; то отвѣчалъ нѣсколько смѣло, не разбирая строго того, что произношу. Ибо сказалъ: Божественныя сіи изреченія подобны приказамъ, по которымъ вынуждены мы убѣдиться, что душа должна пребывать вѣчно: хотя не доказательствомъ какимъ приводимся къ таковому ученію; а на-противъ того, внутри насъ умъ, по видимому,

рабски по страху прннимаетъ повелѣваемое, а не по произвольному какому либо влеченію соглашается съ сказаннымъ. Отчего и скорби наши объ умершихъ дѣлаются болѣе тяжкими; потому что не знаемъ точно, существуетъ ли еще сама по себѣ животворная эта причина, и гдѣ, и какъ существуетъ, или нигдѣ болѣе ея нѣтъ. Ибо неизвѣстность дѣйствительно существующаго равными дѣлаетъ предположенія о томъ и другомъ; и какъ многимъ кажется справедливымъ одно, такъ многимъ противное тому; и иные у еллиновъ, пріобрѣтшіе не малую славу по философін, держались сего мнѣнія, и подтверждали оное.

Мак. Оставь языческія бредни, говоритъ она, въ нихъ изобрѣтатель лжи къ ущербу истины въ видѣ вѣроятныхъ слагаетъ погрѣшительныя предположенія; а ты обрати вниманіе на то, что думать такъ о душѣ не что иное значить, какъ стать чуждымъ для добродѣтели и имѣть въ виду только настоящую пріятность, а о жизни умопредставляемой въ вѣчности, по которой одна добродѣтель имѣетъ преимущество, отложить и надежду.

Гр. Но какъ, спросилъ я, твердымъ и непреложнымъ сдѣлается для насъ мнѣніе о вѣчномъ пребываніи души? Ибо и самъ чувствую, что жизнь человѣческая лишится прекраснѣйшаго своего достоянія. разумѣю, добродѣтели, если не превозможетъ въ насъ несомнѣнная

вѣра въ это. Ибо можетъ ли имѣть мѣсто добродѣтель въ тѣхъ, которыми настоящая жизнь признается предѣломъ бытія, и которымъ послѣ нея нечего больше надѣяться?

Мак. Поэтому надлежитъ разыскать, говорить наставница, чтó рѣчь наша объ этомъ можетъ принять для себя за должное начало; и, если угодно, пусть за тобою останется защищеніе противоположныхъ ученій; ибо вижу, что и твоя мысль готова къ такому состязанію. Пусть же такимъ образомъ чрезъ противуположеніе отыскано будетъ основаніе истины.

Гр. Послѣ сего приказа, неспросивъ ее не подумать, будто бы на самомъ дѣлѣ споримъ противъ истины, ибо напротивъ того стараемся придать твердость ученію о душѣ по разрѣшеніи съ этою цѣлію сдѣланныхъ возраженій, сказалъ я: защитники противнаго мнѣнія скажутъ, можетъ быть, что тѣло, будучи сложнымъ, конечно, разлагается на то, изъ чего составлено. По расторженіи же сродства стихій въ тѣлѣ, въ каждой изъ нихъ происходитъ, вѣроятно, стремленіе къ состоящему съ нею въ свойствѣ, такъ какъ самое естество стихій по какому-то необходимому влеченію возвращаетъ однородному свойственное ему. Ибо съ теплымъ опять соединится, чтó есть теплаго въ насъ, и съ твердымъ, чтó въ насъ землянистаго, и съ каждымъ изъ прочихъ ка-

чествъ произойдетъ переходъ къ сродному. Посему, гдѣ же послѣ этого будетъ душа? Ибо, если кто скажетъ, что она въ стихіяхъ, то по необходимости согласится, что она тождественна съ ними, потому что не могло бы произойти какое либо смѣшеніе инороднаго съ чуждымъ. И если это будетъ, то душа, конечно, окажется какою-то разнообразною, какъ входящая въ смѣшеніе съ противоположными качествами. А разнообразное не просто, но непременно уопределяется въ сложениі; все же сложное по необходимости и разлагаемо; а разложеніе есть распадёніе состава; но распадающееся не безсмертно. Въ противномъ случаѣ безсмертною можно было бы назвать и плоть, разлагаемую на то, изъ чего составлена. Если же душа есть нѣчто иное съ стихіями, то гдѣ бытіе ея предположить разумъ, когда въ стихіяхъ по разнородности она не находится, въ мірѣ же не существуетъ ничего иного, въ чемъ могла бы обитать душа сообразно съ своею природою? А чего нигдѣ нѣтъ, то, конечно, и не существуетъ.

Мак. И наставница, слегка воздохиувъ при этихъ словахъ, говоритъ: это и подобное этому, можетъ быть, предлагали нѣкогда Апостолу въ Аѳинахъ собравшіеся стоики и эпикурейцы. Ибо къ тому, какъ слышу, всего болѣе въ своихъ предположеніяхъ клонится Епикуръ, чтобы придумано было какое-то случай-

ное и самодвижное естество существъ, между тѣмъ какъ никакой промыслъ не входитъ въ дѣла; почему въ слѣдствіе этого и жнзнь чело-вѣческую представлялъ себѣ въ подобіи пу-зыря происходящаго, когда тѣло наше напол-нено какимъ-то духомъ, и этотъ духъ содер-жится въ объемлющемъ его; по опаденіи же надутости угасаегъ и заключенное внутри. Ибо для Епнкура предѣломъ естества существъ было видимое, и мѣрою постиженія вселенной полагалъ онъ ощущение, совсѣмъ смеживъ чувствашща души, и не имѣя возможности обратить взоръ на что либо умственное и без-плотное, какъ заключенный въ какой-либо хи-жинѣ остается не видящимъ небесныхъ чу-десъ, потому что стѣны и потолокъ препят-ствуютъ ему видѣть, что внѣ хижины. Ибо все чувственное, что только усматривается во вселенной, подлинно есть какая-то земная стѣна, которая людямъ несильнаго ума пре-граждаетъ собою путь къ воззрѣнію на умствен-ное. Таковой видитъ только землю, воду, воз-духъ и огонь; а откуда каждая изъ сихъ сти-хій, или въ чемъ она состоитъ, или чѣмъ со-держится въ своемъ мѣстѣ, не можетъ этого усмотрѣть по низости ума. И хотя иной, уви-дѣвъ одежду, заключаетъ о ткачѣ, по кораблю уразумѣваетъ кораблестроителя, и вмѣстѣ со взглядомъ на зданіе въ мысли зрителей пред-ставляется рука здателя; однакоже они, взи-

рая на міръ, остаются слѣпыми для усмотрѣнія Указуемаго имъ. Посему-то учащими несуществованію души и произносятся эти хитрыя и остроумныя положенія: тѣло изъ стихій, стихій изъ тѣла, и: душа не можетъ быть сама по себѣ, если не будетъ чѣмъ либо изъ нихъ, или въ нихъ. Ибо если противники думаютъ, что душа, поеленку она не однородна съ стихіями, то и вовсе не существуетъ; пусть сначала признаютъ оии за истину, что жизнь во плоти бездушна; ибо тѣло не иное что есть, какъ стеченіе стихій. Поэтому пусть не утверждаютъ и того, что въ стихіяхъ—душа, оживотворяющая собою тѣлесный составъ, если только, по ихъ мнѣнію, не возможно послѣ этого, при существованіи стихій, быть и душѣ; такъ что у нихъ жизнь наша оказывается не иначе, какъ мертвою. Если же не сомнѣваются, что теперь есть душа въ тѣлѣ, то почему учать уничтоженію ея по разложеніи тѣла на стихій? Но послѣ этого отважатся оии тоже сказать и о самомъ Божественномъ естествѣ. Ибо на какомъ основаніи скажутъ, что разумное, невещественное и не имѣющее вида естество, проникая во влажное, мягкое, теплое, и твердое, содержитъ въ бытіи существа, не имѣя сродства съ тѣмъ, въ чемъ оно бываетъ, и будучи не въ состояніи быть въ этомъ по разнородности? Итакъ изъ ученія ихъ да будетъ вовсе исключено и самое

Божество, Которымъ существа содержатся въ бытіи.

Гр. Но какъ, спросилъ, я, сдѣлается несомнѣннымъ для возражающихъ и это самое, что все отъ Бога, и что Имъ содержатся существа, или и вообще, что есть нѣчто Божественное, превысшее естества существъ?

Мак. Она же говорить: о подобномъ сему приличіе было бы молчать, и не удостоивать отвѣта глупыя и нечестивыя предложенія, какъ и нѣкое Божественное слово повелѣваетъ не отвѣщать *безумному по безумію его* (Притч. 26, 4.); *безуменъ* же, конечно, по слову пророка, кто говорить: *нѣсть Богъ* (Пса. 13, 1.). Но поелику надобно сказать и это, изреку тебѣ, продолжаетъ наставница, слово, впрочемъ не мое и не другаго какого человѣка (потому что малъ всякій, каковъ бы онъ ни былъ), но то самое, которое о существахъ высказываетъ тварь чудесами совершаемыми въ ней, и слушателемъ котораго дѣлается око, когда посредствомъ видимаго оглашается въ сердцѣ премудрое и художническое слово. Ибо тварь ясію возглашаетъ о Творцѣ, потому что самыя *небеса*, какъ говоритъ пророкъ, неизглаголаннныя вѣщаніями *повѣдаютъ славу Божию* (Пса. (18, 1.)). Ибо кто, видя стройность вселенной, небесныхъ и земныхъ чудесъ, какъ стихій, по природѣ одна другой противоположныя, по нѣкому неизречениому общенію

всѣ соединяются къ достиженію одной и той же цѣли, и каждая привноситъ отъ себѣ силу къ пребыванію цѣлаго; несоединимое и несообщимое между собою по особенностямъ качествъ не разлучается одно съ другимъ, и не истребляется одно другимъ, взаимно сраствленное противоположными качествами; напротивъ того стихіи, естество которыхъ несется выспрь, опускаются долу, солнечная теплота изливается въ лучахъ, а тѣла тяжелыя дѣлаются легкими, будучи истончаемы испареніями; такъ что вода, вопреки своей природѣ, дѣлается стремящеюся выспрь, когда при вѣтрахъ носится по воздуху, и зеирийскій огонь сближается съ землею, такъ что и глубина получаетъ свою долю теплоты, а изливающаяся въ дождяхъ на землю влага, будучи одна по природѣ, поражаетъ тысячи разностей въ растеніяхъ. сообразуясь со всякимъ свойствомъ того, во что входитъ; также, видя самое быстрое вращеніе неба и обратное движеніе внутреннихъ круговъ, сближенія, соединенія и стройныя разъединенія звѣздъ.—видя сіе разумнымъ окомъ души, не явно научается изъ видимаго, что художественная и премудрая Божія сила, открывающаяся въ существахъ и все проникающая, и части приводитъ въ стройность съ цѣлымъ, и цѣлое восполняетъ въ частяхъ, и что вселенная единою нѣкою силою содержится, сама въ себѣ пре-

бывая и около себя самой вращаясь, и движенія никогда не прекращая, и изъ того мѣста, въ которомъ она, не переходя въ какое либо другое?

Гр. И какъ же, сказалъ я, вѣра, что есть Богъ, доказываетъ вмѣстѣ, что есть и душа человѣческая? Ибо душа не одно и тоже съ Богомъ, чтобы, если признаю бытіе одного, несомнѣнно было признаваемо и прочее?

Мак. Она же говоритъ: мудрецы утверждаютъ, что человѣкъ есть нѣкій малый міръ, содержащій въ себѣ тѣ же стихіи, которыми наполнена вселенная. Если положеніе это вѣрно (что вѣроятно), то не будемъ, можетъ быть, имѣть нужды въ другомъ пособіи къ подтвержденію признаемаго нами о душѣ. Признали же мы, что существуетъ она сама по себѣ, особымъ естествомъ, отличнымъ отъ тѣлесной дебелости. Ибо, какъ цѣлый міръ, познавая при помощи чувствъ, тою же самою дѣятельностію нашего чувства путеводимся къ уразумѣнію того, что на дѣлѣ и по понятію выше чувства, и глазъ дѣлается для насъ истолкователемъ всемогущей премудрости, и созерцаемой во вселенной и указующей собою Того, Кто премудро въ рукъ Своей содержитъ вселенную: такъ, смотря на міръ, который въ насъ, не мало имѣемъ поводовъ отъ вѣдимаго гадать и о сокровенномъ. Сокровенно же то, что, само въ себѣ будучи мысленимъ и не

имѣющимъ вида, избѣгаетъ чувствениаго пониманія.

Гр. И я сказалъ: но о премудрости пре-
высшей міра можно умозаключать по усматри-
ваемымъ въ природѣ существъ мудрымъ и ху-
дожественнымъ законамъ этого стройнаго міро-
правленія: какое же познаніе о душѣ можетъ
быть пзъ указуемаго въ тѣлѣ для тѣхъ, кото-
рые въ видимомъ слѣдятъ за сокровеннымъ?

Мак. А для тѣхъ, говорятъ дѣва, которые по
мудрому оному уроку желаютъ познать себя,
всего болѣе достаточною учительницею въ
томъ, что думать о душѣ, служить сама душа.
и именно, что она невещественна и безплот-
на, дѣйствуетъ и движется сообразно съ сво-
ею природою, и свойственныя ей движенія
обнаруживаетъ тѣлесными органами; потому
что органическое устройство тѣла въ полной
мѣрѣ тоже и въ умершихъ, но остается не-
подвижнымъ и недѣятельнымъ, по отсутствію
въ немъ душевной силы. Тогда же движется
оно, когда въ органахъ есть чувствительность,
и въ ней дѣйствуетъ умственная сила, кото-
рая собственными своими стремленіями, какъ
угодно ей, движетъ и чувствственные органы.

Гр. Посему, сказалъ я, что же такое душа,
если только естество ея можетъ быть описано
какимъ либо словомъ, такъ чтобы посему опи-
санію составилось въ насъ какое либо понятіе
о предметѣ?

Мак. И наставника говорить: разные разно излагали учение о душѣ, и каждый дѣлалъ опредѣленіе, какое было ему угодно; а наше мнѣніе о ней таково: душа есть сотворенная сущность, сущность живая, разумная, органическому и чувствительному тѣлу сообщающая собою жизненную и воспріимлющую чувственное силу до тѣхъ поръ, пока способное къ принятію сего естество оказывается состоятельнымъ. И говоря это, указываетъ она рукою на врача, сидѣвшаго при ней для уврачеванія тѣла, и говоритъ: вотъ недалеко отъ насъ и свидѣтельство сказаннаго. Ибо почему этотъ врачъ, приложивъ персты къ боевой жилѣ и ощупывая ее, чувствомъ осязанія слышать нѣкоторымъ образомъ, что говорить ему естество, и какъ пересказываетъ свои страданія, а именно, что тѣлесный недугъ приходитъ въ силу, и болѣзнь ведетъ начало отъ такихъ-то частей во внутренности, и на столько-то прострется усиленіе воспаления? А иному, подобному сему, учить его и глазъ, когда смотритъ, какъ я лежу, какъ измождено тѣло, и какое внутреннее расположеніе означаютъ блѣдноватый и желчный цвѣтъ наружности, и взглядъ очей, самъ собою расположенный къ выраженію печали и скорби. Но также и слухъ дѣлается учителемъ въ подобномъ сему, по учащенному дыханію и по стону, издаваемому при дыханіи, познавая страданіе. Иной же ска-

жетъ, что и обоняніе свѣдущаго не остается незамѣчающимъ страданія, напротивъ того по извѣстному особенному качеству дыханія познаетъ сокрытый во внутренностяхъ недугъ. Посему что же, если бы въ каждомъ изъ чувствилищъ не была присущею нѣкая разумная сила? Чему научила бы насъ сама по себѣ рука, если бы не мысль путеводела осязаніе къ вѣдѣнію предмета? Чѣмъ содѣйствовали бы къ познанію искомаго и слухъ, несопряженный съ разумѣніемъ, или глазъ, или носъ, или другое какое чувственное орудіе, если бы каждое изъ нихъ было въ дѣйствіи само по себѣ одно? Но всего справедливѣе прекрасно сказанное, какъ упоминается о семъ, однимъ изъ ученыхъ язычниковъ, что и видитъ умъ и слышитъ умъ (б). Ибо если кто не согласится, что это справедливо, то скажи, почему, смотря на солнце, какъ наученъ ты смотрѣть наставникомъ, говоришь, что по величинѣ окружности оно не таково, какимъ кажется мнѣ, но мѣрою во много кратъ превосходитъ всю землю? Не потому ли, что, по извѣстному движенію, по временнымъ и мѣстнымъ разстояніямъ и по причинамъ затмѣній, изъ видимаго сдѣлавъ заключеніе разумомъ, осмѣливаешься утверждать, что это дѣйствительно

(б) У бл. Теодорита de fide I, p. 15 ed. Sylburg. Это изреченіе приписывается Епихарму.

такъ? И видя ущербъ и возрастаніе луны, научаешься иному симъ видимымъ очертаніемъ ея состава, а именно, что луна по собственной своей природѣ не свѣтла, что она описываетъ ближайшій къ землѣ кругъ, свѣтитъ же солнечными лучами, какъ это обыкновенно бываетъ съ зеркалами, которыя, принимая въ себя солнце, издають сіяніе, не собственное свое, но солнечнаго свѣта, отражаемаго тѣломъ гладкимъ и блестящимъ. И сіе-то, если смотрѣть безъ изслѣдованія, кажется свѣтомъ самой луны. А что въ дѣйствительности сіе не такъ, доказывается тѣмъ, что, когда она прямо противоположна солнцу, освѣщается цѣлый обращенный къ намъ кругъ луны; но, въ меньшемъ отдѣленномъ ей пространствѣ скорѣе обходя тотъ описываемый ею кругъ, прежде нежели солнце однажды совершить свое теченіе, она болѣе двѣнадцати разъ протекаетъ свой путь. Отсего бываетъ, что составъ ея не всегда полонъ свѣта; потому что при учащеніи обращеній, луна, въ меньшее время протекающая много разъ путь свой, не остается постоянно противоположною совершающему свой оборотъ долгое время: но какъ прямо противоположное солнцу положеніе луны дѣлаетъ, что вся часть, обращенная къ намъ, освѣщается солнечными лучами: такъ, когда приходитъ въ косвенное положеніе относительно къ солнцу, поелику полушаріе луны.

обращенное къ солнцу, всегда объято потокомъ лучей, по необходимости потемняется сторона, обращенная къ намъ, такъ какъ свѣтлость переходитъ съ стороны, которая не можетъ смотрѣть къ солнцу, на сторону, которая всегда обращена къ нему, и сіе продолжается до тѣхъ поръ, какъ, подошедши прямо подъ солнечный кругъ, начистъ принимать лучъ сзади, и такимъ образомъ. по причинѣ освѣщенія верхняго полушарія, обращенную къ намъ сторону дѣлаетъ невидимою, потому что луна по собственной своей природѣ вовсе не издаетъ лучей и несвѣтла; и это называется совершеннымъ ущербомъ стихіи. Если же луна, продолжая движеніе своимъ путемъ, опять минуетъ солнце, и придетъ въ косвенное положеніе къ лучу; то не за долго до сего бывшая неосвѣщеннойю часть начинаетъ свѣтлѣть, потому что лучъ съ освѣщеннаго мѣста переходитъ на неиздававшее дотолѣ свѣта. Видишь, чему учить тебя зрѣніе, которое само по себѣ не доставило бы тебѣ такого взгляда, если бы не было чего-то видящаго посредствомъ зрѣнія, чтó, какъ нѣкіими путеводаителями, пользуясь познаніями, приобрѣтенными чувствомъ, посредствомъ видимаго проникаетъ въ невидимое? Должно ли присовокуплять къ сему геометрическіе способы, посредствомъ чувственныхъ начертаній руководящіе насъ къ сверхъ-чувственному, и сверхъ

того тысячи иныхъ доказательствъ, что чрезъ совершающуюся въ насъ тѣлесно постигается сокрытая въ природѣ нашей разумная сущность?

Гр. Чтѣ же? сказалъ я. Если, какъ въ чувственной природѣ стихій для всѣхъ общее есть то, что онѣ вещественны, но великая разность въ каждомъ видѣ вещества взятомъ особо потому что и движеніе у нихъ противоположно, иное несется высирь, иное тяготеетъ долу, и видъ не одинъ и тотъ же, и качество разное),—если кто скажетъ, что съ стихіями по одному и тому же закону тѣсно соединена сила, производящая эти умственные представленія и движенія по естественному свойству и по естественной способности. какъ много сему подобнаго, видимъ, производится строителями машинъ, у которыхъ въ искусственно расположенномъ веществѣ происходитъ подражаніе природѣ, не во внѣшности одной показывающее сходство, а напротивъ того и въ движеніи состоитъ оно, и поддѣляется подъ иное слово, между тѣмъ какъ машина издастъ звуки въ голосистой части своей,—но въ томъ, чтѣ дѣлается, не видимъ мы какой либо умственной силы, производящей каждое изъ сихъ явленій, очертаніе, видъ, звукъ, движеніе; если скажемъ, что тоже происходитъ и въ этомъ механическомъ органѣ нашей природы, безъ всякой примѣси особой умственной сущности, но вслѣдствіе вложенной въ

природу тѣхъ стихій, которыя въ насъ, иѣкоей движущей силы, и таковая дѣятельность есть ея произведеніе, и не иное что, какъ иѣкое стремительное движеніе, направленное къ знанію того, что занимаетъ насъ: въ такомъ случаѣ, что больше будетъ доказано этимъ, то и, что сама по себѣ существуетъ она умственная и безплотная сущность душъ, или что вовсе ея нѣтъ?

Мак. На сіе отвѣчаетъ она: слову нашему поможетъ и примѣръ, да и все построеніе представленнаго намъ возраженія не мало будетъ содѣйствовать къ подтвержденію того, что думаемъ.

Гр. Что хочешь этимъ сказать?

Мак. То. говоритъ она, что умѣть взять въ руки и расположить неодушевленное вещество такъ, чтобы веществу едва не замѣнило душу искусство вложенное въ машины, которыми подражательно производятся движеніе, звукъ, очертанія и тому подобное,—сіе само можетъ служить доказательствомъ, что есть въ человѣкѣ нѣчто такое, что умпредставительною и изобрѣтательною силою уразумѣваетъ въ себѣ это, и прпуготовляетъ мыслію машины, а потомъ искусствомъ приводитъ въ дѣйствіе, и веществомъ выражаетъ мысль. Ибо сперва человѣкъ примѣтилъ, что для произведенія голоса потребно дуновеніе, потомъ, чтобы прпмыслить дуновеніе для машины, разсмотрѣлъ природу стихій, изслѣдовалъ раз-

судкомъ, что въ существахъ нѣтъ ничего пустого. но пустымъ въ сравненіи съ болѣе тяжелымъ почитается легкое: потому что и воздухъ самъ по себѣ, по своему существенному составу, густъ и полонъ; и сосудъ по неправильному словоупотребленію называется опустѣвшимъ, когда нѣтъ въ немъ жидкости, человекъ же ученый тѣмъ не менѣе и о немъ скажетъ, что онъ полонъ воздуха. А признакомъ сего то, что кувшинъ, опущенный въ водоемъ, не вдругъ наполняется водою, но сперва плаваетъ, потому что заключенный во внутренности его воздухъ поднимаетъ его въ верхъ, пока кувшинъ рукою черпающаго не будетъ вдавленъ въ глубину, и тогда приметъ воду въ горло, чѣмъ самымъ доказывается, что и прежде воды не былъ онъ пустъ: потому что въ горлѣ кувшина усматривается нѣкая борьба двухъ стихій: вода изъ глубины втѣсняется и втекаетъ во внутренность, а воздухъ, заключенный во внутренности, чрезъ то же горло сгнетается водою, и течетъ въ противоположную сторону, такъ что вода и задерживается этимъ и колокочетъ сдавливаемая силою духа. Посему человекъ уразумѣлъ это и придумалъ, какъ сообразно съ естествомъ стихій вложить духъ въ машину. Изъ непроницаемаго вещества изготовивъ нѣкую полость, и отсюду неисходно заключивъ въ ней воздухъ, горломъ вводитъ въ полость воду, количество воды

соразмѣривъ съ потребностію; потомъ даетъ воздуху ходъ въ противоположную сторону до придѣланной трубки, и воздухъ сильно тѣснимый водою, дѣлается дуновеніемъ, которое, входя въ строеніе трубки, производитъ звукъ. Не явно ли доказывается видимымъ, что въ человѣкѣ есть какой-то умъ—иное нѣчто съ видимымъ, и онъ тѣмъ, что въ собственной его природѣ невидимо и духовно, предуготовляетъ въ себѣ это примышленіями, и потомъ составившуюся такимъ образомъ внутри мысль при помощи вещества приводитъ въ видимость? Ибо, если бы, по сдѣланному намъ выше возраженію, таковыя чудесныя дѣйствія можно было приписать природѣ стихій, то, конечно, сами собою составлялись бы у насъ машины, мѣдь не ждала бы искусства, чтобы стать подобіемъ человѣческому, но прямо была бы такою по самой природѣ, ни воздухъ для произведенія звука не имѣлъ бы нужды въ трубкѣ, но звучалъ бы всегда самъ собою, безъ всякой причины совершая теченіе и движеніе, и стремленіе воды въ верхъ въ трубкѣ не было бы вынужденное, когда искусство давленіемъ приводитъ ее въ противоестественное движеніе, а напротивъ того вода, конечно, сама собою шла бы въ машинѣ, по собственной своей природѣ злясь вверхъ. Если же все это производится не само по себѣ природою стихій, но искусствомъ отъ каждаго вещества

приобрѣтается, что угодно: а искусство есть твердая нѣкая мысль, для какой либо цѣли приводимая въ исполненіе съ помощію всѣхъ: мысль же есть нѣкое собственное движеніе и дѣйствіе ума: то представившимъ намъ возраженіемъ въ слѣдствіе сказаннаго доказывается, что умъ есть нѣчто иное съ видимымъ.

Гр. На сіе отвѣчаю, что и самъ держусь той же мысли, а именно, что невидимое не одно и то же съ видимымъ; но въ словѣ этомъ вижу искомаго. Ибо для меня еще не явилось, чѣмъ надлежитъ наконецъ признать сіе невидимое: напротивъ того твоимъ отвѣтомъ наученъ я, что оно не есть что либо вещественное, не узнавъ еще, что прилично сказать о семъ. А всего болѣе нужно мнѣ было бы дознать не то, чѣмъ оно не есть, но что такое оно есть.

Мак. Она же говорить на сіе: многое и о многомъ дознаемъ такимъ образомъ; сказавъ: сіе не есть то-то, объясняемъ тѣмъ самое бытіе искомаго, что оно такое. Ибо сказавъ: не худъ, показываемъ, что добръ, наименовавъ не мужественнымъ даемъ знать, что робокъ, и многое можно выражать подобнымъ сему образомъ, при чемъ, или чрезъ отрицаніе дурнаго получаемъ лучшее мнѣніе, или наоборотъ предполагаемъ въ мысляхъ худшее, отрицаніемъ хорошихъ качествъ показавъ дурное. Посему,

кто такъ вырази́мъ и настоящій предметъ. тотъ не погрѣшитъ въ надлежащемъ понятіи искомаго. Спрашивается же, чѣмъ надлежитъ почитать умъ въ самой его сущности. Поэтому, кто не сомнѣвается въ бытіи того, о чемъ у насъ рѣчь, такъ какъ доказываетъ сіе намъ дѣйствіе этого, хочетъ же знать что́ это такое, тотъ достаточнымъ для себя найдетъ до-знать, что это не что́ либо постигаемое чув-ствомъ. не цвѣтъ. не очертаніе. не упорство, не тяжесть, не количество, не протяженіе по тремъ размѣреніямъ, не мѣстное положеніе. и вообще не что́ либо изъ усматриваемаго въ веществѣ, ежели въ немъ и есть нѣчто иное, кромѣ исчисленнаго.

Гр. Пока еще перечисляла она это, сказала я: не знаю, возможно ли, чтобы съ отрица-ніемъ всего этого не изгладилось вмѣстѣ съ тѣмъ искомое: ибо чтобы безъ этого осталось у кого пытливое извѣдываніе, по моему пред-положенію. сего не видно. При изслѣдованіи существъ, вездѣ испытующимъ умомъ касаясь искомаго, какъ нѣкіе слѣпцы, по стѣнамъ до-щупываясь до двери, непремѣнно добираемся до чего нибудь одного изъ сказаннаго. нахо-дя или цвѣтъ, или очертаніе, или количество, или другое что́ либо изъ исчисленнаго теперь тобою; когда же скажутъ, что нѣтъ ничего этого, тогда по малоумію приводимся къ такой мысли, что и вовсе ничего нѣтъ.

Мак. Она же, изъяснивъ негодованіе въ продолженіе этой рѣчи, говоритъ: какая нелѣпность! Вотъ къ какому концу обращаетъ это низкое отъ земли неподнимающееся сужденіе о существахъ! Ибо если изъ существующаго изъемлетъ все, что не познается чувствомъ, то утверждающій сіе, конечно, не признаетъ и той самой силы, которая правитъ вселенною, и въ рукѣ споей объемлетъ существа: но наученный о Божіемъ естествѣ, что оно безплотно и неимѣетъ вида, въ слѣдствіе такого образа мыслей заключить, безъ сомнѣнія, что вовсе нѣтъ и Его. Если же тамъ небытіе этого не дѣлается исключеніемъ бытія; то почему вытѣсняется изъ существующаго человѣческій умъ, утрачиваемый вмѣстѣ съ отъятіемъ тѣлесныхъ свойствъ?

Гр. Посему, сказалъ я, при этомъ послѣдованіи мыслей, одну нелѣпость обмѣниваемъ на другую: потому что рѣчь наша идетъ къ тому, чтобы умъ нашъ признать однимъ и тѣмъ же съ естествомъ Божіимъ, если то и другое уразумѣвается чрезъ отвлеченіе находямаго чувствомъ.

Мак. Не говорю: признать однимъ и тѣмъ же, замѣчаетъ наставникъ; потому что рѣчь сія нечестива, но, какъ наученъ Божественнымъ словомъ, скажи: признать одно подобнымъ другому. Ибо сотворенное по образу, конечно, во всемъ имѣетъ уподобленіе перво-

образу, умственное—умственному и безплотное—безплотному, свободно от всякаго бремени какъ и первообразъ, подобно ему избѣгаетъ всякаго пространственнаго измѣренія, но по свойству природы есть нѣчто иное съ нимъ, потому что не было бы образомъ, если бы во всемъ было одно и тоже съ первообразомъ; напротивъ того какими чертами въ не-созданномъ естествѣ отличается первообразъ, съ тѣми же самыми созданная природа показываетъ намъ образъ; и какъ часто въ маломъ осколкѣ стекла, когда случится лежать ему подъ лучемъ, бываетъ видимъ цѣлый кругъ солнца, показываясь въ немъ не въ собственной своей величинѣ, но въ какомъ объемѣ круга вмѣщаетъ въ себѣ его малость осколка, такъ и въ малости нашей природы сіяютъ образы невыразимыхъ оныхъ свойствъ Божества, такъ что руководимый ими разумъ не уклоняется отъ представленія ума въ его сущности, при изслѣдованіи предмета очищеннаго отъ тѣлеснаго свойства, и опять неприводитъ въ равенство съ невидимымъ и пречистымъ естествомъ естества малаго и временнаго, но хотя признаетъ сущность умною, потому что она образъ умной сущности, однакоже образа не называетъ тождественнымъ съ первообразомъ. Посему, какъ по причинѣ неизреченной Божіей мудрости, открывающейся во вселенной, не сомнѣваемся,

что Божіе естество и Божія сила во всѣхъ существахъ, чтобы всѣ они пребывали въ бытіи, и хотя (если кто потребуеть слова объ естествѣ) сущность Божія весьма далека отъ того, что отърывается и умопредставляется отдѣльно въ твари. однакоже и далекое по естеству признается сущимъ въ тваряхъ: такъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и сущность души, будучи сама въ себѣ чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ, чему иногда уподобляемъ ее, не встрѣчаетъ препятствія къ бытію, если представляемое въ мірѣ основнымъ по естеству несходно съ нею. Ибо, какъ уже сказано было прежде, и въ живыхъ тѣлахъ, которыхъ существенный составъ изъ растворенія стихій, относительно къ сущности нѣтъ никакого общенія между простотою и невидимостію души и между тѣлесною дебелистію: однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ есть жизненная дѣятельность души, срастворенная съ ними по какому-то закону, превышающему человеческое разумѣніе. Поэтому и по разложеніи стихій въ тѣлѣ на самихъ себя связывающее ихъ жизненною дѣятельностію не гибнетъ; но, какъ при сохраняющейся еще связи стихій каждая изъ нихъ одушевляется, потому что душа равно и подобно проникаетъ всѣ части, составляющія тѣло, и никто не скажетъ, что она, какъ срастворенная съ земнымъ, тверда и упорна, что она есть влажное

или холодное. или противоположное холодному качество. существующее во всѣхъ стихіяхъ. и каждой сообщающее жизненную дѣятельность; такъ, когда составъ разлагается и возвращается опять въ то, что было ему свойственно, нѣтъ нисколько невѣроятности въ той мысли, что простое и несложное оное естество остается въ каждой изъ частей и по разложеніи. а напротивъ того однажды по необъяснимому какому-то закону сопряженное съ составомъ стихій, навсегда пребываетъ въ томъ, съ чѣмъ срастворено, никакимъ способомъ нерасторгаемое съ тѣмъ, съ чѣмъ однажды приведено въ сопряженіе; потому что, когда разлагается сложное, не подвергается опасности разложиться вмѣстѣ съ сложнымъ и несложное.

Гр. На сіе сказалъ я: но никто не станетъ противорѣчить тому, что стихіи сходятся между собою, и одна отъ другой отдѣляются, и это есть составленіе и разложеніе тѣла. Но тогда, какъ уопределяется великое разстояніе каждой изъ нихъ, и по мѣстному положенію, и по разности и свойству качествъ, одна съ другою разнородныхъ стихій. сошедшихся между собою въ подлежащемъ; духовному этому и непротяженному естеству, которое называемъ душою. слѣдуетъ быть сопряженнымъ, съ чѣмъ оно соединено. А если отдѣлится одно отъ другаго, и каждое будетъ

тамъ, куда приведетъ естество; что постигнетъ душу, когда ея колесница распадется на много частей? Какъ пловецъ какой, когда въ крушеніи разбить корабль, не имѣя возможности въ одно и то же время плыть на всѣхъ частяхъ корабля, и тамъ и здѣсь разбросанныхъ по морю, конечно, ухватясь за что случилось, прочее предоставляетъ носить волнамъ: такимъ же образомъ и душа, не имѣя свойства съ раздѣленіемъ стихій дѣлиться на части, если нераздѣльна съ тѣломъ, то, конечно, сопрягшись съ одною какою либо стихіею, отдѣлится отъ прочихъ, и послѣдовательность слова приведетъ къ той мысли, что она не больше безсмертна, потому что живетъ въ одной стихіи. сколько и смертна. потому что плыть ея во многихъ.

Мак. Но мысленное и непротѣженное, говоритъ она, и не сжимается, и не расширяется (потому что сжатіе и расширеніе свойственно только тѣламъ), но по собственному своему естеству, не имѣющему вида и безплотиному, равно присутствуетъ и при соединеніи стихій въ тѣло, и при ихъ раздѣленіи, не стѣняясь, когда стихіи сжимаются въ одинъ составъ, и не оставаясь въ бездѣйствіи, когда онѣ расходятся въ сродное и сходное съ нимъ по естеству, хотя великимъ кажется разстояніе, усматриваемое въ пнаковости стихій. Ибо велика разность между пающимъ выспрь

и легкимъ, а также тяжелымъ и землянистымъ, между теплымъ и холоднымъ, между влажнымъ и также противоположнымъ сему. Однако же естеству духовному нѣтъ никакого труда быть при каждой изъ стихій, съ которыми однажды вступило оно въ сопряженіе при сраствореніи, не дѣлясь на части противоположностию стихій. Ибо когда по мѣстному разстоянію и извѣстному свойству стихій сіи почитаются далекими одна отъ другой, не страждетъ отъ сего непротяженное естество, приходя въ соприкосновеніе съ имѣющими мѣстное разстояніе: потому что и теперь можно въ одно и тоже время и обозрѣвать мыслію небо и простираться любознательностію до предѣловъ міра, и умозрительная сила души нашей, простираясь на какія широты не расторгается. Посему нѣтъ никакого препятствія душѣ равно быть въ стихіяхъ тѣла, и срастворяемыхъ взаимнымъ стеченіемъ и разлагаемыхъ сраствореніемъ. Ибо какъ въ сплавляемыхъ золотѣ и серебрѣ усматривается нѣкая искусственная сила, слиявшая сіи вещества, и если чрезъ новое плавленіе вещества отдѣляются одно отъ другаго, тѣмъ неменѣе законъ искусства остается въ силѣ при томъ и другомъ, и хотя вещество раздѣлилось, однакоже искусство не распалось съ веществомъ на части (ибо какъ раздѣлиться недѣльному?): по тому же закону и духовное естество души

и въ стеченіи стихій усматривается, и по разложеніи ихъ не отдѣляется, но въ нихъ пребываетъ и разлученіемъ ихъ расширяемое не разсѣкается, и не дробится по числу стихій на части и отсѣки; потому что это свойственно естеству тѣлесному и протяженному; естество же духовное и непротяженное не терпитъ послѣдствій разстоянія. Посему душа пребываетъ въ тѣхъ самыхъ стихіяхъ, въ которыхъ начала быть однажды, такъ какъ никакая необходимость не отторгаетъ ее отъ сопряженія съ нпмп. Поэтому что при скорбнаго въ семъ, если видимое обмѣнивается на невидимое, и за что у тебя мысль въ такомъ раздорѣ со смертію?

Гр. А я, повторивъ мысленно опредѣленіе, какое въ предыдущихъ словахъ было сдѣлано душѣ, сказалъ, что усматриваемыя въ душѣ силы недостаточно показаны мнѣ въ томъ словѣ, по которому она есть духовная сущность, и органическому тѣлу сообщаетъ жизненную силу для дѣятельности чувствъ: потому что душа наша дѣятельна, не только познавательнымъ и созерцательнымъ умомъ совершая таковыя дѣйствія духовною стороною сущности, и не одни чувствіяща направляетъ къ естественной дѣятельности; напротивъ того въ естествѣ усматривается великое движеніе вождѣвательной и великое движеніе раздражительной силы, и между тѣмъ какъ та

и другая дѣйствуетъ въ насъ въ родовомъ своемъ видѣ, усматриваемъ, что движеніе сіе въ дѣятельностяхъ обѣихъ силъ переходитъ во многіе и многообразные виды. Ибо можно видѣть, что во многомъ управляетъ вождѣленіе, и опять многому причинною служитъ раздражительность, и все это не есть тѣло, а безплотное, безъ сомнѣнія, духовно; духовнымъ же чѣмъ-то наименовало душу опредѣленіе, такъ что по самой связи рѣчи возникаетъ одна изъ двухъ несообразностей, или признать, что раздраженіе и вождѣніе суть новыя въ насъ души, и вмѣсто одной усматривается множество душъ, или и разумной въ насъ силы не признавать душею; потому что слово: духовный, какъ равно удобоприложимо ко всему, или покажетъ, что всѣ эти силы суть души, или каждую изъ нихъ равно лишитъ отличительнаго свойства души.

Мак. Она же говорить: по слѣдамъ уже многихъ другихъ, разыскивавшихъ объ этомъ предметѣ, и самъ ты донскивался, чѣмъ наконецъ надлежитъ признать эти силы, вождѣлательную и раздражительную, существенно ли принадлежащими душѣ и появившимся въ ней въ началѣ тотчасъ по ея сотвореніи или чѣмъ-то инымъ, вѣ душъ существующимъ и приданнымъ душѣ нашей въ послѣдствіи. Ибо что усматриваются онѣ въ душѣ, это равно признается всѣми; но что надлежитъ о нихъ

думать, этого въ точности не обрѣлъ разумъ. чтобы о силахъ этихъ имѣть твердое понятіе, напротивъ того многіе колеблются еще средн разныхъ и погрѣшительныхъ объ этомъ мнѣній. Намъ же, если бы для доказательства истины достаточно было виѣшняго любомудрія, нскусно о семъ разсуждавнаго, излишнимъ, можетъ быть. сдѣлалось бы предлагать на разсмотрѣніе слово о душѣ. Но поелику у виѣшнихъ, по кажущейся послѣдовательности возымѣлъ силу свой взглядъ на душу, а намъ не дано этой власти, разумѣю власти—утверждать, что угодно; мы, какъ правиломъ и закономъ во всякомъ догматѣ пользуемся святымъ Писаніемъ: то необходимо, взирая по оное, принимать одно то, что можетъ быть согласнымъ съ цѣлію ваппсаинаго. Итакъ, оставивъ Платову колесницу и впряженную въ нее пару молодыхъ коней (в), не одинаково другъ съ другомъ порывающихся, и правящаго ими возницу (подобно сему во всемъ этомъ Платонъ иносказательно любомудрствуетъ о душѣ).—оставивъ и все то, что другой по Платонѣ философъ (г), нскусно заключая изъ видимаго и со тщаніемъ изслѣдывая подлежащее теперь нашему разсмотрѣнію, на основаніи этого утверждалъ, что ду-

(в) Раздражительное и вождѣвательное въ душѣ.

(г) Аристотель.

ша смертна.—оставивъ и всѣхъ прежде и послѣ
любомудрствовавшихъ въ рѣчи плавной, или
изложенной съ капризъ либо складомъ и раз-
мѣромъ, стражемъ слова содѣлаемъ богодух-
новенное Писаніе, которое вмѣняетъ въ за-
конъ не признавать доблестнымъ въ душѣ
ничего несвойственного естеству Божествен-
ному. Ибо сказавшій, что душа есть подобіе
Божіе, симъ утвердилъ, что все чуждое Богу
не входитъ въ опредѣленіе души: потому что
въ вещахъ различныхъ не можетъ сохраниться
подобное. Итакъ, поелику ничего такого
не усматривается въ естествѣ Божественномъ,
то никто и по разуму не предположить, что-
бы могло сіе осуществиться въ душѣ. Посему
откажемся и наши догматы, по правиламъ діалек-
тическаго искусства, подтверждать на умо-
заключеніяхъ и разложеніи понятій построен-
нымъ знаніемъ, такъ какъ подобный родъ въ
изложеніи неблагонадеженъ и подозрителенъ
при доказательствѣ истины. Ибо всякому явно,
что діалектическая утонченность имѣетъ рав-
ную силу для того и другого, и для ниспро-
верженія истины, и для осужденія лжи. От-
чего и самую истину, когда предлагается съ
капризъ либо подобнымъ сему искусствомъ,
часто оставляемъ въ подозрѣніи, будто бы
тонкость въ этомъ вводитъ умъ нашъ въ об-
манъ, и отвращаетъ его отъ истины. Но если
кто приметъ безъискусственное и обнаженное

отъ всякаго прикровенія слово; то скажемъ ему свое мнѣніе, сколько будетъ возможно, представляя изглядъ на это въ слѣдствіе указаній Писанія. Посему что же такое говоримъ мы? Что человекъ, это словесное живое существо. обладаетъ умомъ и свѣдѣніями. какъ засвѣдѣтельствовано даже непріемлющими нашего ученія. Не изображало бы такъ нашего естества сіе опредѣленіе, если бы видѣло, что раздражительность, похотливость и все сему подобное составляютъ сущность естества: ибо и въ чемъ либо другомъ никто не ставеть опредѣлять подлежащаго, высказывая общее вмѣсто особеннаго. Итакъ, поелику вождѣвательное и раздражительное равно усматриваются въ естествѣ безсловесномъ и словесномъ. то никто не имѣеть основанія особенное изображать въ чертахъ общихъ. А что въ изображеніи естества излишнее и нейдетъ къ оному, то, какъ часть естества, можетъ ли имѣть силу при опроверженіи опредѣленія? Ибо всякое опредѣленіе сущности имѣеть въ виду особенность подлежащаго. А что не принадлежитъ къ особенности, то, какъ чуждое, въ опредѣленіи оставляется безъ вниманія. Но сила раздражительная и вождѣвательная признается общою для всякаго словеснаго и безсловеснаго естества. Все же общее не одно и то же съ составляющимъ особенностью. На основаніи этого необходимо заклю-

чить, что иѣтъ тождественныхъ чертъ въ числѣ тѣхъ, которыми по преимуществу отличается естество человѣческое. Но какъ, видя въ насъ силу чувствительную, питательную и растительную, никто по причинѣ оныхъ не станетъ опровергать даннаго выше опредѣленія души (изъ того, что одно есть въ душѣ, не слѣдуетъ, что иѣтъ другаго): такъ и примѣтившій раздражительное и вождѣвательное движенія естества нашего не имѣетъ основанія оспаривать опредѣленіе, будто бы оно недостаточно показываетъ естество.

Гр. Посему, что надлежитъ знать о семъ, спросилъ я наставницу? Ибо еще не въ состояніи я усмотрѣть, какъ можно отъ того, что въ насъ, отказаться, какъ отъ чуждаго нашему естеству.

Мак. Видишь, говоритъ, что у разсудка есть нѣкая борьба съ этимъ, и стараніе, сколько можно, уединить отъ сего душу. Нѣкоторые и преусиѣли въ этомъ стараніи, какъ слышимъ о Моисеѣ, что былъ онъ пыше раздраженія и похотѣнія; потому что и то и другое свидѣтельствуетъ о немъ исторія, а именно, что былъ онъ *кротокъ паче всѣхъ чело-вѣкъ* (Числ. 12, 3.). кротостію же показываются негнѣвливость и отчужденіе отъ раздражительности, и также, что не пылъ похотѣнія ни къ чему такому, на что, какъ видимъ, во многихъ обращена вождѣвательная

сила, и чего не было бы съ ничѣмъ, если бы раздраженіе и похотѣніе принадлежали естеству, и входили въ основаніе сущности; ибо ставшему внѣ естества невозможно оставаться и въ бытіи. Напротивъ того, если Моисей и бытіе сохранялъ. и этого въ себѣ не имѣлъ; то значить, что это есть иѣчто иное съ естествомъ, а не естество: ибо естество въ дѣйствительности есть то, въ чемъ заключается бытіе сущности. Отчужденіе же отъ этого въ нашей волѣ. такъ что уничтоженіе сихъ качествъ не только не вредно, но даже полезно естеству. Посему явно, что принадлежать они къ числу усматриваемаго внѣ, какъ немощи, а не сущности естества. Ибо сущность вещи есть то самое, что составляетъ вещь; а раздраженіе, по мнѣнію многихъ, есть воспикѣніе крови около сердца; другіе же называютъ желаніемъ воздать оскорбленіемъ начавшему оскорблять: а какъ думали бы мы, раздраженіе есть стремленіе сдѣлать зло огорчившему. Ничто изъ всего этого нейдетъ къ опредѣленію души. И если похотѣніе станемъ опредѣлять, что оно само въ себѣ, то назовемъ желаніемъ недостающаго у насъ, или пристрастіемъ къ наслажденію удовольствіями или печалію о томъ, что не въ нашей власти желаемое. или какою либо привязанностію къ пріятному, когда наслажденіе снмъ невозможно; ибо все сіе и подобное сему указываетъ

на похотѣніе, но не касается опредѣленія души. Но что иное усматривается въ душѣ, представляясь одно другому противоположнымъ, на-примѣръ боязнь и смѣлость, печаль и удовольствіе, страхъ и презорство, и всякое подобное движеніе, изъ которыхъ каждое, повидному, имѣетъ сродство съ вождѣвательнымъ и раздражительнымъ свойствомъ души, въ особенномъ опредѣленіи изображаетъ особенное свое естество. Ибо смѣлость и презорство даютъ разумѣть нѣкое обнаруженіе раздражительнаго стремленія; умаленіе же и ослабленіе нѣкое того же самаго показывать происходящее въ душѣ отъ боязни и страха. Печаль остается тѣмъ и другимъ; ибо безсиліе раздражительности, по невозможности отмстить опечалившимъ, дѣлается печалію, и отчаяніе въ полученіи желаемого и лишеніе вождѣтельнаго производятъ въ умѣ угрюмое это расположеніе. И представляющееся противоположнымъ печали, разумѣю исполненную удовольствія мысль, подобнымъ образомъ дѣлится между раздраженіемъ и похотѣніемъ: потому что тѣмъ и другимъ равно править удовольствіе. Все это близко къ душѣ, но не душа, а какъ бы нѣкіе возбуждающіе зудъ наросты, зараждающіеся въ мыслительной части души: и они, какъ приросшіе къ душѣ, почитаются частями ея, однакоже не то, что душа въ сущности.

Гр. П. точно виднмъ, говорю дѣвъ, что и

они не малымъ пособіемъ служатъ къ усовершенію доблестнымъ: ибо Давиду въ похвалу обратилось *желаніе* (Дан. 9. 23. 10, 11. 19.), и Финеесъ раздражительною умпостывилъ Бога (Числ. 25, 11.); дознали мы также, что *начало пресудрости страхъ* (Притч. 9, 10.). и отъ Павла слышали, что печали, *яже по Бозъ*, конецъ есть *спасеніе* (2 Кор. 7, 10.). и не смущаться грозными событіями предписываетъ намъ Евангеліе (Лук. 21, 9.), и не бояться страшнаго не иное что есть, какъ знакъ смѣлости, которую мудрость причисляетъ къ добрымъ качествамъ. А подобными симъ мѣстами Писаніе показываетъ, что таковыя движенія не должно почитать страстными, потому что страстныя движенія не были бы употреблены къ преспѣванію въ добродѣтели.

Мак. И наставница говоритъ на сіе: видно, сама я служу причиною такого смѣшенія понятій, не раздѣливъ слова о семъ на части, чтобы къ обозрѣнію приложенъ былъ нѣкій послѣдовательный порядокъ. Посему теперь въ разсужденіи нашемъ да будетъ, по возможности, придуманъ какій либо порядокъ, чтобы, когда обозрѣніе будетъ происходить послѣдовательно, подобныя возраженія не имѣли ужь мѣста. Ибо говоримъ, что душѣ по самому естеству свойственна спла созерцательная, обозрѣвающая и обсуживающая существа; и чрезъ это сохраняетъ она въ себѣ образъ

богоподобной благодати; потому что и божественному, сколько гадаетъ разумъ объ его естествѣ, свойственно все обозрѣвать, и хорошее отличать отъ худого. А что въ душѣ сопредѣльно тому и другому изъ противоположнаго, къ тому и другому склоняется по собственной природѣ, и отъ чего при извѣстномъ употребленіи исходъ дѣла ведетъ къ добру или къ противоположному, каковы раздраженіе, или страхъ, или какое либо изъ подобныхъ движеній въ душѣ, безъ которыхъ невозможно и представить собѣ естества человѣческаго: все это, какъ разсуждаемъ, произошло въ душу отънѣ, потому что въ первообразной красотѣ не усматривается ни одной таковой черты. Слово же объ этомъ пусть будетъ у насъ излагаемо пока, какъ въ училищѣ, чтобы чрезъ это избѣжать ему нападеній отъ слушающихъ съ намѣреніемъ оклеветать. Писаніе повѣствуетъ, что Божество нѣкимъ путемъ и послѣдовательнымъ порядкомъ приступило къ сотворенію человѣка. Ибо, когда пришла въ бытіе вселенная, человѣкъ, какъ говоритъ исторія, не вдругъ является на землѣ, но ему предшествовало естество безсловесныхъ, а прежде ихъ появились растенія. Но симъ, думаю, Писаніе показываетъ, что жизненная сила въ нѣкоемъ послѣдованіи присоединяется къ тѣлесному естеству, сперва проникая въ безчувственные твари, послѣ сего

поступая въ чувствующее, а потомъ уже восходя до разумаго и словеснаго. Посему одно изъ существъ, конечно, есть тѣлесное, а другое разумное; изъ тѣлесныхъ одно одушевленное, другое неодушевленное, одушевленнымъ же называю причастное жизни. А изъ живыхъ существъ одни одарены чувствомъ, другіе же лишены чувства. Опять изъ одаренныхъ чувствомъ одни словесны, другіе безсловесны. Итакъ, поелику не могла бы и чувственная жизнь состояться безъ вещества, и разумное иначе находиться въ тѣлѣ, какъ въ соединеніи съ чувственнымъ; то поэтому въ повѣствованіи заключительнымъ представлено сотвореніе человѣка, какъ объявшаго собою всякій видъ жизни, усматриваемый и въ растеніяхъ, и въ безсловесныхъ. Пбо то, что питается и растетъ, имѣетъ онъ изъ жизни растительной, потому что подобное сему можно видѣть и въ растеніяхъ; они привлекаютъ себѣ пищу корнями, извергаютъ же ее изъ себя въ плодахъ и листьяхъ; а то, что водится чувствомъ, имѣетъ отъ безсловесныхъ. Даръ же разумнѣя и слова, разсматриваемый самъ въ себѣ, не раздѣляется съ другими существами, и составляетъ особенность естества человѣческаго. Но какъ естество имѣетъ въ себѣ влеченіе къ необходимому для вещественной жизни, и это влеченіе, когда бываетъ въ насъ, называется пожеланіемъ, это же называемъ растительнымъ видомъ жизни, по-

тому что и въ растеніяхъ можно видѣть какъ бы нѣкоторыя естественно происходящія стремленія наполниться свойственнымъ и откинуть отростки; такъ и принадлежащее собственно безсловесному естеству примѣнено къ разумной части души. Такъ безсловеснымъ принадлежитъ раздраженіе, имъ свойственъ страхъ, имъ и все иное, что совершается въ насъ въ противоположность сему. Кромѣ словесной и разумной силы, которая одна служитъ преимуществомъ нашей жизни, имѣющимъ въ себѣ, какъ сказано, подобіе божественнаго образа. Но поелику на основаніи изложеннаго уже выше, разумная сила не иначе можетъ имѣть мѣсто въ тѣлесной жизни, какъ подъ условіемъ силы чувственной, и чувство предваряетъ въ естествѣ безсловесныхъ; то чрезъ посредство одного необходимо происходитъ общеніе души нашей и съ тѣмъ, что соединено съ симъ однимъ. И это суть движенія, которыя, происходя въ насъ, называются страстями, и которыя вовсе не на зло какое либо даны въ удѣлъ человѣческой жизни (ибо виновнымъ во злѣ быть бы создатель, если бы Имъ въ естество вложены были необходимыя побужденія къ погрѣшностямъ). Напротивъ того, по извѣстному употребленію произволенія, орудіями или добродѣтели или порока дѣлаются подобныя душевныя движенія, какъ желѣзо, выковываемое по волѣ художника,

какой видъ пожелаетъ сообщить ему мысль ко-
вача. въ тотъ и преобразуется, дѣлаясь или
мечемъ. или какимъ либо земледѣльческимъ
орудіемъ. Итакъ, если разумъ. это преимуще-
ство нашего естества, возымѣетъ господство
надъ тѣмъ, что привзошло въ насъ отъ нѣ,
какъ слово Писанія дало сіе разумѣть. выра-
зивъ загадочно, когда повелѣло начальство-
вать надъ всѣмъ безсловеснымъ: то ни одно
изъ подобныхъ движеній не будетъ намъ со-
дѣйствовать въ услуженіи пороку, потому что
страхъ производитъ въ насъ послушаніе. раз-
драженіе—мужество, боязнь—приведеніе себя
въ безопасность, да и стремленіе вождельніи
доставитъ намъ божественное и чистое удо-
вольствіе. Если же разумъ кинетъ бразды, и
подобно какому-то возникшему, привязанному
къ колесницѣ, будетъ влачиться сзади ея,
увлекаемый туда, куда понесетъ неразумное
движеніе впряженныхъ коней; тогда стремле-
нія обращаются въ страсть, какъ это можно
видѣть и въ безсловесныхъ. Поелнку движені-
емъ естественно въ нихъ возбужденнымъ не
управляетъ разсудокъ: то животныя раздражи-
тельныя, управляемыя раздражительностію, гу-
бятъ другъ друга; и рослыя и сильныя не
пользуются силою къ собственному благу, по
неразумію дѣлаясь достояніемъ существа раз-
умнаго: похотливая и сластолюбивая дѣятель-
ность не занимается ничѣмъ возвышеннымъ,

и ничто иное изъ усматриваемаго въ нихъ не проводится какимъ либо расчетомъ къ полезному. Такъ и въ насъ, если страсти не будутъ направлены разсудкомъ, къ чему должно, но возмутъ верхъ надъ владычествомъ ума: то человѣкъ, стремленіемъ таковымъ страстныхъ движеній претворенный въ скота. изъ разумнаго и богоподобнаго состоянія переходитъ въ иеразумное и безсловесное.

Гр. На меня сильно подѣйствовало сказанное, и я отвѣчалъ: всякому, кто имѣетъ умъ, достаточно такъ просто и безыскусственно въ въ порядкѣ изложеннаго слова, чтобы признать его основательнымъ и нигдѣ непогрѣшающимъ противъ истины. Но какъ старающимся объ искусственныхъ способахъ доказательствъ достаточнымъ для удостовѣренія кажется силлогизмъ, а у насъ всѣхъ искусственныхъ выводовъ признается достовѣрнѣйшимъ подтверждаемое священными ученіями Писанія: то думаю, что должно донскаться о сказанномъ: согласно ли съ этимъ богодухновенное ученіе?

Мак. Наставница говоритъ на это: кто жъ будетъ спорить, что истина заключается въ томъ одномъ, на чемъ лежитъ печать свидѣтельства Писанія? Посему, если въ защиту сего ученія надлежитъ заимствовать что либо и изъ ученія евангельскаго, то не неблагоприятнымъ будетъ для насъ взявъ на притчу

о плевелахъ (Матѣ. 13, 24.). Тамъ доброе сѣмя сѣетъ домовладыка (домъ же, безъ сомнѣнія, мы); а врагъ, подстерегши, что люди сѣять, къ годиному въ пищу подсѣваетъ негодное, въ средину самой пшеницы вмѣшавъ плевелы. И сѣмена произрастаютъ вмѣстѣ однѣ съ другимъ; потому что сѣмени, вмѣшанному въ самую пшеницу, невозможно было не вырасти вмѣстѣ съ нею. Поелику противоположныя сѣмена сраслись въ корнѣ, то смотритель работъ запрещаетъ служителямъ выдергивать негодное, чтобы съ чуждымъ не выдергать и годнаго въ пищу. Ибо думаемъ, что добрыми сѣменами слово указываетъ на подобныя стремленія души, изъ которыхъ каждое, если бы только воздѣлываемо было на что либо доброе, непременно возростило бы намъ плодъ добродѣтели. Но поелику привсѣяно къ этому негрѣшительное сужденіе о хорошемъ, и что дѣйствительно и единственно по собственной своей природѣ хорошо, то загнѣено выросшимъ вмѣстѣ быліемъ обмана (ибо вождѣвіе не того, что по естеству хорошо, почему и посѣяно въ насъ, и дало отпрыскъ, и возрасло, но скотскаго и безсловеснаго, претворило произрастеніе: потому что неумѣніе отличить хорошее къ этому обратило стремленія вождѣвія: а также и сѣмя раздражительности, не въ мужествѣ утвердило, но вооружило къ борьбѣ съ едино-

племенными: спла же любви оставила умственное . съ безмѣрною роскошью предавшись наслажденію чувственнымъ: а такимъ образомъ и прочія сѣмена вмѣсто хорошихъ отростковъ пустили дурные); то посему самому премудрый Дѣлатель попускаетъ выросшему отъ сѣмени прозябенію оставаться при немъ, промышляя о томъ, чтобы не лишитъ насъ лучшаго, вмѣстѣ съ негоднымъ отросткомъ вовсе искоренивъ вождѣленіе. Ибо если бы сіе потерпѣло естество человѣческое: чтѣ возторгало бы насъ къ единенію съ небеснымъ? По отъятіи любви, какимъ бы способомъ привязать насъ къ божественному? По угашеніи раздраженія, какое оружіе имѣли бы мы противъ борющагося съ нами? По этому Дѣлатель оставляетъ въ насъ подложныя сѣмена не для того, чтобы навсегда превозмогали надъ достойнѣйшимъ носѣвомъ, но чтобы сама нива (такъ иносказательно называется сердце) вложенною въ нее естественною сплою (а это есть разумъ) иные отростки изсушила, а другіе содѣлала плодоносными и всегда цвѣтущими. Если же сего не будетъ, то судъ надъ воздѣланною нивою блюдется огню. Посему, если кто воспользуется сплн стремленіями по надлежащему, пріемля въ себя оныя, но не увлекаясь ими самъ: то какъ нѣкій царь, пользующійся содѣйствіемъ множества рукъ своихъ подданныхъ, удобно преуспѣетъ,

по желанію, въ добродѣтели. Если же увлечется ими, какъ бы при возстаніи на владѣтеля какихъ-то рабовъ. будетъ ими порабощенъ. неблагородно подавшись рабской наглости, и сдѣлается достояніемъ подчиненныхъ по естеству: то по необходимости обратится въ то, во что принудить преобладающая сила властвующихъ. Если же симъ образомъ происходитъ это, не будемъ утверждать, что стремленія сін сами по себѣ суть или добродѣтель, или порокъ; такъ какъ это движенія души, то во власти пользующихся состоятъ, чтобы они были или хороши, или иѣтъ. Но когда бываетъ въ нихъ движеніе къ лучшему, дѣлаются предметомъ похвалы, какъ у Даниїла *желаніе* (Дан. 10, 11), у Финееса *милос* (Числ. 25, 11.), и у хорошо плачущаго нечаль (Іоан. 16, 20); если же произойдетъ наклонность къ худшему, то они дѣлаются и называются страстями.

Гр. А я, поелику изложивъ это, прекратила она рѣчь и дала не надолго умолкнуть слову, собравъ въ мысли сказанное. и возвратилась опять къ прежней связи разговора, когда было доказываемо, что душѣ разложившагося тѣла невозможно быть въ стнхіяхъ, и слѣдующее сказалъ наставницѣ. гдѣ это часто повторяемое нмѣ ада весьма обычное въ жизни, весьма употребительное въ писаніяхъ языческихъ и нашихъ, куда, по мнѣнію всѣхъ, какъ

въ хранилище какое, преселяются отсюда души: ибо стихіи не назовешь адомъ?

Мак. И наставница говоритъ на сіе: видно не слишкомъ внимателенъ былъ ты къ слову: ибо, говоря о переселеніи души изъ видимаго въ невидимое, какъ думалось мнѣ, не миновала я вопроса объ адѣ. И кажется мнѣ, что именемъ ада, въ которомъ, какъ говорятъ, находятся души, и у язычниковъ и въ Божественномъ Писаніи не иное что означается, какъ преселеніе въ темное и невидимое.

Гр. И почему же, спросилъ я, иные думаютъ, что адомъ называется подземная область, и что онъ, какъ въ гостиницѣ, содержитъ въ себѣ души, подобно какому-то вмѣстительцу, способному принимать въ себя подобное естество и привлекающему души, восхищенные уже изъ человѣческой жизни.

Мак. Но отъ этого мнѣнія, говоритъ наставница, нисколько не потерпѣть вреда догматъ. Ибо, если справедливо твое слово, и небесный сводъ есть нѣчто сплошное и непрерывное, все объемлющее своею окружностію, а въ'среднѣ повѣшена земля и окружающее ее, движеніе же всѣхъ кругообращающихся тѣлъ совершается около неподвижнаго и твердаго; то по всей необходимости, продолжаетъ она, что происходитъ съ каждою стихіею въ той ея частп, которая надъ землею, тоже должно быть и въ противоположной ча-

сти, такъ какъ одна и таже сущность обходить кругомъ цѣлаго земнаго состава. И какъ при появленіи солнца надъ землею тѣнь ея обращается въ противоположную сторону, потому что шарообразная поверхность не можетъ въ одно и тоже время быть кругомъ объята лучемъ: но, по всей необходимости, на какую часть земли отброситъ солнце лучи, безъ сомнѣнія, дѣлаясь цѣннѣмъ средоточіемъ шара, на другомъ концѣ прямого поперечника будетъ тма, и такимъ образомъ на прямо противоположномъ концѣ по прямой чертѣ идущаго луча непрерывно сопутствуетъ солнечному теченію тма, такъ что надземное и подземное мѣсто по очереди въ равной мѣрѣ бываютъ во свѣтѣ и во тмѣ: такъ и о всемъ иномъ, чтó усматривается въ видѣ стихій на нашемъ земномъ полушаріи, естественно не сомнѣваться, что тоже самое бываетъ съ этимъ и на другомъ полушаріи. Поеліку на всякой части земли одинъ и тотже стихійный покровъ, то не должно, думаю, ни оспаривать, ни поддерживать возражающихъ, будто бы надобно полагать, что или эта верхняя или подземная сторона опредѣлена душамъ, отрѣшившимся отъ тѣлъ. Ибо, пока возраженіе не будетъ колебать главнаго догмата о бытіи душъ послѣ жизни во плоти, слово наше не будетъ спорить о мѣстѣ, признавая, что мѣстное положеніе свойственно однимъ тѣламъ, а что душа,

какъ безплотная, по естеству не имѣетъ никакой нужды содержаться въ какихъ либо мѣстахъ.

Гр. Посему что же? спросилъ я. Если возражающій сошлется на Апостола, который говоритъ, что при всеобщемъ возстановленіи къ Владычествуующему надъ вселенной обратитъ взоръ всякая разумная тварь, и въ числѣ тварей въ посланіи къ Филипписеямъ упоминаетъ о какихъ-то пренсподнихъ, сказавъ: *Ему поклонится всяко колено небесныхъ и земныхъ и пренсподнихъ* (Фил. 2, 10.)?

Мак. Хотя и слышимъ говорящихъ это, говорить наставника, но останемся при догматѣ касательно бытія души, имѣя согласнымъ съ нами и возражающаго, а относительно мѣста, какъ сказано выше, не входя въ споръ.

Гр. Посему, говорилъ я, допскивающимся въ семъ изреченіи апостольской мысли, что можетъ кто либо сказать, если отъ выраженія сего устранимъ значеніе мѣста?

Мак. Она же говоритъ: мнѣ кажется, что божественный Апостоль, не мѣстомъ различая духовную сущность, именуетъ нѣчто одно небеснымъ, другое земнымъ, а иное пренсподнимъ. Но послѣку три состоянія разумнаго естества. одно въ началѣ получившее въ удѣлъ безплотную жизнь, которое именуемъ ангельскимъ, другое сопряженное съ плотію, которое называемъ человѣческимъ, и еще дру-

гое, отрѣшенное отъ тѣлъ посредствомъ смерти, какъ усматривается это въ душахъ: то думаю, что божественный Апостолъ, въ глубинѣ мудрости взирая на это, означаетъ то согласіе въ добръ всего разумнаго естества, какое произойдетъ нѣкогда, и небеснымъ называетъ ангельское и безплотное, земнымъ сопряженное съ тѣломъ, а преисподнимъ отдѣленное уже отъ тѣла, или если въ числѣ разумныхъ естествъ усматривается и какое либо иное кромѣ помѣнованныхъ, которое угодно кому будетъ наименовать демонами, или духами, или инымъ чѣмъ подобнымъ, не будемъ сему противорѣчить. Ибо на основаніи общаго мнѣнія и преданія Писаній приѣмлется вѣрою, что внѣ подобныхъ тѣлъ есть нѣкое естество, враждебно расположенное къ добру и вредоносное для человѣческой жизни, добровольно отложившееся отъ лучшаго жребія и отступничествомъ отъ добраго осуществившее въ себѣ разумѣемое противоположно, и его-то, говорятъ, Апостолъ причисляетъ къ преисподнимъ, симъ словомъ означая то, что, наконецъ, послѣ длинныхъ вѣковыхъ періодовъ, порокъ исчезнетъ, и ничего не останется внѣ добра, напротивъ того и преисподнимъ единогласно исповѣдано будетъ господство Христово. Посему, если это дѣйствительно такъ, то никто не принудитъ насъ подъ именемъ преисподнихъ разумѣть подземную область,

потому что земля отовсюду равно окружена воздухомъ, и ни одна ея часть не остается обнаженною отъ воздушнаго покрова.

Гр. Когда наставница проговорила это, помолчавъ недолго, говорю ей: не удовлетворяюсь найденнымъ о предметъ изслѣдованія, напротивъ того мысль моя сомнѣвается еще иѣскольکو въ сказанномъ, и имѣю нужду возвратиться къ прежней связи рѣчи, оставивъ только то, въ чемъ уже согласились мы между собою. Ибо не слишкомъ упорные достаточно, думаю, убѣждены сказаннымъ не обращать душу по разложеніи тѣлъ въ небытіе и уничтоженіе, и не утверждать, что она никакъ не можетъ принадлежать къ числу существъ, потому что имѣетъ разнородную съ стихіями сущность. Если и не сходно съ ними естество духовное и не вещественное, то не имѣетъ препятствія быть въ нихъ, потому что мнѣніе сіе подтверждается у насъ съ двухъ сторонъ, и тѣмъ, что теперь въ этой жизни душа пребываетъ въ тѣлахъ, будучи по сущности нѣчто иное съ тѣломъ, и тѣмъ, что Естество божественное, какъ доказано въ словѣ, будучи нѣчто совершенно иное съ сущностію чувственною и вещественною, проникаетъ однако же Собой каждое изъ существъ, и раствореніемъ силы Своей во вселенной содержитъ существа въ бытіи. Почему въ слѣдствіе этого не должно думать и о душѣ, будто, переселив-

шись изъ жизни видимой въ невидимую, состоятъ она внѣ существъ. Но какъ, продолжалъ я? Когда при единеніи стихій отъ взаимнаго между собою смѣшенія примутъ новый видъ, отличный отъ того, съ каковымъ освоилась душа (потому что, по разложеніи стихій, вѣроятно, и этотъ видъ исчезнетъ): тогда какому знаку будетъ послѣдовать душа, если не останется того, что было ей знакомо?

Мик. Она же, помедливъ недолго, говорить: да будетъ мнѣ позволено свободно сложить новое слово въ видѣ примѣра къ уясненію нашего предмета, хотя сказанное мною покажется и невозможнымъ. Пусть согласятся, что живописное искусство имѣетъ возможность смѣшивать не только противныя краски, какъ въ обычаѣ у живописцевъ дѣлать это, чтобы изобразить подобіе списываемаго, но и разлагать смѣшанное, и каждой краскѣ возвращать опять природный ея цвѣтъ. По этому для подобія изображаемаго предмета смѣшаны вмѣстѣ краски бѣлая и черная, или красная и златовидная, или другая какая: если каждая опять будетъ отдѣлена отъ смѣшенія съ другою и возмется сама по себѣ, то утверждаемъ, что тѣмъ не менѣе художникъ узнаетъ тотъ же родъ краски и не произойдетъ въ немъ никакого забвенія ни о красномъ, ни о черномъ, если отъ взаимнаго смѣшенія пріавшее

на себя иной цвѣтъ опять возвратится въ свою природную краску; помня же способъ, какъ цвѣта посредствомъ растворенія дѣлаются изъ однихъ другими, знаетъ онъ, какая краска и съ какою произвела пзвѣстный цвѣтъ, и какъ, по отмытіи другой, опять придетъ въ свой собственный; и если опять нужно будетъ смѣшеніемъ произвести тоже, легче для него будетъ работа, которой уже обучился въ предшествовавшемъ производствѣ. Если въ представленномъ примѣрѣ рѣчь наша, продолжаетъ она, имѣетъ какую либо послѣдовательность, то остается изслѣдовать самый предметъ: вмѣсто живописнаго искусства пусть представлена будетъ въ словѣ душа, вмѣсто искусственныхъ красокъ пусть разумѣется естественнѣй, а разноцвѣтная смѣсь изъ красокъ неодинаковаго цвѣта, и уступленное намъ предположительно возвращеніе красокъ въ свойственные имъ опять цвѣта, пусть изображаютъ соединеніе и разъединеніе стихій. Посему, какъ въ примѣрѣ утверждаемъ, что художникъ не не знаетъ той краски пзвѣстнаго цвѣта, которая послѣ смѣшенія опять возвращается въ свойственный ей цвѣтъ, но узнаетъ красный, и черный, и всякій другой цвѣтъ, если какой пзвѣстнымъ общеніемъ съ пнороднымъ произвелъ изображеніе, и именно узнаетъ, какимъ онъ былъ въ смѣси, каковъ теперь, пришедши въ природный свой видъ, и

какимъ будетъ опять. если подобнымъ прежнему образомъ краски опять будутъ смѣшаны между собою: такъ душа естественное свойство стихій, стекающихся въ составъ того тѣла, съ которымъ она была соединена, знаетъ и по разложеніи ихъ. И хотя бы естество стихій сін, по причинѣ вложенныхъ въ нихъ противоположныхъ качествъ, далеко отвлело одну отъ другой, удерживая каждую изъ нихъ отъ смѣшенія съ противоположною. тѣмъ не менѣе душа будетъ при каждой стихіи, познавательною силою касаясь и держась свойственного ей, пока не произойдетъ опять стеченія разъединенныхъ стихій въ одну совокупность для возстановленія разложившагося, что въ собственномъ смыслѣ есть воскресеніе и имъ именуется.

Гр. И я сказалъ: прекрасно, кажется мнѣ, мноюходомъ защищено тобою ученіе о воскресеніи. Ибо этимъ противоборствующихъ вѣрѣ можно постепенно привести къ той мысли, что нѣтъ невозможности опять сойтись между собою стихіямъ и составить того же челоѣка.

Мак. Да. отвѣчаетъ наставница, справедливо говоришь это. Ибо можно слышать, что возстающіе противъ сего ученія говорятъ: по совершившемся по сродству разложеніи стихій во вселенной какая возможность, чтобы теплота, заключавшаяся въ одномъ чемъ либо, по со-

единеніи съ теплою во вселенной, ставъ безпримѣсною, опять отдѣлилась отъ сроднаго для составленія возсоздаемаго человѣка? Ибо если возвратится не въ точности собственное, но вмѣсто собственно принадлежавшаго заимствовано будетъ нѣчто однородное; то одно замѣнится другимъ, и такое дѣйствіе будетъ уже не воскресеніе, но созданіе новаго человѣка. Если же надобно, чтобы тотъ же самый снова въ себя возвратился, то надлежитъ ему быть совершенно тѣмъ же съ самимъ собою, во всѣхъ частяхъ стихій воспріявъ первоначальное естество.

Гр. Поэтому, какъ сказалъ я, чтобы отвѣчать и на это возраженіе, достаточно для насъ такого мнѣнія о душѣ: съ какими стихіями она соединена первоначально, въ тѣхъ пребываетъ и по разрѣшеніи, какъ бы поставленная стражемъ своей собственности, и по тонкости и удободвижности духовной силы не оставляетъ собственно ей принадлежащаго, при раствореніи этого съ однороднымъ, не подвергается никакой ошибкѣ при раздробленіи на мелкія части стихій, но проникаетъ собственныя свои смѣшанныя съ однороднымъ, и не ослабѣваетъ въ силахъ проходя съ ними, когда разливаются во вселенной, но всегда остается въ нихъ, гдѣ бы, и какъ бы ни устроила ихъ природа. Если же распоряжающаяся вселенною сила дастъ знакъ разложеннымъ стихіямъ снова

соединяться; то, какъ къ одному началу прикрѣпленныя разныя верви, всѣ вмѣстѣ и въ одно время слѣдуютъ за влекомымъ,— такъ, по причинѣ влеченія единою силою души различныхъ стихій, при внезапномъ стеченіи собственнаго принадлежащаго, соплетется тогда душою цѣпь нашего тѣла, при чемъ каждая часть будетъ вновь соплетена, согласно съ первоначальнымъ и обычнымъ ей состояніемъ, и облечена въ знакомый ей видъ.

Мак. Но вотъ и еще примѣръ, говоритъ наставница, который справедливо можетъ быть присокупленъ къ разсмотрѣнію въ доказательство того, что душѣ не велика трудность отличить въ стихіяхъ собственное свое отъ чужаго. Предположимъ, что предъ горшечникомъ наложена глина, и ея большое количество, часть уже употреблявшаяся на дѣланіе сосудовъ, а часть приготовленная на это. Сосуды же пусть будутъ сдѣланы не всѣ одного между собою вида, но одинъ будетъ боченкомъ, другой ведромъ, третій блюдомъ, или чашею, или другимъ чѣмъ годнымъ къ употребленію. И пусть всѣмъ этимъ владѣть не одинъ, но предположимъ въ словѣ, что у каждаго сосуда свой владѣтель. Итакъ, пока сосуды цѣлы, извѣстны они владѣльцамъ, да если и разбиты, то у владѣющихъ и тогда тѣмъ менѣе будетъ опять признакъ въ черепкахъ, что этотъ черепокъ отъ боченка, а

такой-то отъ стакана. Если же смѣшаютъ съ бывшею въ дѣлѣ глиною, то распознаніе отъ нея бывшаго уже въ дѣлѣ тѣмъ паче сдѣлается безошибочнымъ. Такъ каждый отдѣльно взятый человѣкъ есть какъ бы иѣкій сосудъ, при стеченіи стихій выдѣланный изъ общаго вещества, и при особенной своей наружности непременно имѣющій большую разность съ однороднымъ; тѣмъ не менѣе по разрушеніи сосуда обладавшая имъ душа и по остаткамъ узнаетъ свою собственность, и не оставляетъ этой собственности, будетъ ли она въ кучѣ черепковъ, или смѣшается съ бывшимъ въ дѣлѣ веществомъ стихій, но всегда знаетъ свое, какимъ оно было, когда сохраняло наружный свой видъ: и по разрушеніи, по сохранившимся въ остаткахъ признакамъ, не ошибается въ своемъ.

Гр. Одобривъ сказанное, какъ придуманное кстати и прилично предположенной нами цѣли, спросилъ я: прекрасно такъ объ этомъ и говорить и вѣровать; но если кто сличитъ съ сказаннымъ повѣствуемое въ Господнемъ Евангеліи о пребывающихъ во адѣ и найдетъ, что оно не согласно съ изслѣдованнымъ: то какъ надлежитъ приготовиться къ отвѣту?

Мак. Она же говоритъ: слово Божіе излагаетъ повѣствуемое нѣсколько чувственно, но всѣваетъ много поводовъ, которыми слушающій съ разборомъ вызывается къ болѣе утон-

ченному взгляду. Ибо кто великою бездною отдѣлилъ злое отъ добраго, представивъ страждущаго въ мукахъ нуждающимся въ какой-либо каплѣ, подаваемой съ перста, и патриархово лоно предоставивъ въ успокоеніе тому, кто страдалъ всю жизнь, а прежде сего рассказавъ, что они умерли и преданы погребенію, тотъ не безъ разумѣнія слѣдящаго за сказаннымъ не отводитъ далеко отъ смысла, какой представляется съ перваго взгляда. Ибо какія очи возводять богатый во адъ, оставивъ плотскія во гробѣ? Какъ безплотное чувствуетъ пламя? Какой языкъ желаетъ устудить каплею, когда вѣтъ у него языка плотскаго? Что за перстъ, подающій ему каплю? Что такое самое лоно упокоенія? Ибо когда тѣла во гробахъ, а душа и не въ тѣлѣ и не изъ частей состоятъ, трудно будетъ складъ повѣствованія, понимаемый въ буквальномъ смыслѣ, согласить съ истиною, если не приметъ кто всѣхъ частныхъ въ духовномъ смыслѣ, такъ что и бездну, препятствующую общенію несоединимаго, не почтетъ земнымъ разстояніемъ. Ибо безплотному и духовному какой трудъ перелетѣть бездну, даже и самую широкую, потому что духовное по естеству, гдѣ бы ни пожелало быть оно, является тамъ, не тратя на сіе времени.

Гр. Итакъ, чтоже, спрашиваю, — этотъ огонь, или эта бездна, или прочее въ сказанномъ, если оно не то, чѣмъ называется?

Мак. Кажется мнѣ, говорить она, что подробностями сего повѣствованія Евангеліе обозначаетъ нѣкіе догматы, касающіеся вопросовъ о душѣ. Патріархъ, сказавъ сперва богатому: въ плотской жизни ты получилъ часть благихъ, сказавъ подобное о бѣдномъ: и онъ исполнилъ служеніе тѣмъ, что причастился золъ въ жизни, потомъ, продолжая о безднѣ, которою отдѣляются они другъ отъ друга, чрезъ это, по видимому, великій нѣкій догматъ открываетъ въ словѣ. Догматъ же этотъ, по моему мнѣнію, таковъ: въ началѣ жизнь человѣческая была однородна. Однородною же называю ту, которая представляется въ одномъ добрѣ, и къ которой неприкосновенно зло. О такомъ понятіи свидѣтельствуетъ первый Божій законъ, позволяющій человѣку полное причастіе всякаго изъ благъ въ раю, воспрещающій же то одно, что по естеству было смѣшано изъ противоположностей отъ срастворенія въ немъ зла съ добромъ, и въ наказаніе преступнику положившій смерть. Но человѣкъ добровольно свободнымъ движеніемъ, оставивъ недоступную худшему долю, восхитилъ жизнь, срастворенную изъ противоположностей. Впрочемъ Промыслъ Божій неразумія нашего не оставилъ неисправимымъ. Но поелюку съ преступившимъ законъ необходимо послѣдовала присужденная закономъ смерть; то, раздѣливъ человѣческую жизнь на

двѣ части, на жизнь настоящую во плоти и на жизнь послѣ нея внѣ тѣла, не въ равной мѣрѣ продолживъ оныя, но одну ограничивъ весьма краткииъ нѣкинъ предѣломъ времени, а другую продолживъ въ вѣчность, по чело-вѣколюбію даъ власть, кому что угодно, избирать изъ этого то и другое, — разумъ же доброе и злое, или въ этой краткой и скоро-преходящей жизни, или въ оныхъ некончаемыхъ вѣкахъ, предѣломъ которыхъ есть безпредѣльность. Поелнку же подобоименно называется и доброе и злое, и дѣлится каждое изъ нихъ по двоякому понятію, — разумъ относительно къ уму и чувству, и одни причисляютъ къ доброй долѣ то, что пріятнымъ кажется чувству, а другіе увѣрены, что постигаемое только мыслию и есть и именуется добромъ: то, у кого разсудокъ необученъ и не способенъ видѣть лучшее, тѣ въ плотской жизни съ жадностію иждиваютъ слѣдующую естеству долю добра, ничего не сберегая для жизни послѣдующей, а распоряжающіеся своею жизнью съ разборчивымъ и цѣломудреннымъ разсудкомъ, въ краткой сей жизни истомленные оскорбляющимъ чувство, сберегаютъ доброе вѣку будущей жизни, чтобы лучший жребій простирался для нихъ на вѣчную жизнь. Итакъ, вотъ что, по моему понятію, значитъ бездна, которая не разверзшиися землею образуется, но которую произво-

днѣ сужденіе, раздѣлявшееся въ жизни на противоположныя произволенія. Ибо однажды избравшій пріятное въ настоящей жизни и не уврачевавшій неразумія покаяніемъ, недо-ступною для себя послѣ сего дѣлаетъ область благъ, немннуемую эту необходимость иско-навѣ предѣ собою, какъ нѣкую зіяющую и непроходимую бездну. Потому-то . кажется мнѣ, и благое состояніе душъ, въ какомъ сло-во Божіе упокоеваетъ подвижника терпѣнія, названо лонемъ Авраамовымъ. Ибо сей пер-вый изъ бывшихъ когда либо патріархъ, какъ повѣствуется , на надежду будущихъ благъ обмѣнилъ наслажденіе настоящими : совле-кшись всего, чтó было у него первоначально въ жизни, имѣлъ онъ пребываніе у чужихъ, настоящимъ злостраданіемъ нскупая чаемое блаженство. Посему, какъ извѣстное очерта-ніе моря по какому-то неправильному слово-употребленію называемъ пазухою (д); такъ, кажется мнѣ, слово Божіе указаніе на безмѣр-ныя оныя блага обозначаетъ именемъ лона, гдѣ всѣ добродѣтельно преплывающіе настоя-щую жизнь, когда отходятъ отсюда, упокое-ваютъ души какъ бы въ неволненной приста-ни и на добромъ лонѣ. Для прочихъ же лишне-

(д) Такъ въ одномъ спинаскарѣ переведено греческое слово: *χαλπος*, употребленное въ значеніи морскаго залива. См. акад. словарь.

ніе видимыхъ имъ благъ дѣлается пламенемъ, палящимъ душу, которая въ утѣшеніе себѣ имѣетъ нужду въ какой либо каплѣ изъ моря благъ, окружающихъ праведниковъ. и неполучаетъ ея. Видя же въ бесѣдѣ совлекшихся тѣла именованіе языка, ока, перста и прочихъ тѣлесныхъ членовъ, если внимательно вникнешь въ смыслъ реченій, то признаешь ихъ согласными съ новятіемъ, какое уже нами гадательно составлено о душѣ. Ибо, какъ составленіе стихій составляетъ сущность цѣлаго тѣла; такъ, вѣроятно, по той же причинѣ восполняется и естество частей въ тѣлѣ. Итакъ, если душа присутствуетъ въ стихіяхъ, составлявшихъ тѣло и перемѣшавшихся во вселенной; то не только будетъ она знать совокупность стихій, какія соединены были въ цѣломъ тѣлѣ, и пребудетъ въ нихъ, но не останется въ неизвѣстности и особеннаго состава каждой части, именно же изъ какихъ стихійныхъ частицъ состояли наши члены. Посему никакой нѣтъ невѣроятности, той, которая присутствуетъ во всей полнотѣ стихій, быть и въ стихіяхъ взятыхъ отдѣльно; а въ такомъ случаѣ, кто имѣя въ виду тѣ стихіи, въ которыхъ въ возможности своей заключаются отдѣльно взятые члены тѣла, подразумѣваетъ въ словахъ Писанія такой смыслъ, что у души и по разложеніи тѣлеснаго состава есть перстъ, и око. и языкъ и все прочее, тотъ не погрѣ-

шить противъ вѣроятности. А если въ этомъ повѣствованіи все взятое по частностямъ отводить умъ отъ разумѣнія чувственнаго, то и объ упомянутомъ теперь адѣ надлежитъ думать, что не какое либо мѣсто такъ наименовано. а нѣкое невидимое и безплотное состояніе жизни, въ которомъ, какъ учить насъ Писаніе, пребываетъ душа. Но изъ повѣствованія о богатомъ и бѣдномъ познаемъ и другой догматъ, который будетъ состоять въ великой близости съ изслѣдованнымъ. Этого предавнаго страстямъ и плотолюбиваго богача, когда увидѣлъ неизбежность своего бѣдствія, повѣствованіе представило заботящимся о близкихъ ему по роду на землѣ: и посліку Авраамъ сказалъ, что жизнь во плоти живущихъ не оставлена безъ промышленія. но свободѣ ихъ предоставлено руководство закона и пророковъ, богачъ продолжаетъ еще упрашивать, чтобы убѣдительною сдѣлалась для нихъ проповѣдь по своей необычайности, будучи возвѣщена къмъ нибудь ожившимъ изъ мертвыхъ.

Гр. Какій же догматъ заключается въ этомъ? спросилъ я.

Мак. Когда душа Лазарева, говорятъ она, занята настоящимъ, и не обращается ни къ чему оставленному; богатый и по смерти, какъ бы составомъ какимъ, приваренъ къ плотской жизни, которой и по кончинѣ не сошелъ совершенно, напротивъ того пред-

метомъ заботы его еще плоть и кровь; ибо изъ того, что за находящихся съ нимъ въ родственномъ союзѣ просятъ объ избавленіи ихъ отъ золь, явно, что не освободился еще отъ плотскаго пристрастія. А посему полагаемъ, продолжаетъ она, что Господь повѣствованіями спми учить слѣдующему: живущіе во плоти всего болѣе должны добродѣтельною жизнію отдаляться и отрѣшаться отъ привязанности къ плотскому, чтобы по смерти сво-ва не было намъ нужды въ другой смерти, очищающей отъ остатковъ плотскаго припая, но чтобы теченіе души ко благу, какъ бы по расторженіи на ней узъ, содѣлалось легкимъ и свободнымъ, когда никакая тѣлесная скорбь не будетъ отвлекать ее къ себѣ. Если кто весь и всецѣло оплотняѣтъ умомъ, всякое движеніе и дѣйствіе души занимая исполненіемъ желаній плоти; то ставъ и внѣ плоти, неразстается таковій съ плотскими страстями, но, подобно проживавшимъ долго въ зловонныхъ мѣстахъ, которые, когда перейдутъ туда, гдѣ воздухъ свѣжъ, не очищаются отъ непріятнаго запаха, какимъ запаслись въ долгое пребываніе въ немъ: такъ плотолюбцамъ, по совершившемся переходѣ въ жизнь невидимую и тончайшую, невозможно, конечно, не привлечь съ собою сколько нибудь плотскаго зловонія, отъ котораго еще болѣе тяжелымъ дѣлается для нихъ мученіе, потому

что душа от сего обстоятельства грубѣе овсществляется. Съ такимъ мнѣніемъ, кажется мнѣ, вѣсколько согласво и рассказываемое иными, будто бы около мѣстъ, гдѣ кладутъ тѣла, нерѣдко видны туманные нѣкіе призраки умершихъ. Ибо, если сіе дѣйствительно такъ бываетъ, то обличается этимъ содѣлавшееся нынѣ чрезмѣрнымъ пристрастіе души къ плотской жизни, такъ что и исторгнутая изъ плоти не жаждетъ совершенно отлѣтѣть отъ нея, не соглашается, чтобы совершилось полное претвореніе оболочки въ невѣдмое, но и по разложеніи видимаго остается еще при видимомъ, даже ставъ уже виѣ онаго, съ любовію блуждаетъ по мѣстамъ полнымъ вещества, и вращается около нихъ.

Гр. А я не много помедливъ и возвратясь къ мысли, заключавшейся въ сказанномъ, замѣтилъ: въ словахъ сихъ, кажется мнѣ, возникаетъ нѣкоторое противорѣчіе найденному прежде о страстяхъ. Ибо, если признаю, что по сродству съ безсловесными совершаются въ насъ всѣ таковыя душевныя движенія, которыя исчислило предшествующее слово, какъ то: раздражительность, страхъ, пожеланіе, удовольствіе и подобныя тому, сказано же, что доброе употребленіе таковыхъ движеній есть добродѣтель, а отъ употребленія погрѣшительнаго пропсходитъ порокъ, пригомъ причесовокуплено было въ словѣ, что именно прц-

вносятся къ добродѣтельной жизни каждымъ изъ другихъ движеній, о пожелѣвѣн же сказано, что имъ приводимся къ Богу, какъ бы цѣпью какою влекомые къ Нему съ земли. А сія рѣчь, кажется, сказалъ я, противорѣчитъ какъ-то цѣли.

Мак. Почему говоришь это?

Гр. Потому, отвѣчалъ я, что когда по очищеніи прекратится въ насъ всякое неразумное движеніе, тогда не будетъ, безъ сомнѣнія, и вожелѣвательнаго; а когда его нѣтъ, не можетъ быть и пожеланія чего либо лучшаго, такъ какъ не осталось въ душѣ ни одного такого движенія, возбуждающаго ощущеніе погребности благъ.

Мак. Но на это, отвѣчаетъ она, скажемъ, что богоподобію души свойственны силы созерцательная и разсудительная, потому что ими постигаемъ и Божество. Посему, если въ слѣдствіе, или теперешней попечительности, или очищенія послѣ ссй жизни, душа содѣлается у насъ свободною отъ связи съ неразумною стороною страстей; то ничто не воспрепятствуетъ созерцанію прекраснаго. А прекрасное по природѣ своей привлекательно какъ-то для всякаго, кто видитъ оное. Посему, если душа очистится отъ всякаго порока, то, безъ сомнѣнія, будетъ въ прекрасномъ. Прекрасно же по естеству своему Божество. съ которымъ по чистотѣ душа всту-

пасть въ общеніе, соединяемая съ свойственнымъ ей. Посему, если произойдетъ это, не будетъ уже потребности въ вождѣвательномъ движеніи, которое бы возвело насъ къ прекрасному. Ибо пребывающій во тмѣ вождѣваетъ свѣта; но если будетъ онъ во свѣтѣ, то мѣсто вождѣнія заступитъ наслажденіе. Полное же право наслажденія бездѣйственнымъ и неумѣстнымъ дѣлаетъ вождѣніе. Поэтому не будетъ отъ сего никакой утраты въ приобщеніи блага, если душа содѣлается свободно отъ таковыхъ движеній, войдетъ снова сама въ себя, и въ точности увидитъ себя, какова она по естеству, въ собственной красотѣ, какъ бы въ зеркалѣ, или въ изображеніи, усмотритъ первообразъ. Ибо справедливо можно сказать, что въ этомъ и состоитъ точное Божіе подобіе, чтобы душа (е) наша уподоблялась сколько нибудь превысшему Естеству; потому что естество, которое превыше всякаго понятія, стоитъ вдали отъ усматриваемаго въ насъ, инымъ какимъ-то способомъ проходить собственную свою жизнь, а не какъ живемъ теперь мы. Мы люди, потому что естество наше всегда непремѣнно въ движеніи, несемъ, куда ни произойдетъ стремленіе произвола, такъ какъ душа, можетъ иной сказать, не одинаково расположена къ

(е) По другому чтенію: *жизнь*.

тому, что впереди и что позади ея. Движеніемъ впередъ управляетъ надежда, но мѣсто движенія, идущаго къ надеждѣ, заступаетъ память. Если надежда поведетъ душу къ прекрасному по естеству, то движеніе произвола обозначается въ памяти свѣтлымъ слѣдомъ; если же обманется въ понятіи о наилучшемъ, потому что надежда обольститъ душу какимъ-то ложнымъ изобрѣтеніемъ красоты; то слѣдующее за происшедшимъ воспоминаніе обращается въ стыдъ. И въ такомъ случаѣ востаетъ въ душѣ эта междуусобная брань, — память вступаетъ въ борьбу съ надеждою, худо управлявшею произволомъ. Подобную нѣкую мысль ясно выражаетъ чувство стыда, когда душа угрызается послѣдствіемъ дѣла, какъ бы нѣкимъ бичемъ мучимая раскаяніемъ за неразумное стремленіе, и въ пособіе противъ прищипывающаго ей скорбь ополчаясь забвеніемъ. Но у насъ, по скудости въ прекрасномъ, природа всегда жаждетъ того, въ чемъ имѣетъ нужду, и сіе желаніе недостающаго, есть самое вождельвательное расположеніе нашего естества, или по неразборчивости ошибающееся въ дѣйствительно прекрасномъ, или и достигающее того, чего достигнуть — для насъ благо. А естество, превысшее всякаго понятія о благѣ и превосходящее всякую силу, какъ неимѣющее никакаго недостатка въ томъ, что представляемъ себѣ благомъ, но

само составляющее полноту благъ, и не по причастію чего либо прекраснаго дѣлающееся прекраснымъ, но сущее самымъ естествомъ прекраснаго. Чѣмъ только по предположенію ума можетъ когда быть что либо прекрасное: какъ недопускаетъ въ себѣ движенія надежды (ибо надежда возбуждается только въ разсужденіи того, чего нѣтъ: *есже бо илиетъ кто, что и упоаетъ* (Римл. 8, 24.), говоритъ Апостолъ), — такъ не нуждается въ дѣятельности памяти къ познанію сущаго (ибо видимое не имѣетъ нужды въ памятованіи о немъ). А по этому какъ Естество Божіе выше всего добраго, доброе же непременно дружественно съ добромъ; то, взпрая на Себя. и желаетъ того, что имѣетъ, и имѣетъ то, чего желаетъ, не приѣмля въ Себя ничего отвнѣ. Внѣ же Его нѣтъ ничего, кромѣ одного порока, который, хотя это и странно, въ небытіи имѣетъ свое бытіе, потому что происхожденіе порока есть не иное что, какъ лишеніе существующаго; въ собственномъ же смыслѣ существующее есть естество добра. Посему чего, нѣтъ въ существующемъ, то, конечно, въ небытіи. Поэтому, душа, когда, прекративъ всѣ разнообразныя движенія естества, дѣлается богоподобною, тогда, ставъ выше пожеланія, достигнетъ того, къ чему дотоѣ восторгаема была пожеланіемъ, и не дастъ уже въ себѣ никакаго запятія ни надеждѣ, ни памяти. Ибо

пмѣтъ то, чего надѣялась, а предавшись наслажденію благами, удаляетъ изъ мысли память, — и такимъ образомъ подражаетъ превышей жизни, изобразивъ въ себѣ отличительныя черты Божія естества, такъ что не остается въ ней ничего иного, кромѣ расположенія любви, естественно привязаннаго къ добру; ибо это и есть любовь, — внутренняя привязанность къ вождѣльному. Потому, когда душа, ставъ простою, единообразною и въ точности богоподобною, обрѣтетъ то истинно простое и невещественное благо, которое одно въ дѣйствительности вождѣльно и достойно любви. тогда привязуется къ нему, и вступаетъ съ нимъ въ единеніе исполненными любви расположеніемъ и дѣятельностію, сообразуя сама себя съ тѣмъ, что всегда ею обрѣтается и пріемлется, и чрезъ уиодобленіе благу дѣлаясь подобною естеству того, чего пріобщается. Но какъ въ этомъ нѣтъ пожеланія, потому что нѣтъ въ немъ недостатка въ какомъ либо изъ благъ, то будетъ слѣдовать, что и душа, дошедши до неизмѣнна нужды, отвергаетъ отъ себя всякое вождѣлвательное движеніе и расположеніе, которое бываетъ тогда только, когда нѣтъ еще желаннаго. Въ такомъ ученіи былъ нашимъ руководителемъ и божественный Апостолъ, предвозвѣстивъ прекращеніе и упокоеніе въ насъ всѣхъ настоящихъ заботъ даже о лучшемъ, не нашедши

же предѣла одной любви. Ибо говорить: *пророчества ураздятся и знанія уложатся, а любви никогда не отпадаетъ* (1 Кор. 13, 8.); а сіе значитъ тоже, что и сказать: любовь всегда пребываетъ одинаковою. Но говоря, что съ любовію пребываютъ вмѣстѣ и вѣра и надежда, и ихъ опять выше справедливо ставитъ любовь. Ибо надежда въ движеніи до тѣхъ поръ, пока не пришло наслажденіе уповаемымъ, и вѣра также служитъ опорой въ неизвѣстности упоаемаго. Ибо такъ и опредѣлилъ ее Апостолъ, говоря: *если же вѣра уповаемыхъ извѣщеніе* (Евр. 11, 1.). Когда же придетъ уповаемое, тогда при неподвижности всего другаго пребываетъ дѣятельность любви, не находя себѣ преемника. Почему и первенствуетъ она во всѣхъ преслѣваніяхъ добродѣтели и въ предписаніяхъ закона. Поэтому, если душа достигнетъ когда либо сего конца, то не будетъ имѣть нужды въ иномъ, какъ объявшаая полноту сущаго, и окажется въ себѣ единой какъ-то соблюдеши признаки самаго Божія блаженства. Ибо жизнь вышняго естества есть любовь; потому что прекрасное непремѣнно любезно знающимъ, Божество же знаетъ Само Себя; а вѣдѣніе дѣлается любовію, потому что познаваемое прекрасно по естеству. Истинно же прекраснаго не касается надменное преслѣзованіе. Но какъ и насыщеніе не пресѣкаетъ связи любви съ прекрас-

Нѣмъ; то божественная жизнь всегда будетъ совершаться любовію, и она, прекрасная по естеству, естественно исполнена любви къ прекрасному, не имѣетъ предѣла дѣйствованію по любви; такъ какъ въ прекрасномъ невозможно достигнуть какого либо конца, чтобы съ концемъ прекраснаго прекратилась вмѣстѣ и любовь; ибо прекрасное оканчивается только тѣмъ, что ему противоположно. А въ комъ естество не воспримчиво къ худшему, тотъ не преставетъ идти къ нескончаемому и безпредѣльному благу. Посему такъ какъ всякое естество притягивается свойственнымъ ему, въ нѣкоемъ же свойствѣ съ Богомъ и человѣчество, какъ носящее въ себѣ подобія первообраза, то по всей необходимости къ божественному и сродственному влечется душа. Ибо свойственное Богу должно сохраняться вполне и непремѣнно (ж). Но если душа будетъ легка и проста, потому что не тревожить ее никакая тѣлесная скорбь, то приближеніе къ влекущему содѣлается ей пріятнымъ и удобнымъ. Если же въ связи съ вещественнымъ она утверждена

(ж) По замѣчанію Браблпгера, въ нѣкоторыхъ спискахъ сего разговора сказано, что все изслѣдующее до словъ (на стр. 276): „для кого наказаніе соразмѣрно цѣлой вѣчности?“ св. Германомъ Константинопольскимъ отмѣчено, какъ исполненное. — Вообще же, для объясненія настоящаго мѣста и др. подобныхъ сообразнъ сказанное въ жизнеописаніи св. Григорія. Прибавленіе къ Твор. Отцевъ Т. XX. с. 77.

какъ бы гвоздями пристрастія, какъ это естественно бываетъ съ тѣлами, во время землетрясеній засыпанными землею (присовокуи предположительно, что тѣла не только придавлены обвалами, но изъязвлены казими-то спицами, или деревянными рожнами, нашедшимися въ обвалившейся землѣ): то въ какомъ видѣ естественно остаться тѣламъ, бывшимъ въ такомъ положеніи, когда сродники для погребенія извлекаютъ ихъ изъ-подъ развалинъ (конечно, будутъ они сломаны, изорваны, испытаютъ самыя тяжкія поврежденія, при усилии вытаскивающихъ пстерзанныя комами земли и спицами); подобное нѣкое страданіе, кажется мнѣ, происходитъ и съ душою, когда Божія сила по человеколюбію извлекаетъ свою собственность изъ-подъ неразумныхъ и вещественныхъ развалинъ. Ибо не по неправдѣ, и не мсти за худую жизнь, какъ я рассуждаю, въ мучительныя расположенія вводитъ согрѣшившихъ Богъ,—Богъ, присвоившій и влекущій къ Себѣ все, что только по Его милости пришло въ бытіе. И какъ съ лучшею цѣлію привлекаетъ къ Себѣ душу Онъ — Источникъ всякаго блаженства, такъ въ привлекаемомъ по необходимости происходить болѣзненное расположеніе. Ибо, какъ очищающіе въ огнѣ золото отъ примѣшаннаго къ нему вещества не подмѣсь только расплавляютъ огнемъ, но по всей необходимости и чистое плавятъ

вмѣстѣ съ нечистымъ, и по истребленіи послѣдняго остается одно первое; такъ и при истребленіи въ очистительномъ огнѣ порока исполнѣ необходимо быть въ огнѣ и вступившей съ нимъ въ единеніе душѣ, пока не истребятся всѣяныя въ ней примѣсь, вещество и нечистота, будучи поглощены огнемъ. И какъ если къ какой либо верви по всей ея длинѣ пристанетъ самая липкая грязь, потомъ верхній конецъ верви будетъ просунуть въ какое либо узкое отверстіе, и кто либо сверху успѣшно потянетъ вервь чрезъ отверстіе; то влекомая вервь по всей необходимости слѣдуетъ за влекущимъ а облегшая ея грязь, сильнымъ влеченіемъ стираемая съ верви, будетъ оставаться внѣ скважины, какъ причина того, что вервь несвободно идетъ своимъ путемъ, но терпятъ насильственное натягиваніе отъ влекущаго: подобное нѣчто, кажется мнѣ, разумѣть должно и о душѣ, что, опутавшись нещественными и земными пристрастіями, страдаетъ она, и бываетъ въ напряженномъ состояніи, когда Богъ влечетъ къ Себѣ Свое собственное, а чуждое. какъ сросшееся съ нею нѣсколько, стираетъ съ усиліемъ, и причиняетъ ей болѣзненныя и невыносимыя страданія.

Гр. По этому, сказалъ я, Божій судъ, какъ видно, не наказаніе налагаетъ на особенно согрѣшившихъ, но, какъ показало слово, про-

изводитъ только отдѣленіе добра отъ зла; привлекая къ общенію въ блаженствѣ; отторженіе же приросшаго дѣлается мученіемъ для привлекаемаго.

Мак. Такъ, говорятъ наставница, и моя мысль, что мѣрою страданій въ каждомъ количествѣ порока. Ибо несправедливо и тому, кто долгое время пребывалъ во злѣ, которое запрещено, и тому, кто вовлеченъ въ неважныя нѣкія погрѣшности, равно страдать при очищеніи отъ дурнаго навыка; напротивъ того по большому или меньшему количеству вещества возгорится мучительный оный пламень на время, пока будетъ питающее его. Посему на комъ велико вещественное бремя, для того нстребительному пламени необходимо сдѣлаться великимъ и болѣе продолжительнымъ, а въ комъ въ меньшей мѣрѣ примѣшано годное въ пищу огню; для того наказаніе настолько понижается въ силѣ и мучительности дѣйствія, сколько въ наказуемомъ уменьшается мѣра порока. Ибо злу надлежитъ нѣкогда быть вполне и непремѣнно изъятымъ изъ существующаго, и что, по сказанному выше, существуетъ въ дѣйствительности, тому вовсе не быть. Ибо порокъ не имѣетъ свойства быть виѣ произвола, и когда все произволеніе въ Богѣ, тогда порокъ придетъ въ совершенное уничтоженіе; потому что не останется ему вмѣстилища.

Гр. Но что́ выгоды, спросилъ я, въ доброй этой надеждѣ размышляющему, какое зло претерпѣть и единомѣтнее только страданіе? Если же невыносимая эта мука продлится на вѣковое нѣкое продолженіе времени; то какое утѣшеніе надежды останется на послѣдокъ тому, для кого наказаніе соразмѣрно цѣлой вѣчности?

Мак. Пусть позаботится, сказала наставница, или вовсе сохранить душу чистою и несообщимою съ сквернами порока, или если это вполнѣ невозможно. потому что естество наше страстно, пусть по крайней мѣрѣ недостатки добродѣтели у ней будутъ въ чемъ либо незначительномъ и удобовсправимомъ. Ибо евангельское ученіе знаетъ нѣкоего *должника тѣлоу таланта* (Матѣ. 18. 24.), и еще *пятію сотъ динарій*, и еще *пятидесятью* (Лук. 7. 41.), и еще какимъ нибудь кодрантомъ (Матѣ. 5. 26). а эта самая послѣдняя монета; праведный же судъ Божій простирается на все, съ тяжестію долга соразмѣряетъ необходимость взысканія, и самой малости не оставляетъ безъ вниманія. Отдача же долговъ, по словамъ Евангелія, состоитъ, не въ уплатѣ денегъ, но въ томъ, какъ сказано, что должникъ *предается мучителемъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой* (Матѣ. 18, 34.), и это не иное что значить, какъ то, чтобъ необходимый долгъ заплатить претерпѣніемъ мученія, то есть долгъ пріобщиться

скорбей, какимъ онъ сталъ повиненъ въ продолженіе жизни, избирая по неразумію одно чистое и неразтворенное ничѣмъ противоположнымъ удовольствіе; а такимъ образомъ, отложивъ все для себя чуждое, то есть грѣхъ, и совлекишись стыда—быть въ долгахъ, достигаетъ человѣкъ свободы и дерзновенія. Свобода же есть уиодобленіе неподвластному и самоправному, первоначально дарованное намъ Богомъ, но закрытое стыдомъ долговъ. Всякая же свобода по природѣ есть нѣкая единая и сама съ собою сродственная. Поэтому въ слѣдствіе сего все свободное будетъ сообразно съ подобнымъ ему. Но добродѣтель неподвластна, по сему въ ней будетъ все свободное, такъ какъ свободное неподвластно. А какъ естество Божіе есть источникъ всякой добродѣтели; то слѣдуетъ, что въ Немъ будутъ освободившіеся отъ порока, *да будетъ, какъ говорятъ Апостолъ, Богъ всяческая во ослѣтъ* (1 Кор. 15, 28.); ибо это изреченіе, выражающее, что Богъ будетъ все и во всемъ, ясно, кажется мнѣ, подтверждаетъ изслѣдованную прежде мысль. Поелику въ настоящемъ различно и разнообразно проводится нами жизнь; то много есть такого, въ чемъ принимаемъ участіе, какъ то: время, воздухъ, мѣсто, пища, питіе, одежды, солнце, свѣтлыиикъ и многое иное, удовлетворяющее потребностямъ жизни, и изъ всего этого ничто не есть Богъ,

ожидаемое же блаженство ни въ чемъ этомъ не имѣетъ нужды, всѣмъ же этимъ въ замѣнъ всего будетъ для насъ естество Божіе, удѣляющее Себя соразмѣрно всякой потребности оной жизни; и это явствуетъ изъ Божественныхъ словъ, а именно о томъ, что Богъ для достойныхъ бываетъ и мѣстомъ, и жилищемъ, и одѣяніемъ, и пищею, и питіемъ, и свѣтомъ, и богатствомъ, и царствомъ, и всѣмъ. что по понятію и по имени содѣйствуетъ намъ къ доброй жизни. Но Кто бываетъ всѣмъ, Тотъ бываетъ и во всѣхъ. Этимъ, мнѣ кажется, Писаніе научаетъ совершенному уничтоженію порока; ибо если во всѣхъ существахъ будетъ (з) Богъ, то, безъ сомнѣнія, не будетъ

(з) Признаемъ не излишнимъ помѣстить здѣсь призываніе, читаемое на сіе мѣсто въ нѣкоторыхъ греческихъ кодексахъ, именно слѣдующее: *„слѣдовательно будетъ и въ демонахъ и въ грѣшныхъ людяхъ? И гдѣ же правда, если на равнѣ съ праведными и они удучать благо? Но не одинаково, скажетъ иной, а до крайности различно. Ибо гдѣ ладнымъ мѣсто наказаніемъ въ мукахъ, огню неугасимому, червю неумирающему, и всему, что подобно этому? И растесаніе *полма* (Матѣ 24, 51.), какъ думаю, не иное что значить, какъ удаленіе отъ Бога. Слѣдовательно Богъ будетъ во всѣхъ прославляемъ и поклоняемъ; но въ однихъ наслажденіе царствомъ, а въ другихъ ощущеніе наказанія. Ибо если не допустимъ этого, то покажемъ, что учитель противорѣчитъ и божественному Писанію, и другимъ отцамъ, и себѣ самому. Ибо въ другихъ мѣстахъ оказывается, что онъ учитъ вѣчности мученія, и тому, что грѣшные не имѣютъ ни какого доступа ко благамъ*

въ существахъ порока. А если предположить кто, что будетъ и перокъ; то какъ сохранится въ своей силѣ сказанное, что во всѣхъ Богъ? По тому что исключеніе порока дѣлаетъ недостаточнымъ понятіе слова: всѣ. Напротивъ того, Кто имѣетъ быть во всѣхъ, Тотъ не будетъ въ томъ, что не существуетъ.

Гр. По этому, спросилъ я, что надлежитъ сказать тѣмъ, которые малодушно взирають на бѣдствія?

Мак. Имъ скажемъ, говоритъ наставница: напрасно, вы люди, негодуете и съ неудовольствіемъ сматриваете на эту цѣпь необходимой послѣдовательности вещей, не зная, къ какой именно цѣли направлено все отдѣльно взятое въ домостроительствѣ вселенной; потому что всему надобно въ нѣкоемъ порядкѣ и въ послѣдовательности, по художнической проницательности управляющаго, придти въ согласіе съ естествомъ Божіимъ. Ибо для того приведено въ бытіе и естество словесное, чтобы богатство божественныхъ благъ не было недѣйствительнымъ; но все-

праведныхъ. И что говоримъ: въ другихъ мѣстахъ? Даже и въ настоящемъ разговорѣ, какъ знаемъ изъ предыдущаго. По сему, или слова сіи должно разумѣть въ сказанномъ смыслѣ, или признать, что они вставлены какъ бы либо поддѣльщиками, не покоряющимися истинѣ, или учитель окажется страннымъ, что не лѣпо и говорить. Итакъ надобно понимать сіе, какъ указано. Читай послѣдующее, помни предыдущее“.

устроенною премудростію уготованы какъ бы
 иѣкіе сосуды и произволеніемъ одарены при-
 емники душъ, чтобы было нѣкоторое вмѣстн-
 лище, приѣмлющее въ себя блага, по прибавленіи
 вливаемаго дѣлающееся всегда большпмъ.
 Ибо таково причастіе божественнаго блага,
 что, въ комъ оно бываетъ, того дѣлаетъ боль-
 шпмъ и болѣе воспріимчивымъ, будучи пмъ
 воспріемлемо въ приращеніе силы и велико-
 сти, такъ что питаемый всегда растетъ, и ни-
 когда не прекращаетъ роста. Поелику ис-
 точникъ благъ источаетъ ихъ непрерывно; то
 естество причащающагося, такъ какъ въ приѣм-
 лемомъ нѣтъ ничего излишняго и безполезнаго,
 все втекающее обращаетъ въ прибытокъ соб-
 ственной своей величины, дѣлается и сильнѣе
 привлекающимъ лучшее и въ большей мѣрѣ
 вмѣщающимъ, при взаимномъ приращеніи того
 и другаго, и питаемой силы, при изобиліи
 благъ, больше и больше возрастающей, и
 снабженія питательнымъ, увеличивающагося
 прибавленіемъ силъ въ возвращаемыхъ. По
 сему естественно придти въ такую величину
 тѣмъ, въ которыхъ никакой придѣлъ непресѣ-
 каетъ возрастанія. Потомъ, когда предлежитъ
 намъ столько великаго, ужели негодуете на
 то, что естество идетъ впередъ къ собствен-
 ной цѣли своей путемъ для насъ установлен-
 нымъ? Ибо невозможно совершить намъ те-
 ченія своего туда иначе, какъ отрясши съ

души своей гнетущее насъ, -- разумѣю эту тяжелую и земную ношу, и попеченіемъ о лучшемъ очистившись отъ пристрастія къ этой ношѣ, какое имѣли въ настоящей жизни, чтобы чистымъ могло быть усвоено подобное. Но ежели есть у тебя нѣкоторая привязанность къ этому тѣлу, и печалить тебя расторгеніе связи съ любимымъ; то и въ этомъ не лишешь ты надежды. Ибо увидишь тѣлесное это покрывало, разрушенное теперь смертію, снова сотканнымъ изъ того же, но не въ этомъ грубомъ и тяжеломъ составѣ, а такъ что нить сложится въ нѣчто легчайшее и воздушное. почему и любимое при тебѣ будетъ, и возстановится снова въ лучшей и вожделѣннѣйшей красотѣ.

Гр. Но какъ видно нѣсколько, сказалъ я, по связи рѣчи привзошелъ у насъ въ слово и догматъ о воскресеніи, который, кажется мнѣ, по ученію Писаній долженъ быть истиннымъ и достовѣрнымъ и не подлежать сомнѣнію. Но поскольку немощь человѣческаго разумѣнія болѣе какъ-то утверждается въ таковой вѣрѣ удобопонятными для насъ умозаключеніями: то хорошо будетъ и эту часть не оставить необсужденною. Поэтому посмотримъ, что надлежитъ сказать

Мак. И наставница говоритъ: чуждые нашеголюбомудрія, держась разныхъ предположеній, одинъ такъ, другой иначе, въ какой

либо частн касались догмата о воскресеніи, не соглашаясь въ точности съ нашими, и не вовсе лишая себя таковой надежды. Иные обижаютъ человѣчество не дѣлая изъ него особаго рода, но утверждая, что одна и таже душа бываетъ попеременно то въ человѣкѣ, то въ безсловесномъ, переоблекаясь въ тѣла и всегда переходя, въ какое ей угодно, — дѣлаясь изъ человѣка какимъ либо животнымъ или летающимъ, или водянымъ, или живущимъ на сушѣ, а изъ нихъ возвращаясь опять въ человѣческое естество. Другіе же подобное пустословіе простираютъ и до растений, такъ что и древесную жизнь почитаютъ душѣ сообразною и свойственною; а еще другимъ кажется, что отъ человѣка только всегда заимствуетъ душу другій человѣкъ, такъ что однимъ и тѣми же душами непрестанно проводится человѣческая жизнь, потому что однѣ и тѣже души бываютъ непрерывно то въ однихъ, то опять въ другихъ. Но мы утверждаемъ, что хорошо, начавъ съ церковныхъ догматовъ, въ такой только мѣрѣ записывать подобныя мнѣнія у любомудрствовавшихъ, въ какой чрезъ сіе можно показать, что они нѣкоторымъ образомъ согласны съ догматомъ о воскресеніи; ибо, что говорятъ они, будто бы душа, по разлученіи съ тѣломъ, опять входятъ въ какія либо тѣла, то не слишкомъ несходно съ уповаемымъ нами возвра-

щеніемъ въ жизнь. И наше ученіе полагаетъ, что тѣло у насъ и теперь составлено, и вновь составитъ изъ міровыхъ стихій. Таже мысль представляется и виѣшнимъ, ибо и они не могли придумать инаго какого либо естества тѣлу, кромѣ стеченія стихій. Но разница въ томъ, что, какъ говорится у насъ, для той же души слагается снова тоже тѣло, сочетаваемое изъ тѣхъ же стихій; они же думаютъ, что душа переходитъ въ какія либо нныя тѣла, какъ словесныя, такъ безсловесныя и безчувственныя, о которыхъ согласно признаютъ, что составъ ихъ изъ міровыхъ частей, разногласятъ же въ томъ, что не почитаютъ его состоящимъ изъ того же самаго, что первоначально было соединено съ душою во время плотской жизни. Посему, пусть будетъ засвидѣтельствовано виѣшнимъ любомудріемъ, что не виѣ предѣловъ вѣроятности—душѣ снова стать въ тѣлѣ. Благовременно же будетъ разсмотрѣть несостоятельность ихъ ученія, и самую послѣдовательностію, открывающеюся намъ въ согласіи съ разумомъ, сколько можно, обнаружить истину. Посему, что же сказать о семъ? Переселяющіе душу въ разныя естества, по мсему мнѣнію, сплываютъ свойства естества, смѣшиваютъ и нутаютъ между собою всѣ вещи, безсловесное, словесное, чувствующее, безчувственное, ссли только будутъ онѣ другъ въ другѣ, никакимъ естественнымъ сдѣшеніемъ неотдѣлennыя

другъ отъ друга до неподвижности. Ибо утверждать, что душа одна и таже нынѣ дѣлается словесною и разумною по такому-то покрову тѣла, потомъ опять кроется въ норы съ пресмыкающимися, или присоединяется къ стаду птицъ, или переноситъ на себѣ тяжесть, или дѣлается плотояднымъ, или живетъ подъ водою, или же переходитъ въ безчувственное, коренистое и деревянистое, пускающее отъ себя отпрыскъ вѣтвей и на нихъ возвращающее или цвѣтъ, или иглу, или что либо питательное, или ядовитое,—не иное что значить, какъ все почитать за одно и тоже, и въ существахъ признать одно естество, смѣшанное въ какой-то слитной и нераздѣлимой общности съ самимъ собою; потому что никакое свойство не отличаетъ одного отъ другаго. Кто говоритъ, что тоже бываетъ во всемъ, не иное что хочетъ сказать, но то, что все есть одно, и видимая разность въ существахъ нимало не препятствуетъ смѣшенію несообщимаго, такъ что, если увидеть что либо ядовитое и плотоядное, необходимо ему признать видимое соплеменнымъ и сроднымъ себѣ; таковой и на цикуту будетъ смотрѣть, не какъ на чуждое собственной своей природѣ, если и въ растеніяхъ видитъ челоуѣчество, но не останется неподозрительнымъ для него и самый гроздъ, произращаемый для жизненной потребности, потому что и онъ

изъ числа пронзрастений; растенія такъ же у насъ и тѣ зерна въ колосьяхъ, которыми питаемся. По этому какъ же занесетъ серпъ на срѣзаніе колосьевъ? Какъ выжметъ гроздь, или на пашиѣ выроетъ съ корнемъ тернъ, или сорветъ цвѣтокъ, или будетъ ловить птицъ, или зажжетъ костеръ дровъ, когда неизвѣстно, не на сродниковъ ли, или предковъ, или соплеменниковъ поднимается рука, — и не ихъ ли тѣлами воспламеняется огонь, или наполняется чаша, не изъ нихъ ли составится снѣдь? При мысли о каждой изъ сихъ вещей, что растеніемъ или животнымъ дѣлается душа человѣческая, не положено же знакъ, каково растеніе или животное, если оно изъ человѣка, и каково, если изъ иного, предзанятый такимъ предположеніемъ ко всему будетъ расположенъ одинаково, такъ что по необходимости, или сдѣлается жестокимъ къ тѣмъ самымъ людямъ, которыя пользуются еще въ природѣ жпзню, или если въ разсужденіи соплеменниковъ склонится природою къ человѣколюбію, то придетъ къ одинаковое расположеніе ко всему одушевленному, хотя бы то было изъ числа пресмыкающихся, или изъ числа звѣрей; но даже, если будетъ и въ лѣсу среди деревь принявшій это ученіе, то и деревья почтеть за толпу людей. Посему что за жизнь такого человѣка? Или предъ всемъ онъ благоговѣть

по соплеменничеству, или жестоко къ людямъ по безразличію ихъ со всѣмъ ннымъ. Посему такое ученіе и по сказанному должно быть отринуто, тогда какъ и многое другое по основательнымъ причинамъ недопускаетъ насъ принять подобное мнѣніе. Ибо слышала я отъ обучающихъ подобному, будто бы предполагаютъ нѣкія племена душъ, прежде жизни въ тѣлѣ составляющія особое нѣкое гражданство, по легкости и удободвижности природы своей вращающіяся вмѣстѣ съ обращеніемъ вселенной; но, по нѣкоей склонности къ пороку, души, какъ бы утративъ свою пернатость, бываютъ въ тѣлахъ сперва человѣческихъ, потомъ чрезъ общеніе съ неразумными страстями по оставленіи человѣческой жизни доходятъ до такого скотоподобія, что ниспадаютъ даже до этой растительной и безчувственной жизни, — такъ что по природѣ легкое и удободвижное, какова душа, дѣлается сперва тяжелымъ и несущимся внизъ по причинѣ порочности вселяющимся въ тѣла человѣчскія; потомъ по уtratѣ разумной силы избираетъ для жительства безсловесныхъ, и оттуда, по отъятіи дара чувствъ, переходитъ въ эту безчувственную жизнь, какая въ растеніяхъ; но отсюда опять восходитъ по тѣмъ же степенямъ, и востановляется въ небесную область. Такое ученіе для умѣющихъ сколько нибудь судить обличается само собою, не

имѣя въ себѣ никакой твердости. Ибо если душа изъ жизни небесной порокомъ низвлекается въ древесную жизнь, изъ древесной же добродѣтелию восходитъ опять въ небесную; то сомнительнымъ оказывается ихъ ученіе, и что по оному признается преимущественнымъ, древесная ли, или небесная жизнь; ибо повторяется какой то подобный прежнему кругъ. между тѣмъ какъ душа никогда не останавливается тамъ, гдѣ она была. Если изъ жизни безплотной нисходитъ въ тѣлесную, а изъ этой въ безчувственную; оттуда же снова возходитъ въ безплотную; то преподающими это ученіе не иное что измышляется, какъ безразличное сліяніе зла и добра; потому что и небесное жительство не пребудетъ въ блаженствѣ, если живущихъ тамъ касается порокъ, и деревья не останутся лишенными добродѣтели, если признается, что отсюда душа возвращается къ добру, а тамъ начинается жизнь порочная. Ибо если душа, круговращаясь въ небѣ, опутывается порокомъ, и имъ совлеченная въ жизнь вещественную, снова возносится отсюда къ жительству на высотѣ; то снмъ приводятъ они къ обратной мысли, что вещественная жизнь есть очищеніе отъ порока, а непогрѣшительное совершеніе пути дѣлается душамъ началомъ и виною зомъ, —если здѣсь оверпешишь добродѣтелию парять онѣ ввысирь, а тамъ, за порочность утративъ перья, дѣлаются лежащими низко и пресмы-

кающимися по землѣ отъ смѣси съ дебелостию вещественнаго естества. И нелѣпость таковыхъ ученій не ограничивается тѣмъ, что предположенія ведутъ къ противному, но и самая мысль не остается въ нихъ навсегда твердою. Ибо если небесное почитаютъ неизмѣннымъ, то какъ въ неизмѣнномъ имѣеть мѣсто страсть? И если дольное естество страстно, то какъ въ страстномъ преслѣдуетъ безстрастіе? Но они смѣшиваютъ несмѣшиваемое, и соединяютъ несообщимое, усматривая въ страсти неизмѣнность и опять въ измѣняемомъ безстрастіе; да и этого не держатся навсегда, но откуда переселили душу по ея порочности, туда опять поселяютъ ее изъ жизни вещественной какъ безопасную и чистую жизнь, какъ будто забывъ, что она тамъ, обременившись порокомъ, вмѣшалась въ естество дольное. Такъ у нихъ оужденіе жизни настоящей и похвала небесному сливаются и смѣшиваются между собою; потому что оуждаемое, по мнѣнію ихъ, ведетъ къ прекрасному, а почитаемое лучшимъ даетъ въ душѣ поводъ наклонности къ худшему. Посему изъ догматовъ истинны должно быть изринуто всякое погрѣшительное и несостоятельное мнѣніе о подобныхъ предметахъ. Но, какъ непостижимъ истины, не послѣдуемъ и всѣмъ тѣмъ, по мнѣнію которыхъ души изъ женскихъ тѣлъ переходятъ въ мужскую жизнь,

или на оборотъ въ женщинахъ бываютъ души
 разлучившіяся съ тѣлами мужскими, или изъ
 мужей переходятъ въ мужей же, а изъ женъ
 бываютъ опять въ женахъ. Ибо первое мнѣ-
 ніе не заслуживаетъ одобренія, не только
 по тому, что оно не состоятельно и обман-
 чиво, само собою превращаясь въ противо-
 положныя предположенія, но и потому что
 нечестиво, уча, будто ни одно существо не
 приводится въ бытіе, если естеству каждого
 не положить начала порока. Если не рожда-
 ются ни люди, ни растенія, ни скоты, пока
 не ниспадаетъ на нихъ душа свыше; а паде-
 ніе бываетъ въ слѣдствіе порока: то, по мнѣ-
 нію утверждающихъ это, начало составу су-
 ществъ—порокъ. И почему въ одно и тоже
 время сходится то и другое, и человѣкъ раж-
 дается отъ брака и съ брачнымъ жаромъ со-
 впадаетъ паденіе души? И что еще этого не-
 лѣпѣе: если весною много животныхъ безсло-
 весныхъ сходится парами, то можно ли ска-
 зать по этому, что и въ горнемъ вращеніи
 весна производитъ зарожденіе порока, такъ
 что приходится вмѣстѣ и душамъ исполнен-
 нымъ зла падать, и утробамъ безсловесныхъ
 оплодотворяться? Что же кто либо скажетъ о
 земледѣльцѣ, втыкающемъ въ землю вѣтви,
 оторванныя отъ растеній? Какъ это рука его
 вмѣстѣ съ растеніемъ зарываетъ въ землю и
 человѣческую душу, такъ что съ утратою у

душа перьевъ впадаетъ стремленіе человѣка къ насажденію? Посему та же нецѣнность и въ другомъ мнѣніи, именно полагать, что душа любопытствуетъ знать, когда сходятся живущіе въ супружествѣ, или наблюдаетъ зачатіа младенцевъ, чтобы войти въ зарождающіяся тѣла. А если мужъ откажется отъ брака, а жена освободится отъ необходимости мукъ рожденія, то ужели тогда и порокъ не обременяетъ душу? Слѣдовательно пороку, который тамъ въ горней странѣ, бракъ даетъ побужденіе нападать на душу, или и безъ него касается души привязанность къ противоположному? И слѣдовательно бездомною и скиталицею будетъ душа блуждать посреди, отпавъ отъ небснаго и не получивъ, если такъ случится, на долю себѣ тѣла. Потомъ, какъ же предположить при этомъ, что Божество правитъ существамъ, начало человѣческой жизни приписывая этому случайному и неразумному наденію душъ? Ибо по всей необходимости съ началомъ согласно и послѣдующее за нимъ. И если жизнь началась какимъ-то случайнымъ событіемъ; то, безъ сомнѣнія, дѣлается случайнымъ и продолженіе оной. И напрасно таковыя учителя ставятъ существа въ зависимость отъ Божественной силы, когда утверждаютъ, что не по Божіей волѣ родились въ міръ, но начало приходящаго въ бытіе приписываютъ какому-то дурному случаю.

какъ будто не составила бы жизнь человѣческая, если бы зло не подало повода къ жизни. Посему, если таково начало жизни, то, явно, и продолженіе пойдетъ по началу; ибо никто не скажетъ, что изъ дурнаго происходитъ хорошее, и изъ добраго противное; напротивъ того по свойству сѣмени ожидаемъ и плодовъ. Итакъ всякою жизнью управлять будетъ самое самовольное и случайное движеніе, когда нѣтъ никакого промысла о существахъ. Но совершенно бесполезною будетъ предусмотрительность разсудка, никакой пользы не произойдетъ отъ добродѣтели, и ни во что вмѣнится—чуждаться зла. Ибо все непременно заключаться будетъ въ случайномъ, и жизнь ничѣмъ не отличится отъ неоснащенныхъ кораблей, самыми неопредѣлимыми случайностями, какъ бы какими волнами, отъ одной встрѣчи съ хорошимъ, или дурнымъ, будучи переносима къ другой встрѣчѣ; ибо не можетъ быть пользы отъ добродѣтели для тѣхъ, у кого естество ведетъ начало отъ противоположнаго. Если жизнь наша въ Божіемъ распоряженіи, то съ этимъ вмѣстѣ признается, что не порокъ даетъ начало нашей жизни. Если же отъ порока происходимъ, то, конечно, и живемъ во всемъ сообразно съ нимъ. И такъ бреднями по этому окажутся и судъ послѣ настоящей жизни, и воздаяніе по достоинству, все иное, о чемъ говорятъ намъ,

и чему вѣруемъ для искорененія порока. Ибо какъ возможно быть безъ порока челоѣку, родившемуся по причинѣ порока? И какъ произойдетъ какое либо произвольное стремленіе къ добродѣтельной жизни въ челоѣкѣ, естество котораго, какъ говорятъ, ведетъ начало отъ порока? Какъ ни одно безсловесное животное не покушается говорить по челоѣчески, но, пользуясь природнымъ и естѣственнымъ голосомъ, не почитаютъ они ни малою потерею, что не имѣютъ доли въ дарѣ слова; такія же точно образомъ у кого началомъ и причиною жизни признается порокъ, тѣ не пришли бы къ пожеланію добродѣтели, такъ какъ это не въ ихъ природѣ. Но во всѣхъ разсудкомъ очистившихъ душу есть вождѣніе добродѣтельной жизни и раченіе о ней. А сямъ ясно показывается, что порокъ не старше жизни, и не отъ него природа возымѣла первое начало : напротивъ того началомъ жизни нашей — домостроительствующая во всемъ Божія премудрость; душа же, пришедши въ бытіе такимъ способомъ, какой угоденъ былъ Сотворшему, по самой власти избирать, чтѣ ей нравится, дѣлается тогда тѣмъ по силѣ произволенія, чѣмъ быть пожелала. Сказанное доснать можно изъ примѣра; возьмемъ для сего глазъ; ему по природѣ свойственно видѣть, не видѣть же по произволу, или по болѣзни; ибо иногда и противоестественное можетъ

стать на мѣсто естественнаго, когда кто, или добровольно смѣжаетъ глазъ, или по болѣзни лишается зрѣнія. Такъ и о душѣ можно сказать, что, хотя созданіе ея отъ Божества, и какъ въ Божествѣ немислимъ никакой порокъ. то и для души нѣтъ въ порокѣ необходимости, однако же, будучи такъ сотворена, собственнымъ своимъ приговоромъ водятся въ томъ, на что рѣшается, или по произволенію смежая око для прекраснаго, или по злоумышленію пребывающаго съ нами въ жизни врага повреждая сіе око, живетъ во тмѣ обольщенія, или же на оборотъ, чистымъ окомъ взирая на истину, дѣлается далекою отъ темныхъ страстей. Посему, когда же, спросить иный, она приведена въ бытіе, и какъ? Но вопросъ о томъ, какъ произошла каждая вещь, совершенно долженъ быть изъятъ изъ слова; ибо и о подручномъ нашему разумѣнію, о чемъ имѣемъ понятіе съ помощію чувства, невозможно было бы изслѣдующимъ разумомъ постигнуть, какъ составилось видимое; по сему подобное сему даже богоносными и святыми мужами признано непостижимымъ. Ибо *въроу, говорятъ Апостолъ, разувѣваемъ совершитися въкомъ глаголомъ Божиимъ, во еже отъ неявляемыхъ видимыхъ быти* (Евр. 11, 3.), а сего, какъ думаю, не сказалъ бы онъ, если бы полагалъ, что искомое познаваемо разумомъ; напротивъ того, что волею

Божіею совершенъ и самый вѣкъ и все, что въ немъ, сотворено (а вѣкъ и есть то самое, въ чемъ умопредставляется вся тварь, какъ видимая, такъ и невидимая); — этому вѣрю, говорилъ Апостолъ. А сіе: какъ сотворено — оставилъ онъ неизслѣдованнымъ. Ибо подобное сему, какъ думаю, непостижимо ищущимъ, такъ какъ вопросъ о семъ показываетъ намъ въ себѣ много затрудненій: какъ изъ естества постоянного движимое, изъ простаго и непротяженного — протяженное и сложное? Изъ самой ли превысшей Сущности? Но это не можетъ быть признано по разнородности съ Нею существъ. Откуда же иначе? Въ Божіа естества ничего не усматриваетъ разумъ; ибо наше мнѣніе раздѣлится на разныя начала, если кромѣ творческой причины признано будетъ что либо такое, у чего художническая премудрость заимствуетъ запасы для твари. Итакъ, поеліку Виновникъ существъ одинъ, съ превысшимъ же Существомъ приведенное Имъ въ бытіе не однородно, то съ обѣихъ сторонъ одинаковая несообразность предположеній, — признать ли тварь происшедшею изъ Божіа естества, или сказать, что все составилось изъ какой либо иной сущности. Ибо, или предположено будетъ, что и Божество имѣетъ свойства твари, если сотворенное сродно съ Богомъ, или въ Божіей сущности введено будетъ чѣкое вещественное естество,

по несозданности вѣчностию существа равняющееся Богу, какъ, представивъ себѣ манихеи, и нѣкоторые эллинскимъ любомудріемъ вовлекшись въ подобныя мнѣнія, представленіе сіе обратили въ догматъ. Посему, чтобы наипаче избѣжать обоюдной несообразности въ вопросѣ о существахъ, слово о томъ, какъ приходитъ въ бытіе каждое изъ нихъ, по примѣру Апостола, оставимъ неизслѣдованнымъ, замѣтивъ только то одно, что устремленіе Божественнаго произволенія, когда пожелаетъ, бываетъ дѣломъ и хотѣніе осуществляется, немедленно обращаясь въ естество по власти Всемогущаго, которая чего только премудро и художнически пожелаетъ, не оставляетъ изволенія неприведеннымъ въ дѣйствіе. Приведеніе же изволенія въ дѣйствіе есть сущность. Но какъ существа дѣлятся на два рода, на существа духовныя и тѣлесныя, то и твореніе духовныхъ существъ не кажется сколько нибудь не причиннымъ естеству безплотнаго, а напротивъ того близко къ нему, показывая въ себѣ невидимость, неосязаемость, непротяженность, что если представитъ кто въ мысляхъ и о превышемъ естествѣ, то не погрѣшитъ. Тѣлесная же тварь, поелнку представляется съ свойствами, несообщимыми какъ-то съ Божествомъ, то наипаче причиняетъ великое затрудненіе разуму, который не въ состояніи проникнуть, какъ изъ невня-

днаго видимое, изъ неосвязаемаго твердое и упорное, изъ неопредѣленнаго опредѣленное, изъ того, что не имѣетъ количества и величны. заключаемое неперемѣнно въ какія либо мѣры, представляемыя относительно къ количеству, также взятое порознь все то, что примѣчается въ естествѣ тѣлесномъ. О семъ скажемъ одно только, а именно, что изъ усматриваемаго въ тѣлѣ ничто само по себѣ не есть тѣло, не тѣло — наружный видъ, и цвѣтъ и тяжесть, и протяженіе, и количество, и всякое иное видимое качество, а на противъ того каждое изъ нихъ есть понятіе, взаимное же ихъ стеченіе и соединеніе между собою дѣлается тѣломъ. Посему, такъ какъ сіи составляющія полноту тѣла качества постигаются умомъ, а не чувствомъ.—Божество же духовно; то какой трудъ умному производить умное, что взаимнымъ своимъ стеченіемъ породило у насъ естество тѣла? Но это уже вѣдъ подлежащаго изслѣдованію. А спрашивалось у насъ: если души не существовали прежде тѣлъ, то когда и какъ приходятъ онѣ въ бытіе? И по сей-то причинѣ вопросъ о семъ, какъ приходятъ въ бытіе,—какъ недоступный, слово наше оставило неизслѣдованнымъ; а сіе, съ какого времени души имѣютъ начало бытія, какъ непосредственно слѣдующее за тѣмъ, что и предъ симъ разсмотрѣно, остается розыскать. Ибо, если допущено будетъ,

что душа живеть прежде тѣла въ одинокомъ иѣкомъ состояніи, то вносяѣ необходимо признать имѣющимъ силу оныя пазѣно примысливныя ученія вселяющихъ души въ тѣла по причинѣ порока. Но никто пзѣ здравомыслящихъ не предположитъ, что происхожденіе душъ позднѣе, и слѣдуетъ уже за образованіемъ тѣлъ, такъ какъ для всякаго явно, что все неодушевленное не имѣетъ въ себѣ ни движущей, ни растительной силы: а возрастаніе и мѣстное движеніе воспитаннаго въ матерней утробѣ не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору. Посему остается признать, что начало состава души и тѣла одно и тоже. И какъ земля, отъ земледѣльцевъ принявъ въ себя отростокъ отъ корня, производитъ дерево, не отъ себя вложивъ растительную силу въ питаемое, но доставивъ только положенному въ нее способы къ произрастанію; такъ говоримъ, что похищаемое у человѣка къ насажденію человѣка, само иѣкоторымъ образомъ есть иѣчто живое, отъ одушевленнаго одушевленное, отъ питаемаго питаемое. Если же малость отростка не вмѣщала въ себѣ всѣхъ дѣйствій и движеній души, — это ни мало не удивительно: ибо и пшеничное зерно въ сѣмени не представляется тотчасъ колосомъ (ибо какъ колосу выѣститься въ зернѣ?); но, поеліику земля питаетъ зерно причиннымъ соками, дѣлается оно кою-

сомъ, не пзмѣняя въ земной глыбѣ своего естества, но обнаруживая и усовершая себя по дѣйствию пищи. Посему, какъ въ растительныхъ сѣменахъ возрастаніе по немногу приходитъ въ совершенство; такъ и въ человѣческомъ составѣ соразмѣрно тѣлесной величинѣъ выказывается и душевная сила, сперва дѣлаясь питательною и растительною въ образуемыхъ внутренностяхъ, послѣ сего сообщая даръ ощущенія происходящимъ на свѣтъ, и тогда уже, какъ нѣкій плодъ на выросшемъ растеніи, слегка проявляя разумную силу, не всю вдругъ, но по мѣрѣ того, какъ растеніе идетъ вверхъ, послѣдовательно увеличивая пресіяніе. Итакъ, послѣку нохищаемое у одушевленныхъ въ основаніе одушевленнаго состава не можетъ быть мертвымъ (потому что омертвѣніе бываетъ по уtratѣ души, а утрата не предшествуетъ обладанію); то познаемъ изъ сего, что въ сраствореніи, составляемомъ изъ души и тѣла, прехожденіе въ бытіе бываетъ общее, такъ что ни одно не предупреждаетъ, ни другое не опаздываетъ. Но въ возрастаніи числа душъ разумъ необходимо предвидитъ со временемъ остановку, чтобы не произошло непрестаннаго теченія въ естествѣ, посредствомъ прибывающихъ вновь, лиющемся всегда впередъ и не прекращающемъ нигдѣ движенія. А что и въ нашемъ родѣ должна со временемъ непремѣнно про-

изойти остановка, сему полагаемъ ту причину, что, такъ какъ всякое умопостигаемое естество имѣетъ свою полноту, то естественно со временемъ достигнуть своего предѣла и человѣческому роду (такъ какъ и онъ принадлежитъ къ естеству умопостигаемому), чтобы не думали о немъ, будто бы всегда представляется недостаточнымъ; потому что всегдашнее присовокупленіе вновь прибывающихъ дѣлается обвиненіемъ роду, что въ немъ еще недостатокъ. Посему, когда человечество достигнетъ своей полноты, тогда непременно остановится текущее это движеніе естества, достигнувъ необходимаго предѣла, и мѣсто сей жизни заступитъ другое нѣкое состояніе, отдѣльное отъ нынѣшняго, проводимаго въ рожденіи и тлѣніи; ибо если нѣтъ рожденія, то по всей необходимости не будетъ и тлѣющаго. Прежде разложенія начинается сложеніе (сложеніемъ же называемъ появленіе на свѣтъ рожденіемъ): изъ сего непременно слѣдуетъ, что когда не прешествовало сложеніе, не послѣдуетъ и разложенія. Итакъ согласно съ вѣрою послѣдующая за симъ жизнь оказывается нѣкою постоянною и неразрушимою, неизмѣняемою ни рожденіемъ ни тлѣніемъ.

Пр. Когда наставница кончила это, послыку многихъ изъ сидящихъ съ нами показалось, что рѣчь достигла надлежащаго конца, то убоявшись, что не кому будетъ у насъ рѣшить

того, что о воскресеніи предлагается вѣнннми. есди наставница потерпѣтъ что отъ недуга (что дѣйствительно и случилось), — говорю: рѣчь не коснулась еще самаго главнаго вопроса въ догматѣ: Богодухновенное Писаніе и въ новомъ и въ ветхозавѣтномъ ученіи говорить, что когда естество наше въ нѣкоемъ порядкѣ и въ связи совершитъ полный оборотъ времени, непремѣнно остановится наконецъ и сіе текучее движеніе, совершаемое преемствомъ рождаемыхъ, и какъ наполненіе вселенной не допуститъ уже возрастанія въ большее число, вся полнота дунѣ изъ невидимаго и разсѣяннаго состоянія опять возвратится въ собранное и видимое, при чемъ тѣже самыя стихіи сойдутся между собою въ ту же опять связь. А таковое состояніе жизни, по Божественному ученію Писаній, называется воскресеніемъ, при чемъ именемъ снѣ означается все движеніе стихій при возстановленіи земнаго.

Мак. Посему о чемъ же изъ этого говорить она, не упомянута въ сказанномъ прежде?

Гр. О самомъ, говорю, догматѣ воскресенія.

Мак. Однакоже, говоритъ она, многое изъ того, что было говорено теперь пространно, вѣдетъ къ этой цѣли.

Гр. Не знаешь развѣ, сказалъ я, какой рои возраженій касательно этой надежды противопоставляется намъ противниками? И вмѣстѣ

намѣревался высказать, что въ опроверженіе воскресенія изобрѣтается любителями споровъ.

Мак. Но она говорить: прежде, кажется мнѣ, надлежитъ вкратцѣ повторить, что изложено о семъ догматѣ въ разныхъ мѣстахъ Божественнаго Писанія, чтобы этпмъ можно было заключить наше слово. Такъ, слышу въ Божественныхъ пѣсняхъ пѣснословащаго Давида, когда предметомъ своей пѣсни избравъ устройство вселенной, въ сто третьемъ псалмѣ къ концу пѣснопѣнія говоритъ слѣдующее: *отъ-ишеши духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся: послещи Духа Твоего, и созидуются, и обновивши лице земли* (Пса. 103. 29, 30.); выражаетъ же симъ, что все во всемъ совершающая сила Духа животворить тѣхъ, въ комъ только она бываетъ, и обратно лишаетъ жизни тѣхъ, кого только оставляетъ. Итакъ, послѣнку сказуетъ, что при удаленіи Духа происходитъ исчезновеніе живыхъ тварей, а при появленіи Его возобновленіе исчезнувшихъ. исчезновеніе же по порядку рѣчи, предшествуетъ обновляемому; то утверждаемъ, что симъ самымъ возвѣщается Церкви тайна воскресенія, какъ пророческимъ духомъ предрекъ благодать сію Давидъ. Но и въ другомъ мѣстѣ тотъ же самый пророкъ говоритъ, что *Богъ* вселенной и *Господь* существъ *явися намъ* при составленіи праздника *во учающающихся* (Пса. 117, 27.), реченіемъ *учащеніе* давая

разумѣть праздникъ кушей , который , хотя древле узаконенъ былъ преданіемъ Мойсеевымъ (при чемъ законодатель, какъ думаю, пророчески предрекъ будущее), однакоже, всегда будучи совершаемъ, не былъ еще совершенъ въ дѣйствительности; ибо въ образахъ загадочнымъ значеніемъ совершавшагося предугазывалась истина: самого же истиннаго праздника кушей еще не было, но ради сего, по пророческому слову, *Богъ* всяческихъ и *Господь явися намъ*, чтобы для естества человеческого изъ разореннаго жилища нашего составила куща, опять собраніемъ стихій тѣлесно учащаемая. Ибо слово: *учащеніе*, но выражаемому въ немъ понятію, означаетъ одѣяніе и украшеніе имъ. Изреченіе же сіе въ псалмопѣніи имѣетъ такой видъ: *Богъ Господь, и явися намъ: составите праздникъ во учащающихъ до рога олтареваго* (Пса. 117, 27.). И оно, кажется мнѣ, загадочно предвозвѣщаетъ со всею разумною тварію составленіе едиаго праздника, на которомъ низшіе съ высшими ликуютъ вмѣстѣ въ собраніи добрыхъ. Ибо при прообразовательномъ устройствѣ храма не всѣмъ позволялось бывать внутри внѣшней ограды . но возбрашемъ былъ входъ всему языческому и иноплемениному, да и входящимъ внутрь не всѣмъ равно давался доступъ во внутреннѣйшее, а только очистившимъ себя нѣкимъ болѣе чистымъ образомъ

жизни и нѣкими кропленіями; и изъ нихъ опять не всѣмъ была доступна самая внутренность храма, но однимъ священникамъ дано было законное право, по нуждѣ священнодѣйствія, бывать внутрь завѣсы; а та неприступная и сокровенная часть храма, въ которой водруженъ былъ алтарь, украшенный нѣкими огражденіями изъ роговъ, закрыта была для входа и самихъ священниковъ, кромѣ одного, предстоятельствовавшаго во священствѣ, который однажды въ годъ, въ нѣкій узаконенный день, совершая нѣкое неизглаголанное и таинственное священнослуженіе, одинъ входилъ во внутренность. Посему, когда такъ велика была разность въ этомъ храмѣ, который служилъ образомъ и подобіемъ духовнаго состоянія, соблюденіе предписаній, касающихся тѣла, научаетъ тому, что не все словесное естество приближается къ храму Божию, то есть къ исповѣданію великаго Бога; но тѣ, которые введены въ заблужденіе ложными предположеніями, находятся внѣ Божественной ограды; а изъ тѣхъ, которые за исповѣданіе допущены внутрь,—предпочтительнѣе другихъ предпочистившіе себя кропленіями и чистотою жизни, и изъ нихъ посвященные уже имѣютъ большее преимущество сподобиться внутренняго тайноводства. Но чтобы кто могъ въ большую ясность привести значеніе загадки, должно ему дозвать, при помощи паучающаго

слова, что и некоторые изъ разумныхъ силъ, кикъ святой алтарь, водружены въ святилищѣ Божества, и некоторые же опять и изъ силъ представляются превосходящими, выставившись на подобіе роговъ; и другія около нихъ въ искомъ послѣдовательномъ порядкѣ занимаютъ первыя и вторыя мѣста. Родъ же человѣческій по прирожденной порочности изгнанъ изъ Божественной ограды, и очищенный банею омовенія допускается внутрь. По поелку икогда будутъ разорены сии среднія преграды, которыми порокъ отѣлялъ насъ отъ того, что внутри завѣсы, то, когда естество наше воскресеніемъ снова воздвигнется въ кушу, и уничтожено будетъ всякое растлѣніе существъ, произведенное порокомъ; тогда окрестъ Бога для учащенныхъ воскресеніемъ составитъ общій праздникъ, на которомъ всѣмъ предлежитъ одно и тоже веселіе, потому что никакая разность не раздѣляетъ болѣе разумнаго естества въ причастіи равныхъ благъ, но и тѣ, которые были по порочности вѣнъ, будутъ икогда внутрь святилищъ Божественнаго блаженства, и соединятся между собою *рогами олтаревыми*, то есть превосходящими изъ премірныхъ силъ. Откровеннѣе говоритъ о семъ Апостолъ, выражая всеобщее согласіе на доброе: *Ему всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Хри-*

ство въ славу Бога Отца (Филпп. 2, 10, 11.). Въѣсто роговъ пменуеѣтъ онѣъ ангельскій и небесный чинѣъ, а прочимѣъ означаетъ тварѣъ, послѣъ нилѣъ умопредставляемую,—то есть насѣъ, которыми всѣмн възобладаетъ единый согласный праздникъ (и). Праздникѣъ же есть исповѣданіе и познаніе истинно Сущаго. Но можно, продолжаетъ она, собрать много и другихъ мѣстъ святаго Писанія въ подтвержденіе догмата о воскресеніи. Ибо Іезекіиль пророческимѣъ духомѣъ, миновавъ все среднее время и продолженіе онаго, останавливается силою предвѣдѣнія на самомѣъ времени воскресенія, и взирая на будущее, какѣъ уже на настоящее, представляетъ взору въ повѣствованіи своемѣъ. Видитъ онѣъ поле великое, простирающееся въ безпредѣльность, и на немѣъ кости, то собранныя въ великую кучу, то разметанныя, какѣъ ни есть, по разнымѣъ мѣстамѣъ; потомѣъ Божественною силою сдвигаются онѣъ съ сродными и своими собственными, и входятъ въ ѣъвон составы; потомѣъ покрываются

(и) Въ семь мѣстъ, по нѣкоторымѣъ спискамѣъ, читается слѣдующее замѣчаніе: „о какомѣъ будущемѣъ празднествѣъ безплотныхъ Ангеловѣъ и человековѣъ говорить? О томѣъ, когда всѣъ согласно исповѣдаютъ бытіе единого Бога. Итакѣъ въ разсужденіи богопознанія всѣъ будутъ согласны между собою, грѣшныя и праведныя: но не одинаковою будутъ пользоваться участію. Иначе гдѣъ будетъ справедливость? Но одни будутъ наслаждаться царствомѣъ небеснымѣъ, а другіе, по изреченію апостольскому, будутъ виѣъ сего“.

онѣ жилами, плотями и кожами (что псалмопѣніе называетъ *учащаемыми*), и духъ животворить и возбуждаетъ все, что лежало на полѣ (іезек. 37, 1—10.). Что же кто либо скажетъ о томъ изображеніи у Апостола чудесъ по воскресеніи, которое подъ руками у читающихъ, и въ которомъ говоритъ Писаніе, что по иѣкоему повелѣнію, по звуку трубъ, во мгновеніе времени все мертвое и лежащее вдругъ измѣнится въ состояніе естества безсмертнаго (1 Сол. 11, 16.)? Но не будемъ повторять евангельскія изреченія, какъ всѣмъ извѣстныя: ибо не словами только говоритъ Господь, что мертвые воскреснутъ, но дѣйствительно производятъ самое воскресеніе, начавъ чудотвореніе съ того, что ближе къ намъ, и что менѣе могло казаться невѣроятнымъ. Ибо сначала въ смертельныхъ болѣзняхъ показываетъ животворящую силу, повелѣніемъ и словомъ прогоняя недуги; потомъ воздвигаетъ недавно умершую отроковицу; потомъ юношу, выносімаго уже на погребеніе, возставивъ съ одра, отдаетъ матери; послѣ сего разлагавшагося уже четверодневнаго мертвеца Лазаря живымъ изводитъ изъ гроба, гласомъ и повелѣніемъ оживотворивъ лежащаго; потомъ Себя самаго — человѣка, пронзеннаго гвоздьми и копіемъ, воскрешаетъ изъ мертвыхъ въ третій день, мѣста гвоздей и ударъ копья представляя во свидѣтельство

воскресенія. О семъ не почитаю нужнымъ и распространяться; потому что нѣтъ никакого сомнѣнія въ пріѣвшихъ написанное.

Гр. Но вопросъ не о томъ, сказалъ я; что будетъ нѣкогда воскресеніе и человѣкъ предстанетъ на всецѣлительный судъ, — съ этимъ, и по причинѣ доказательствъ изъ Писанія, и на основаніи уже изслѣдованнаго, согласятся многіе изъ слышащихъ. Остается же разсмотрѣть, согласно ли съ нынѣшнимъ будетъ и уповаемое? Но если дѣйствительно такъ будетъ; то сказалъ бы я, что лучше бѣжать отъ людей надеждѣ воскресенія. Ибо, если тѣла человѣческія какими бываютъ при концѣ жизни, таковыми опять восстановлены будутъ въ жизнь; то люди въ воскресеніи надѣются себѣ какого-то неслыханнаго бѣдствія. И можетъ ли быть какое зрѣлище болѣе жалкое этого, когда въ крайней старости согбенныя тѣла претворятся въ что-то гнусное и безобразное, потому что плоть истощена въ нихъ временемъ, морщинистая кожа присохла къ костямъ? Поелику жилы стянуты, какъ неутучняемыя уже естественною влагою, а потому все тѣло сжалось; то представляется странное и жалкое какое-то зрѣлище, потому что голова приклонена къ колѣну, рука, неспособная къ естественной дѣятельности, съ дрожью, невольно всегда суется туда и сюда. Каковы опять тѣла у изнуренныхъ продолжительными болѣз-

нимъ, тѣмъ только отличающіяся отъ голыхъ костей, что кажутся прикрытыми тошкою и уже изветшавшею кожею? Каковы у опухшихъ отъ водяной болѣзни? А у одержимыхъ (такъ называемою) священою болѣзнію какое слово возможетъ представить взору безобразное искаженіе тѣла? Какъ постепенно распростра- няющаяся у нихъ гнилость поядаетъ всѣ чле- ны, и орудные и чувствительные? Что ска- жетъ кто либо объ изувѣченныхъ во время землетрясеній или на войнахъ, или отъ другой какой причины, и прежде смерти нѣсколько времени прожившихъ въ этомъ бѣдственномъ состояніи, или объ пмѣвшихъ отъ рожденія, по какому либо поврежденію, цѣлую жизнь изуродованные члены? Что же должно думать о новорожденныхъ младенцахъ, подкидывае- мыхъ, задушаемыхъ, гибнущихъ случайно? Если таковые опять возвращены будутъ въ жизнь, то останутся ли во младенчествѣ? Что бѣдственнѣе этого?—Но они достигнутъ мѣры возраста? А какимъ млекою воспитаеьт ихъ опять природа? Поэтому, если опять оживетъ у насъ тѣло по всему то же,—ожидаемое бѣд- ственно. А если не то же,—воскрешаемый бу- детъ иѣкто другой, а не лежащій во гробѣ. Ибо если положенъ ребенокъ, а востанетъ совершенно возрастной, или на оборотъ; то какъ можно сказать, что воскрешенъ самый мертвецъ,—когда погребенный измѣнился по

разности возраста? Ибо не другаго ли видить вмѣсто одного, претъ кѣмъ вмѣсто ребенка совершенно возрастный, вмѣсто старца—цвѣтущій возрастомъ, вмѣсто изможденнаго—здоровый. вмѣсто изсохшаго—дородный. а также и все другое, подробнымъ исчисленіемъ чего затруднилось бы слово? Если тѣло оживетъ опять не такимъ же, какимъ было, когда предавалось землѣ, то не мертвое воскреснетъ. но земля снова претворится въ пнаго челоуѣка. Посему, что для меня воскресеніе, если вмѣсто меня оживетъ нѣкто другой? Какъ узнать мнѣ самаго себя. видя въ себѣ уже не себя? Ибо не буду подлинно я, если не буду по всему тотъ жъ съ самимъ собою. Какъ и въ настоящей жизни, если имѣю въ памяти чынъ либо черты, предположу для слова, что такой-то плѣшивъ, съ большими губами, курносъ, бѣлотѣлъ, съ голубыми глазами, съ сѣдиною въ волосахъ, съ морщинистымъ тѣломъ, потомъ, отыскивая его, встрѣчаюсь съ молодымъ, длинноволосымъ, горбоносимъ, смуглымъ, и всѣ прочія черты лица имѣющимъ пнаго вида: ужели, смотря на послѣдняго, признаю за перваго? Но какая нужда медлить болѣе пахъ слабѣйшими возраженіями, оставивъ сильнѣйшія? Ибо кому не извѣстно, что естество челоуѣческое подобно какому-то потоку; челоуѣкъ отъ рожденія до смерти всегда въ какомъ-то движеніи, и тогда прекращается въ

немъ движеніе, когда перестаетъ существовать. Движеніе же это—не мѣстная какая либо перестановка, не само изъ себя выходить естество, но поступаетъ впередъ чрезъ измѣненіе. Измѣненіе же, пока оно продолжается, не останавливается на одномъ и томъ же (ибо какъ возможно сохраниться въ тождествѣ измѣняющемуся?); но какъ огонь на свѣтильнѣ, по видимому, кажется всегда однимъ и тѣмъ же, потому что непрестанное всегда движеніе даетъ видѣть, что онъ непрерывно тотъ же, и самъ съ собою связанъ; на самомъ же дѣлѣ, всегда самъ за собою преемственно слѣдуя, никогда не остается однимъ и тѣмъ же, ибо извлекаемая теплотою плаги вмѣстѣ и воспламеняется, и сгарая претворяется въ дымъ и сіюю измѣненія производятся всегда движеніе пламени, сгораемый предметъ измѣняющее собою въ дымъ: посему два раза въ одномъ и томъ же мѣстѣ дотрогивающемуся до пламени невозможно въ оба раза коснуться одного и того же; скорость измѣненія не дожидается прикасающагося опять въ другой разъ, съ какою бы постижимостію ни сдѣлалъ онъ это; напротивъ того пламень всегда есть новый, всякій разъ только что происшедшій, всегда самъ за собою слѣдующій и никогда не остающійся однимъ и тѣмъ же; и что подобное происходитъ и съ естествомъ нашего тѣла. Ибо что всегда притекаетъ и утекаетъ въ

естествѣ нашемъ, то, проходя и движась всегда движеніемъ измѣненія, тогда только останавливается, когда прекращается и жизнь. Пока тѣло живо, нѣтъ въ немъ остановки; или наполняется, или испаряется,—или тѣмъ и другимъ непремѣнно поддерживаетъ всегда бытіе свое. Посему, если человѣкъ и послѣ вчерашняго дня, уже не тотъ же, но вслѣдствіе измѣненія дѣлается другимъ: то, когда воскресеніе возвратитъ опять тѣло наше къ жизни, тогда одинъ, безъ сомнѣнія, сдѣлается какою-то толпою людей, такъ что въ воскресшемъ будетъ все безъ недостатка, младенецъ, ребенокъ, отрокъ, юноша, мужъ, отецъ, старецъ и всякій средній возрастъ. А какъ цѣломудріе и непотребство приводятся въ дѣло плотію, какъ и тѣ, которые за благочестіе претерпѣваютъ мучительныя казни, и тѣ, которые по изнѣженности не выносятъ ихъ, то и другое выказываютъ тѣлеснымъ чувствомъ: то какъ возможно на судѣ сохраниться справедливости? Или когда одинъ и тотъ же нѣмѣ согрѣшитъ, потомъ очиститъ себя покаяніемъ, и если случится, опять посползнется въ грѣхъ, тѣло же и оскверненное и неоскверненное по естественной послѣдовательности измѣнится, и ни котораго изъ нихъ не станетъ на всегда; тогда какое тѣло будетъ наказано у непотребнаго? Покрывшееся ли морщинами въ старости передъ смертію? Но это уже иное, а не то,

которымъ сдѣланъ грѣхъ. Или оскверненіе
 страстію? Гдѣ же старецъ? Посему, или не
 воскреснетъ онъ, и воскресеніе не дѣйстви-
 тельно; или онъ будетъ воскрешенъ, и избѣ-
 жить наказанія подлежащей ему. Скажу и иное
 нѣчто изъ возражаемаго намъ непріемлющими
 ученія сего. Природа, говорятъ они, ни одной
 части въ тѣлѣ не оставила безъ дѣла: въ
 однихъ заключаются причина и сила нашей
 жизни, безъ нихъ не можетъ состоять плот-
 ская жизнь наша,—таковы напримѣръ: сердце,
 печень, мозгъ, легкое, чрево, и прочія вну-
 тренности; другимъ предназначено въ удѣлъ
 движеніе чувственное; отпавленіемъ иныхъ—
 дѣятельность и переходеніе съ мѣста на мѣ-
 сто; а другимъ дана способность къ произве-
 денію потомства. Посему если послѣдующая
 за симъ жизнь наша будетъ состоять въ томъ
 же; то преставленіе бываетъ напрасно. Если
 же истинно то слово (какъ и дѣйствительно
 оно истинно), которымъ опредѣляется, что
 въ жизни по воскресеніи не имѣетъ мѣста
 бракъ, и что жизнь поддерживается тогда не
 пищею и питіемъ: то какое употребленіе бу-
 детъ изъ сихъ членовъ тѣла, когда въ оной
 жизни не ожидается отъ нихъ того, ради чего
 имѣемъ тѣ члены нынѣ? Пбо если для брака—
 то, что служить къ браку, то когда не будетъ
 брака, не будемъ имѣть нужды въ служащемъ
 къ оному. Такъ въ дѣлу служатъ руки, къ

хожденію ногъ, къ принятію пищи уста, къ пережевыванію зубы, къ перевариванію внутренности, къ изверженію оказавшагося ненужнымъ исходные пути. Посему, когда не будетъ оныхъ отправленій, почему или для чего будетъ и устроенное для нихъ? А въ слѣдствіе сего, если не будетъ въ тѣлѣ того, что нимало не можетъ содѣйствовать къ оной жизни.—необходимо не быть въ немъ ничему, составляющему тѣло нынѣ; потому что жизнь состоятъ будетъ въ другомъ. Иный же не назоветъ и воскресеніемъ такой перемѣны въ тѣлѣ, при которой ниоднѣ изъ членовъ его, по безполезности своей въ оной жизни, не возстанетъ съ тѣломъ. Если же воскресеніе во всѣхъ этихъ членахъ окажетъ свое дѣйствіе, то Содѣтель воскресенія содѣлаетъ напрасное для насъ и безполезное для будущей жизни. Но надлежитъ вѣрять, что и воскресеніе будетъ, и будетъ ненапрасно. Итакъ слову должно внимательно разсмотрѣть ученіе, чтобы въ догматѣ семъ во всѣхъ отношеніяхъ сохранилась у насъ правильность.

Мак. Когда же выговорилъ я это; не безъ достоинства, говоритъ наставница, нападаль ты на догматы о воскресеніи, но такъ называемой реторикѣ, и убѣдительныя возраженія со всѣхъ сторонъ противопоставилъ истинѣ, такъ что не очень вникающіе въ тайну истины, вѣроятно, поколебались нѣсколько въ ученіи,

и подумали, что не даромъ возбуждено сомнѣніе въ сказанномъ. Но истина не такова, продолжаетъ она; хотя мы не въ состояніи съ подобнымъ риторскимъ искусствомъ отвѣчать на возраженія; однакоже истинное о семъ ученіе сберегается въ тайныхъ сокровищахъ премудрости, и тогда сдѣлается явнымъ, когда самымъ дѣломъ изучимъ тайну воскресенія, и не будетъ уже намъ нужды въ словахъ къ обнаруженію уповаемаго. Но какъ послѣ длинныхъ рѣчей, бодрствующему ночью высказанныхъ о свѣтлости солнца, — какова она, словесное это описаніе дѣлаетъ ня къ чему неслужащимъ едва только появившаяся пріятность луча: такъ всякій помысль, гадательно касающійся будущаго состоянія, окажется ничтожнымъ, когда ожидаемое совершится съ нами на опытѣ. Но поелпку надобно сдѣланныя намъ возраженія не оставлять вовсе неизслѣдованными, то поведемъ о нихъ рѣчь такъ: надлежитъ прежде уразумѣть, какая цѣль догмата о воскресеніи, ради чего и изречено сіе въ святомъ словѣ, и составляетъ предметъ вѣрованія. Посему, чтобы можно было сіе представить въ объемѣ какого либо опредѣленія, скажемъ такъ: воскресеніе есть возстановленіе нашего естества въ первобытное состояніе. Но въ первой жизни, Создателемъ которой былъ самъ Богъ, не было, какъ вѣроятно, ни старости, ни дѣтства, ни страданій

отъ многообразныхъ недуговъ, ни другаго какаго либо бѣдственнаго тѣлеснаго положенія, потому что неестественно было Богу создать что либо подобное. Напротивъ того, пока въ человѣчествѣ не произошло стремленія къ злу, естество человѣческое было Божиимъ и бжгіимъ достояніемъ. Но все сіе вторгнулось въ насъ вмѣстѣ со входомъ порока. Посему жизнь безъ порока не возымѣетъ никакой нужды въ томъ, что произошло отъ порока. Ибо какъ необходимое послѣдствіе у совершающаго въ стужу путь озябнуть тѣлу, или у идущаго подъ зносомъ лучей загорѣть поверхности тѣла; а если не будетъ ни жара ни стужи, то, безъ сомнѣнія, и путникъ освободится отъ загара и отъ озноба, и неосновательно сталъ бы кто спрашивать, отъ какой произошло это причины, когда причины нѣтъ: такъ естество наше, содѣлавшись страстнымъ, встрѣтилось съ необходимыми послѣдствіями страстной жизни; но, возвратившись опять къ безстрастному блаженству, не подвергнется уже послѣдствіямъ порока. Итакъ, поелику всего того, что къ естеству человѣческому приишало изъ жизни безсловесныхъ, прежде въ насъ небыло, пока человѣчество не впало въ страсть по причинѣ порока; то необходимо, оставивъ страсть, оставимъ вмѣстѣ и все, что при ней усматривается. Поэтому неосновательно сталъ бы кто доискиваться въ будущей жизни того,

что произошло въ насъ по страсти. Какъ, если кто, имѣя на себѣ изорванный хитонъ, скинетъ съ себя эту одежду; то не увидитъ уже на себѣ неблагообразія того, что сброшено: такъ когда и мы совлечемся мертвеннаго этого и гнуснаго хитона, наложеннаго на насъ изъ кожъ безсловесныхъ животныхъ (а слыша о кожѣ, думаю разумѣть наружность безсловеснаго естества, въ которую одѣлись мы, освоившись со страстію); тогда все, что было на насъ изъ кожъ безсловесныхъ, свергнемъ съ себя при совлеченіи хитона. А воспринятое нами отъ кожи безсловесныхъ—плотское смѣшеніе, зачатіе, рожденіе, нечистота, сосцы, пища, изверженіе, постепенное прихожденіе въ совершенный возрастъ, зрѣлость возраста, старость, болѣзнь, смерть. Посему, если не будетъ при насъ этого, то какъ останется у насъ происшедшее отъ сего? Потому при надеждѣ, что другое нѣкое состояніе послѣдуетъ въ будущей жизни, напрасное дѣло догмату о воскресеніи противопоставать, что не имѣетъ ничего общаго съ жизнію по воскресеніи. Ибо морщиноватость и дородность тѣла, сухощавость и полнота, и все иное, что бываетъ съ текущимъ естествомъ тѣла, что общаго имѣютъ съ оною жизнію, которая чужда текучаго и скоропреходящаго препровожденія настоящей жизни? Одного только требуетъ понятіе о воскресеніи, чтобы

пришелъ человѣкъ въ бытіе рожденіемъ, или лучше сказать, какъ говоритъ Евангеліе, *родился человекъ въ міръ* (Іоан. 16, 21.); о продолжительности же или краткости жизни, и о смерти. — такимъ или инымъ образомъ она прилучилась. — напрасное дѣло входить въ изслѣдованіе при мысли о воскресеніи. Такъ, или иначе, допустимъ ее предположительно; выйдетъ, конечно, одно и тоже, потому что отъ такового различія нѣтъ ни затрудненія, ни удобства въ воскресеніи. Начавшему жить, безъ сомнѣнія, надлежитъ жить, какъ скоро разрушеніе, произведенное въ немъ смертію, исправлено будетъ воскресеніемъ. А какъ, или когда, бываетъ разрушеніе, что въ этомъ воскресеніи? Къ другой цѣли клонится разысканіе сего, напримѣръ въ удовольствіи ли кто жилъ, или въ скорби, добродѣтельно или порочно, похвально или предосудительно, бѣдственно или счастливо проводилъ время. Ибо все это и подобное сему отъкрывается изъ мѣры и образа жизни: и въ такомъ случаѣ для произнесенія суда надъ проведенною жизнію необходимо будетъ судіи изслѣдовать страсть, утрату, болѣзнь, старость, зрѣлость возраста, юность, богатство, убожество, какъ человѣкъ, находясь въ каждомъ изъ сихъ обстоятельствъ, хорошо или худо проводилъ жизнь доставшуюся ему въ удѣлъ, и долгое ли время испытывалъ много благъ или золъ,

или не коснулся вовсе и начала тѣхъ и другихъ, кончить жизнь въ несовершенномъ еще разумѣ? Но когда Богъ воскресеніемъ возвратитъ естество человѣческое въ первобытное его устройство; тогда не нужно будетъ говорить о подобномъ сему, и думать, будтобы таковыя затрудненія воспрепятствуютъ снѣ Божіей въ достиженіи цѣли. А цѣль у Бога одна,—когда людьми, однимъ послѣ другаго, совершится уже вся полнота естества нашего, одни вскорѣ послѣ сей жизни окажутся уже чистыми отъ порока, другіе въ надлежащія послѣ сего времени испытаютъ вѣрачество огня, иные же найдутся непознавшими на опытѣ въ сей жизни равно ни добра, ни зла, — всѣмъ предоставить причащеніе благовѣ въ Немъ существующихъ, которыхъ, говоритъ Писаніе, ни око не видитъ, ни слухъ не слышитъ, и которыя помысламъ не бываютъ доступны (1 Кор. 2, 9.). А это, по моему понятію, не иное что значить, какъ пребываніе въ самомъ Богѣ; ибо благо, превосходящее слухъ, око, сердце, само будетъ превысимъ всего. Разность же добродѣтельной или порочной жизни послѣ сего наипаче окажется въ томъ, что скорѣе или позднѣе пріобщится человѣкъ упоемаго блаженства; ибо мѣръ привзошедшей въ каждаго порочности будетъ, конечно, соответствовать и продолжительность врачеванія. Врачеваніемъ же души будетъ очищеніе отъ пороч-

ности. А это не можетъ быть благоуспѣшнымъ безъ болѣзненнаго расположенія, какъ по предшествовавшему изслѣдованію найдено. Но лучше познаетъ излѣчество и непригодность возраженій, кто выникнетъ во глубину апостольской мудрости; ибо Апостолъ, уясняя тайну сію коринѣянамъ, которые, можетъ быть, представляли ему тоже самое, что противоплагается нынѣ востающимъ на догматъ къ опроверженію пріемлемаго вѣрою, собственнымъ своимъ достоинствомъ низлагая дерзость ихъ невѣжества, говоритъ такъ: скажешь мнѣ: *како востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ прійдутъ? Безуміе,* продолжаетъ Апостолъ, *ты есже слыши, не оживетъ, аще не узреть: и есже съеши, не тѣло будуще съеши, но голо зерно, аще смлчится, тиеницы, или иное какое изъ сѣменъ: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхождетъ* (1 Кор. 15, 35—38.). Здѣсь, кажется мнѣ, Апостолъ заграждаетъ уста незнающимъ собственныхъ мѣръ естеству, по своей крѣпости судящихъ о Божіей силѣ, полагающихъ, что столько возможно и Богу, сколько вмѣщаетъ человѣческое понятіе, а что выше насъ, то превосходить и Божіе могущество. Ибо вопросившій Апостола: *како востанутъ мертвіи?* выдаетъ за невозможное разсѣяннмъ стхіямъ тѣла прійти опять въ соединеніе; и какъ сего быть не можетъ, другаго же тѣла кромѣ соединенія стхій и возможности не остается,

то, по примѣру сильныхъ въ словопреніи, по нѣкоей послѣдовательности заключивъ изъ предположеннаго нмъ, говорить: если тѣло есть собраніе стихій, а вторичное ихъ соединеніе невозможно, то какимъ тѣломъ воспользуются воскресающіе? Посему, что казалось для нихъ соплетеннымъ съ какою-то искусственною мудростію, Апостолъ называлъ безуміемъ неусматривающихъ превосходства Божія могущества въ прочей твари: пбо, оставивъ высшія чудеса Божіи, которыми могъ въ недоумѣніе привести слушатель, напримѣръ: что такое тѣло небесное, и откуда оно? что такое тѣло солнечное, или лунное, или видимое въ звѣздахъ? что такое зѣнрь, воздухъ, вода, земля? — неосмотрительность возражающихъ изобличаетъ тѣмъ, что обыкновенно при насъ и намъ обще. Не учитъ ли тебя земледѣіе, говорить, что суетенъ по своей мѣрѣ гадающій о силѣ Божіей, превосходящей всякую мѣру? Отъ чего изъ сѣменъ вырастаютъ тѣла? Что предшествуетъ ихъ прозябенію? Не смерть ли, если только разложеніе составившагося есть смерть? Ибо сѣмя не дало бы ростка, не разложившись въ земной глыбѣ, не сдѣлавшись разбухшимъ и многосквашиннымъ, такъ чтобы могло своимъ качествомъ входить въ единеніе съ окружающею влагою, и такимъ образомъ претворяться въ корень и отростокъ, и на этомъ не останавливаться, но пре-

вращаться въ стебель, какъ бы нѣкими связями препоясуемый по срединѣ колѣнамъ, чтобы въ прямомъ видѣ могъ цсти на себѣ обремененный плодомъ колось. Посему, гдѣ было это, появляющееся изъ зерна пшеницы, прежде разложенія его въ земной глыбѣ? Однако же есть это въ зернѣ. А если бы не было того прежде, то не произошло бы и колоса. Посему, какъ тѣло колоса рождается изъ сѣмени, потому что сила Божія изъ сего послѣдняго художнически производить первое, и оно и не совершенно одно и тоже съ сѣменемъ, и не вовсе отъ него отлично: такъ, говорятъ Апостолъ, и тайна воскресенія протолковывается тебѣ уже въ чудодѣйствуемомъ надъ сѣменами, такъ что сила Божія, по преизбытку власти, не только разложившеся возвращаетъ тебѣ снова, но даетъ тебѣ при семъ нное великое и прекрасное, чѣмъ естество приводится для тебя въ большее везелѣнїе. *Спется, сказано, въ тмнѣ, востаетъ въ нетмнѣи: спется въ немощи, востаетъ въ силѣ: спется не въ честь, востаетъ въ славѣ: спется тло душевное, востаетъ тло духовное* (1 Кор. 15, 42—44.). Ибо какъ пшеничное зерно по разложеніи своемъ въ земной глыбѣ, оставивъ количественную малость и въ качествѣ наружнаго вида отличительное свойство свое, не утратило само себя, но, само въ себѣ пребывая, дѣлается колосомъ, весьма много

отличаясь отъ себя самого величиною, красотою, разнообразіемъ и наружностію: такимъ же образомъ и естество человѣческое, оставивъ въ смерти всѣ свои отличительныя свойства, какія приобрѣла страстнымъ расположеніемъ,—разумію не честь, тѣніе, немощь, разности возраста, не утратило себя самого; но какъ бы въ колосъ какой премѣняется въ нетѣніе, славу, честь, силу, совершенство во всемъ: и жизнь его не естественными управляетъ уже свойствами, но переходитъ въ иное духовное и безстрастное состояніе: потому что самое свойство тѣла душевнаго состоитъ въ томъ, чтобы, въ слѣдствіе какого-то теченія и движенія, всегда измѣняться, и изъ состоянія, въ какомъ находится, переходитъ въ другое. Ибо, что нынѣ усматриваемъ прекраснымъ не въ людяхъ только, но и въ растеніяхъ и въ скотахъ, ничего того не останется въ тогдашней жизни. Но и во всемъ апостольское слово, кажется мнѣ, согласно съ нашимъ понятіемъ о воскресеніи, и показываетъ то самое, что содержитъ въ себѣ наше опредѣленіе, говоря, что воскресеніе не иное что есть, какъ восстановление нашего естества въ первобытное состояніе. Ибо въ началѣ міротворенія, какъ дознаемъ это изъ Писанія, сперва, какъ говоритъ слово, прорастила *земля быліе травное* (Быт. 1, 12.), потомъ изъ ростка произошло сѣмя, отъ котораго, когда пало на землю, возо-

шелъ опять тотъ же самый *родъ* произросшаго первоначально. Но сіе, говоритъ божественный Апостолъ, совершается и при воскресеніи. Не тому же только научаемся у него, что чело-вѣчество премѣнится въ большое велелѣпіе, но и что уповаемое не иное чтò есть, какъ тоже самое, чтò было въ началѣ. Такъ какъ первоначально не колосъ изъ сѣмени, но сѣмя изъ колоса; послѣ же сего колосъ вырастаетъ изъ сѣмени; то послѣдовательность, примѣчаемая въ прпмѣрѣ, ясно показываетъ, что все блаженство, какое произрастетъ намъ въ вос-кресеніе, восходитъ до первоначальной благо-дати. Ибо и мы, первоначально нѣкоторымъ образомъ бывъ колосомъ, послѣ того засу-шены зноемъ порока. Но земля, принявъ насъ, разложенныхъ смертію, въ весну воскресенія, это голое зерно тѣла снова покажетъ колосомъ добророслымъ, вѣтвистымъ, прямымъ и про-стирающимся въ небесную высоту. вмѣсто соломъ, или стеблей, украшенныхъ нетлѣніемъ и прочими боголѣпными признаками: *подобаетъ бо, сказано, тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе* (1 Кор. 15. 53.). А нетлѣніе, слава, честь и сила, какъ исповѣдуемъ, принадлежать собственно Божію естеству, и они были прежде у созданнаго по образу, и снова ожи-даются. Ибо первымъ колосомъ былъ первый челоувѣкъ Адамъ; но поелику со входомъ по-рока естество раздѣлилось на множество, то,

какъ бываетъ съ плодомъ въ колосѣ, такъ мы, одинъ по одному, совлекшіеся вида, подобно оному колосу, п смѣшавшіеся съ землею, въ воскресеніе вмѣсто одного перваго колоса ставъ безчисленными тѣлами жатъ, снова произраждаемся въ первобытной красотѣ. Жизнь же добродѣтельная будетъ имѣть ту разность съ порокомъ, что здѣсь еще въ продолженіе жизни воздѣлывавшіе себя добродѣтелию тотчасъ произрастутъ въ совершенный колосъ; а у кого сила въ душевномъ сѣмени въ продолженіе сей жизни стала какою-то истощенною и увядшею отъ порока, тѣ, по словамъ свѣдущихъ въ подобномъ сему, какъ бываетъ съ такъ называемыми роговыми наростами, хотя и произрастутъ въ воскресеніе, но срѣтятъ великую строгость у судіи, такъ какъ они не въ состояніи придти въ видъ колоса и стать тѣмъ, чѣмъ были мы до ниспаденія до земли. Хожденіе же приставника за урожаемъ состоитъ въ собраніи плевелъ и терній, произросшихъ вмѣстѣ съ сѣменемъ, — потому что вся сила, питающая корень, перелилась въ подложное сѣмя, отъ чего настоящее осталось непитательнымъ и недозрѣвшимъ, заглушенное произрастеніемъ противосестественнымъ. Посему, когда въ питательномъ ослаблено будетъ и придетъ въ уничтоженіе все, что есть въ немъ подложнаго и чуждаго, по истребленіи огнемъ противосестественнаго, — тогда в естество пи-

тающихъ сѣменъ будетъ имѣть обильную пищу, и созрѣетъ въ плодъ, при такомъ поначеніи (i). воспріявъ общій видъ, первоначально данный намъ отъ Бога. Но блаженны тѣ, въ которыхъ немедленно, едва порождаются въ воскресеніе, возсіяваетъ совершенная красота класовъ. Говоримъ же сіе не въ томъ смыслѣ, будто бы въ воскресеніе тѣлесная нѣкая разность обнаружится въ жившихъ добродѣтельно или порочно, такъ чтобы одного почтять несовершеннымъ по тѣлу, а другаго признавать достигшимъ совершенства; напротивъ того, какъ въ продолженіе жизни, и узникъ и живущій на свободѣ, оба подобны между собою тѣломъ, но великая между обоими разность въ удовольствіи и въ печали: такъ, полагаю, надлежитъ заключать и о разности добрыхъ и злыхъ въ будущее время. Ибо совершенство тѣлъ, возрастающихъ изъ посѣяннаго, по словамъ Апостола, состоятъ въ нетлѣніи, славѣ, чести и силѣ; умаленіе же таковыхъ качествъ означаетъ не тѣлесное нѣкое отсѣченіе возросшаго, но отъятіе и отчужденіе каждаго свойства, представляемаго добрымъ. Итакъ, поелпку представляемому о насъ непремѣнно надлежитъ быть чѣмъ либо однимъ изъ противоположнаго, или добромъ, или зломъ; то явно, что сказать

(i) Слова: *минутис поті періодис*, какъ не читающіяся по многимъ спискамъ, въ переводѣ оцужены.

о комъ либо: онъ не въ добрѣ, послужить доказательствомъ, что онъ непремѣнно во злѣ. А въ пороки нѣтъ ни чести, ни славы, ни петлѣнія, ни силы. Посему совершенно необходимо, въ комъ нѣтъ сего, о томъ принять за несомнѣнное, что въ немъ есть представляемое по противоположности, — немощь, не честь, тлѣніе и все, что подобнаго тому рода. о чемъ говорено въ предыдущихъ словахъ, что трудно бываетъ освободиться отъ душевныхъ страстей, происходящихъ отъ порока, всецѣло срастворившихся и сросшихся съ душою, обратившихся съ нею въ нѣчто единое. Поэтому. по очищеніи и истребленіи таковыхъ страстей огненными врачевствами, мѣсто cadaго свойства замѣнитъ собою представляемое лучшимъ: нетлѣніе, жизнь, честь, благодать, слава, сила, и если еще что иное сему подобное представляемъ умосозерцаемымъ и въ самомъ Богѣ и въ Его образѣ, то есть въ естествѣ человѣческомъ.

17. О МЛАДЕНЦАХЪ,

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ПОХИЩАЕМЫХЪ СМЕРТЮ.

КЪ ГЕРІЮ.

Тебѣ, доблестный мужъ, всѣ витіи и словесники покажутъ, конечно, силу въ словѣ, пускаясь, какъ бы на попріще кабое, на описываніе множества чудныхъ дѣлъ твоихъ; потому что какой либо важный и обширный предметъ, о которомъ и слово бываетъ высоко, возвышаемое величіемъ дѣла, когда предложенъ онъ сильнымъ въ словѣ, обыкновенно дѣлаетъ рѣчь какъ-то еще болѣе велегласною. Но мы, подобно устарѣвшимъ конямъ, оставаясь внѣ попріща, на которомъ состязуются, напряжемъ только слухъ къ состязаніямъ произносимыхъ о тебѣ рѣчей, не достигнетъ ли до насъ какой либо звукъ отъ слова, летящаго на стремительной и быстрой-

колесницѣ, при описаніи чудиыхъ дѣлъ твоихъ. Поеліку же бываесть, что конь, хотя по старости остается виѣ ристалища, но нерѣдко топотомъ скачущихъ возбужденный къ ретивости, поднимаетъ голову, смотритъ, какъ готовый къ ристанію, дышетъ раздраженію, часто двигаетъ ногами, ударяя копытами въ помясть, и одна только рѣтливость у него къ ристанію, а сила бѣжать давно истощена временемъ; подобнымъ сему образомъ и наше слово, по старости не входя въ состязаніе и уступая похвѣ сильнымъ ученостію, показываетъ тебѣ одно усердіе, съ какимъ желалъ бы подвизаться за тебя, если бы и мои силы процвѣтали, какъ и у тѣхъ, которые нынѣ стали сильны въ словѣ. Доказательство же усердія моего состоитъ не въ томъ, чтобы повѣствовать что-либо о твоихъ дѣлахъ; ибо въ этомъ едвали успѣсть сплнное и напряженное слово, и не останется много ниже достоинства. истолковывая эту необъяснимую стройность права, срастворенную изъ противоположностей. Какъ природа, нависшими бровями отѣняя чистый блескъ лучей, доставляетъ глазамъ срастворенный свѣтъ, такъ что пріятнѣе дѣлается сіяніе солнца, соразмѣрно потребности срастворяемое тѣнію бровей: такъ степенность и высота права, соединенныя въ мѣру съ смиренномудріемъ, не отвращаютъ отъ себя взоровъ взирающихъ на это, но дѣ-

лаютъ, что смотреть съ удовольствіемъ, такъ что и блистательность степенности не помрачается, и утаиваемое внутри не пренебрегается за смиреніе, но въ чемъ либо одномъ изъ этого равно усматривается и другое.—въ высочайшій простотѣ, и наоборотъ въ смиренномъ степенности.—Пусть другой описываетъ это, и восхваляетъ многоочитость души: власамъ на главѣ равночисленны, можетъ быть, душевные очи, всюду равно быстро и вѣрно видящія, такъ что и далекое усматриваютъ, и о близкомъ не остаются въ невѣдѣніи. учителемъ полезнаго не ждутъ себѣ опыта; а напротивъ того одно провидитъ очами надежды, другое знаетъ по памяти, а иное обозрѣваетъ въ настоящемъ, и все это въ совокупности, не смѣшивая, приводитъ въ исполненіе на всѣ таковыя дѣйствія примѣнительно раздѣляющійся умъ.

Достойному же богатству нищеты да дивится опять, кто въ нашъ вѣкъ умѣетъ подобное сему вмѣнять въ похвалу и чудо. Но, можетъ быть, если не было сего прежде, то нынѣ ради тебя процвѣтетъ любовь къ нищетѣ, и вмѣсто многоталантныхъ плывеъ Крезовыхъ убажено будетъ то, что самъ ты удостоишься плывеѣ: ибо кого столько блаженнымъ показали суша и море, снабжающія тѣмъ, что доставляютъ, сколько блаженною показало твою жизнь и расположеніе къ вещественному

изобилію? Какъ очищающіе съ желѣза ржавчину дѣлають его свѣтлымъ и серебристымъ: такъ у тебя лучъ жизни сталъ явственнѣе, непрестанно съ рачительностію очищаемый отъ денежной ржавчины. Пусть предоставлено будетъ и это сильнымъ въ словѣ, а также и то, какъ хорошо знаешь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ славнѣе брать, нежели быть чистымъ отъ взятокъ. Ибо позволь мнѣ съ дерзновеніемъ сказать, что не всякія взятки ты презираешь: но до чего изъ бравшихъ прежде тебя никто не могъ еще коснуться, за то одинъ хватаешься обѣими руками: ибо вмѣсто какой либо одежды, или невольниковъ, или денегъ, берешь самыя души человѣческія, и слагаешь ихъ въ сокровищницу любви. Пусть изображаютъ это словесники и витіи, которые въ украшеніе себѣ ставятъ краснѣе описать что либо подобное; а наше старческое слово въ такой только мѣрѣ движется, чтобы, идя шагъ за шагомъ, рѣшить твоею мудростію предложенную намъ задачу: что надлежитъ знать о похищаемыхъ преждевременно, у которыхъ рожденіе едва не соприкасается съ смертію? И мудрый изъ язычниковъ Платонъ, отъ лица одного ожившаго много любомудрствовавъ о судилищахъ за гробомъ, оставилъ это необъяснимымъ, очевидно, потому, что это выше подходящаго подъ человѣческій разумъ. Посему, если въ изслѣдованномъ есть нѣчто

такое, чѣмъ рѣшаются затрудненія въ задачѣ: то, конечно, примешь найдеинное рѣшеніе; а если нѣтъ, то извинишь, безъ сомнѣнія, старость, принявъ одно усердіе наше — сдѣлать для тебя что либо пріятное. Ибо и онѣй Ксерксъ, который всю подсолнечную едва не обратилъ въ военный станъ, и не подвижъ съ собою цѣлую вселенную, когда ополчился на еллиновъ, съ удовольствіемъ, какъ говоритъ исторія, принялъ даръ отъ нѣкоего бѣдняка, и подаркомъ была вода, пригомъ не въ сосудѣ принесенная, но захваченная во впадину ручной ладони. Такъ и ты по свойственной тебѣ высотѣ духа, безъ сомнѣнія, будешь подражать тому, для кого произволеніе сдѣлалось даромъ, если даже даръ наникъ окажется и малымъ и водянистымъ.

Какъ въ небесныхъ чудесахъ равно усматривается видимыя красоты и ученый и чловѣкъ простой, кому только случится обратить взоръ на небо, но разумѣютъ ихъ неодинаково, однимъ движетъ любомудріе, а другой предоставляетъ видимое однимъ чувствамъ. Послѣдній или услаждается лучами солнечнымъ, или красоту звѣздъ признастъ достойною удивленія, или наблюдаетъ число дисъ луннаго теченія въ мѣсяцѣ. А первый прозорливый душою, очистившій себя ученіемъ къ разумѣнію небесныхъ явленій, оставляетъ то, чѣмъ увеселяется чувство неразумныхъ, обра-

щаетъ же взоръ на стройность вселенной, по круговому движенію наблюдаетъ доброе согласіе движущихся противоположно, а именно, какъ правильнымъ вращеніемъ внутренніе круги совершаютъ обратное движеніе, — какъ усматриваемыя на нихъ звѣзды принимаютъ многообразныя виды, своими сближеніями, отдаленіями, прохожденіями внизу, затмѣніями, движеніями по бокамъ, всегда однимъ и тѣмъ же и одинаково производя непрерывную оную стройность; у нихъ положеніе и наималѣйшей звѣзды не остается неусмотрѣннымъ, но все возбуждаетъ равную заботливость въ преселившихся по мудрости умъ въ горнее. Подобно и ты, почтенная для меня глава, обращающая взоръ на Божіе въ существующемъ домостроительство, минуешь то, чѣмъ занята мысль многихъ (разумѣю богатство, кичливость, пожеланіе суетной славы, что блистая на подобіе лучей, изумляетъ обыкновенно неразумныхъ). но даже, по видимому, маловажнаго изъ примѣчаемаго въ существующемъ не оставляешь неизслѣдованнымъ, разыскивая и разсматривая исходство въ человѣческой жизни, не только открывающееся въ богатствѣ и бѣдности, или въ разности достоинствъ и родовъ (ибо знаешь, что это ничтожно потому что существуетъ не само въ себѣ, но въ суетномъ мнѣніи людей, удивляющихся несуществующему, какъ дѣйствительному; почему,

если кто у блистающаго славою отъиметь уваженіе имѣющихъ въ виду это, ничего не останется у думавшаго высоко о пустой надутости, хотя бы у него по случаю зарыто было все, изъ чего дѣлаются деньги). Но у тебя забота знать и иное въ Божіемъ домостроительствѣ, къ чему клонится каждое событіе въ мірѣ, почему у одного жизнь продолжается до отдаленной старости, а другой столько времени пользуется жизнью, чтобыдохнуть разъ воздухомъ, и тотчасъ перестать жить. Ежели ничего нѣтъ въ мірѣ безъ Бога, все же зависить отъ Божія произволенія, а Божество премудро и промыслительно: то, конечно, и сему есть разумная причина, заключающая въ себѣ признаки Божіей премудрости и вмѣстѣ промыслительною попечительности. Ибо происходящее напрасно и безъ разумной причины не будетъ Божіимъ дѣломъ; потому что Богу свойственно, какъ говоритъ Писаніе, творить *вся премудростію* (Псал. 103, 24.). Посему что же премудраго въ этомъ? Человѣкъ рожденіемъ вступилъ въ жизнь,дохнулъ воздухомъ, началъ жизнь воплемъ, отдалъ долгъ природѣ слезою, въ начатокъ жизни принесть плачь, и прежде нежели вкусилъ жизненныхъ пріятностей, прежде нежели развилось у него чувство, невлаждующій еще связями въ членахъ, слабый, съ неокрѣпшими, даже съ не-образовавшимися вполнѣ, членами, словомъ

сказать, прежде нежели сталъ человѣкомъ (если только отличительное свойство человѣка даръ разума, а этотъ не вмѣстилъ еще въ себя разума, ничего больше не имѣя сверхъ принадлежавшаго ему въ материей утробѣ, кромѣ одного появленія на воздухѣ), и въ этомъ возрастѣ поражается смертію, или подкинутый, или задушенный. или самъ собою отъ недуга окончившій жизнь. Чтѣ надлежитъ думать о немъ? Какъ судить о скончавшихся такъ? Увидитъ ли и эта душа Судію? Предстанетъ ли съ другими судилищу? Подвергнется ли суду за сдѣланное въ жизни? Приметъ ли воздаяніе по достоинству, или очищаемая огнемъ, по слову евангельскому, или прохладжаемая росой благословенія (Лук. 16, 24.)? Но не знаю, какъ надлежитъ разумѣть сіе о такой душѣ: ибо слово—воздаяніе значить, что непременно надлежитъ чему либо принесеннымъ быть напередъ; но кто вовсе не жилъ, у того нѣтъ ничего такого, чтѣ могъ бы онъ привести, а гдѣ нѣтъ даянія, тамъ не въ собственномъ смыслѣ употребляется и слово воздаяніе: и когда нѣтъ воздаянія, тогда и уповаемое ни добро, ни зло; потому что разумѣемое подъ тѣмъ или другимъ изъ двухъ именъ обѣщаетъ возмездіе. А чтѣ не причисляется ни къ добру, ни къ злу, то, безъ сомнѣнія, не принадлежитъ ни къ чему: потому что въ такомъ противоположеніи нѣтъ сре-

дины между крайностями, разумѣю между добромъ и зломъ, и того и другаго изъ нихъ не будетъ у неимавшаго ни того, ни другаго. Посему что ни въ добрѣ, ни въ злѣ, о томъ иный скажетъ, что того вовсе нѣтъ. А если кто будетъ говорить, что нѣчто таковое и есть и принадлежитъ къ добру, то, поелику Богъ даетъ, а не воздаетъ таковому блага, какую укажетъ причину такого надѣла? На какомъ основаніи будетъ доказывать справедливость сего? Какъ покажетъ согласіе этой мысли съ евангельскими словами? Тамъ говорится что у сподобившихся будетъ условная нѣкая купля царствія; поелику, сказано, сдѣлали вы то и то, въ правѣ за сіе пріять царствіе. А здѣсь, поелику нѣтъ никакого ни дѣйствія, ни произволенія, есть ли какой поводъ говорить, что и симъ будетъ отъ Бога уповаемое воздаяніе? Если же кто безъ изслѣдованія приметъ такое мнѣніе, что исшедшій такъ изъ жизни непременно будетъ причастникомъ благъ; то окажется изъ сего, что блаженіе жизни не быть причастнымъ жизни; если для умершаго въ младенчествѣ причастіе благъ несомнѣнно, хотя бы родился онъ отъ варваровъ, или былъ зачатъ отъ незаконнаго брака, а у прожившаго определенное и законное природою время, безъ сомнѣнія, къ жизни больше или меньше примѣшивается скверна порока; или, если намѣренъ совер-

шеино быть внѣ общенія съ зломъ; то для сего самаго потребно ему много потовъ и трудовъ, потому что не безъ усилій преспѣваетъ въ добродѣтели усердствующій о ней. и не безъ труда бываетъ для людей отчужденіе отъ удовольствій, такъ что пользующемуся долговременною жизнію непременно должно потерпѣть одно изъ двухъ огорченій, или въ настоящей жизни бороться съ многотрудностію добродѣтели, или въ будущемъ мучиться при воздаяніи скорбями за порочную жизнь. Но для умирающихъ прежде времени иѣтъ ничего подобнаго. Напротивъ того преждевременно преставившихся немедленно срѣтаетъ добрый жребій, если только справедливо мнѣніе такъ думающихъ. Посему въ слѣдствіе этого и неразуміе окажется предпочтительнѣйшимъ разума, и добродѣтель представится ничего позтому не стоящею. Ибо если не бываетъ ни какой утраты въ причастіи благъ у неучаствующаго въ добродѣтели: то суетное и бесполезное дѣло трудиться о ней, когда на судъ Божіемъ беретъ первенство состояніе неразумное.

Все это и подобное сему соображая въ умѣ, приказываемъ изслѣдовать мнѣніе объ этомъ, чтобы въ слѣдствіе разысканія мысль наша о семъ обосновалась на какомъ либо твердомъ понятіи. А я, примѣчая непроницаемость предложеннаго нашему размышленію, думаю,

что къ настоящей рѣчи примѣнимо сіе апостольское слово, въ которомъ изрекъ онъ о непостижимомъ, говоря: *о глубина богатства и пресудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путиЕ Его. Кто бо разумѣ уміе Господень* (Рим. 11, 33. 34)?

Поелику же Апостолъ говоритъ еще, что духовному свойственно судить о всемъ (1 Кор. 2, 15.), и одобряетъ тѣхъ, кого благодать Божія обогатила *во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ* (1 Кор. 1, 5.): то хорошо, полагаю, будетъ не возиерадѣть о посильномъ изслѣдованіи и не оставить вопроса объ этомъ неразобраннымъ и неразсмотрѣннымъ, чтобы, подобно предмету задачи, и рѣчь о немъ не обратилась въ нѣчто еще несовершенное, или и недозрѣлое, похожее на какого-то новорожденнаго младенца, подобно ему, прежде нежели произошла на свѣтъ и укрѣпилась въ силахъ, какъ бы отъ смерти какой погибая отъ лѣности безсильныхъ къ изысканію истины. Посему полагаю, хорошо будетъ не вдругъ, по примѣру витій и борцовъ, вступитъ въ устное состязаніе, напротивъ того, давъ рѣчи какой либо порядокъ, послѣдовательно пропзвести обзоръ предложеннаго вопроса.

Какой же это порядокъ? Сперва узнать, откуда естество человѣческое, и для чего пришло оно въ бытіе. Ибо если мы въ этомъ не

погрѣшимъ, то непогрѣшимъ и въ престо-
 ящемъ намъ обозрѣниі. Что отъ Бога все, что
 послѣ Него въ числѣ существъ въ природѣ
 представляемъ и видимъ имѣющимъ бытіе,
 доказывать сіе въ словѣ было бы излишнимъ,
 потому что никто, думаю, изъ сколько нибудь
 вникавшихъ въ дѣйствительность существъ,
 не будетъ оспаривать такого мнѣнія. Всѣ
 признаютъ, что все зависитъ отъ одной при-
 чины, и ни одно изъ существъ не имѣетъ
 бытія само отъ себя, и не служитъ само себѣ
 началомъ и виною; напротивъ того Одно Есте-
 ство несозданно и вѣчно, всегда одно и тоже
 и одинаково имѣетъ. выше всякаго простран-
 ственнаго представленія, не возрастаетъ, и не
 убываетъ, и представляется претупающимъ
 всякій предѣлъ. Его дѣло—и время, и мѣсто,
 и все, что въ нихъ, и если еще что прежде
 сего умное и премірное объемлется мыслию.
 Однимъ же изъ сотворенныхъ естествъ есть и
 естество человѣческое, какъ утверждаемъ, путе-
 водителемъ къ сему пользуясь нѣкимъ словомъ
 богодуховеннаго ученія, которое говоритъ,
 что, по приведеніи всего въ бытіе Богомъ,
 явился на землѣ и человѣкъ, естество сраст-
 воренное изъ инороднаго, между тѣмъ какъ
 Божественная и духовная сущность вступила
 въ единеніе съ удѣленною ему долей каждой
 стихіи. Приведенъ же человѣкъ Творцемъ въ
 въ бытіе, чтобы ему быть одушевленнымъ

нѣкимъ подобіемъ Божественной и превысшей силы. Но лучше представить самое изреченіе, которое читается такъ: сказано: *и сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27.).

Причиною же устроения сего живаго существа нѣкоторые изъ бывшихъ прежде насъ представляли слѣдующее: вся тварь дѣлится на двѣ части, какъ говоритъ Апостолъ, на *видимая и невидимая* (Кол. 1. 16.); невидимымъ означаетъ умопостигаемое и безплотное, а видимымъ—подлежащее чувствамъ и тѣлесное. Итакъ, поеліку всѣ существа дѣлятся на двѣ сін части, то есть на чувственное и на умопредставляемое, и поеліку естество ангельское и безплотное, которое принадлежитъ къ невидимому, обитаетъ въ мѣстахъ премірныхъ и пренебесныхъ, такъ какъ мѣсто обитанія сообразно естеству (естество духовное есть нѣкое тонкое, чистое, не тяжелое и удобоподвижное, и тѣло небесное тонко, легко, приснодвижно), а земля, которая составляетъ нѣчто крайнее въ чувственномъ, несвойственна и неприлична къ пребыванію на ней существъ умопредставляемыхъ (ибо какое будетъ общеніе несущагося ввыспрь и легкаго съ тяжелымъ и гнетущимъ внизъ?); то, чтобы земля не осталась совершенно немѣющею части и долн въ пребываніи естествъ духовныхъ и безплотныхъ, для сего наилучшимъ промысле-

ніемъ приведено въ бытіе естество человѣческое, когда духовная и Божественная сущность души облечена землянистою частию, чтобы, сообразно этой части, сродной съ гнетущимъ вннзъ и тѣлеснымъ, душа жила въ земной стихіи, имѣющей нѣчто близкое и однородное съ сущностію плоти.—Цѣль же сотвореніаго та, чтобы во всей твари духовнымъ естествомъ прославляема была всего превышшая Сила, когда небесное и земное однимъ и тѣмъ же дѣйствованіемъ, разумѣю обращеніе взора къ Богу, соединяется между собою къ одной и той же цѣли. Это же дѣйствованіе—обращеніе взора къ Богу, не иное что есть, какъ жизнь, свойственная и сообразная духовному естеству. Ибо какъ тѣла, будучи земными, поддерживаются земными снѣдами, и въ нихъ примѣчаемъ нѣкоторый родъ жизни тѣлесной, одинаково совершающійся въ безсловесныхъ и словесныхъ: такъ надлежитъ предположить, что есть и нѣкая умомъ постигаемая жнзнь, которою естество соблюдается въ существованіи. Если же плотская пища, будучи чѣмъ-то притекающимъ и утекающимъ, самымъ прохожденіемъ своимъ влагаетъ нѣкую жизненную силу въ тѣхъ, въ коемъ она бываетъ; то приобщеніе истинно сущаго, всегда пребывающаго и вѣчно неизмѣняющагося, не гораздо ли паче сохраняетъ въ бытіи приобщающагося? Посему, если свойственная и прилич-

ная духовному естеству жизнь та, чтобъ быть причастнымъ Бога; то не произойдетъ приобщенія между противоположными, если желающее приобщенія не будетъ нѣкоторымъ образомъ сродно съ тѣмъ, чего приобщается. Ибо какъ глазъ услаждается свѣтомъ, потому что въ себѣ самомъ имѣетъ естественный свѣтъ для воспринятія однороднаго съ нимъ, и ни перстъ, ни другой какой изъ членовъ тѣла не производитъ зрѣнія, потому что ни въ какомъ другомъ членѣ не заготовлено природою свѣта: такъ, чтобы содѣлаться причастникомъ Божиимъ, совершенно необходимо въ естествѣ приобщающагося быть чему либо сродному съ тѣмъ, чего оно приобщается. Посему Писаніе говоритъ, что человекъ сотворенъ по образу Божію, чтобы, какъ думаю, подобнымъ взирать на подобное; обращать же взоръ къ Богу, какъ сказано выше, есть жизнь души. Поелику же незнаніе истинно добраго, подобно какому-то туману, потемняло нѣсколько зрительную силу души, а сгустившійся туманъ сталъ облакомъ, такъ что въ глубинну незнанія не проникаетъ лучъ истины, то съ удаленіемъ свѣта необходимо оскудѣла въ душѣ и жизнь. Ибо сказано, что истинная жизнь души производится приобщеніемъ добраго, а при незнаніи, препятствующемъ богопознанію, душа, не будучи причастницею Божіею, лишается жизни.

Никто да не требуетъ отъ насъ родословія

невѣдѣнію, спрашивая: откуда оно, и отъ чего? Напротивъ того изъ самаго значенія имени да разумѣть, что вѣдѣніе и невѣдѣніе показываютъ, что душа имѣетъ нѣкое отношеніе къ чему-то. Но ничто умопредставляемое и сказуемое о чемъ либо не выражаетъ сущности. Ибо иное понятіе относящагося къ чему либо, и иное сущности чего либо. Посему, если вѣдѣніе есть не сущность, но околичное дѣйствіе мысли, то тѣмъ паче невѣдѣніе должно признать далеко отстоящимъ отъ того, что въ сущности; а что не въ сущности, того вовсе нѣтъ. Посему напрасно было бы о томъ, чего нѣтъ, довѣдываться, откуда оно. Итакъ, поелику Писаніе говоритъ, что причастіе Бога есть жизнь души, а причащеніе, по мѣрѣ вмѣстительности, есть вѣдѣніе, невѣдѣніе же есть неосуществленіе чего либо, а напротивъ того отъятіе дѣятельности вѣдѣнія, и какъ скоро не стало совершаться причастіе Бога, необходимо послѣдовало отчужденіе отъ жизни, это же было бы крайнимъ изъ золъ; то въ слѣдствіе сего Творецъ всякаго блага производитъ въ насъ врачеваніе отъ зла (ибо врачеваніе есть благо), -- но способа врачеванія конечно незнаетъ тотъ, кто не обращаетъ взора къ евангельскому таинству. Посему, какъ, по доказанному, худо быть отчужденнымъ отъ Бога, Который есть жизнь: то къ врачеваніямъ отъ такого недуга служить усвое-

ніе Богу и вступленіе снова въ жизнь. И какъ жизнь сія естеству человѣческому предлежитъ въ упованіи, то нельзя въ собственномъ смыслѣ сказать, что воздаяніемъ за прѣжнія добрыя дѣла бываетъ причастіе жизни, и обратно наказаніемъ за дѣла худыя. Напротивъ того утверждаемое подобно сказанному въ примѣрѣ о глазахъ. Ибо не говоримъ что какою либо наградою и отличіемъ имѣющему чистое зрѣніе служитъ пониманіе видимаго, или на оборотъ больному глазами — наказаніемъ или карательнымъ послѣдствіемъ то, что лишень онъ зрительной дѣятельности. Напротивъ того, какъ потому, у кого расположено все естественно, необходимо слѣдуетъ видѣть, а кто болѣзнію выведенъ изъ естественнаго положенія, у того зрѣнію оставаться бездѣйственнымъ; такъ, подобно сему, и блаженная жизнь сродна и свойственна имѣющимъ чистыя чувствилища душъ, а у кого болѣзнь певдѣнія, подобно какому-то гною, служитъ препятствіемъ къ приобщенію истиннаго свѣта, для того необходимымъ послѣдствіемъ бываетъ — не имѣть части въ томъ, приобщеніе чего называемъ жизнью для приобщающагося

А при такомъ раздѣленіи снхъ понятій, время уже намъ приступить къ изслѣдованію въ словѣ предложеннаго вопроса. Говорено же было нѣчто подобное сему. Если воздаяніе благъ дѣлается по справедливости; то въ чи-

слѣ какихъ будетъ окончившій жизнь въ младенчествѣ и въ продолженіе сей жизни не сдѣлавшій ни добра, ни зла, чтобы за сіе сдѣлано ему было воздаяніе по достоинству? На сіе, взирая на вытекающее изъ изслѣдованнаго, отвѣчаемъ, что ожидаемое благо, хотя по природѣ свойственно человѣческому роду, однако же оно же самое въ нѣкоторомъ смыслѣ называется и воздаяніемъ. И сія мысль уяснится опять тѣмъ же примѣромъ. Предположимъ въ словѣ, что два человѣка имѣютъ зрѣніе, постигнутое какимъ-то недугомъ, и одинъ изъ нихъ съ большимъ тщаніемъ предалъ себя врачеванію, переноса всѣ предписанія врачебнаго искусства, какъ бы трудны оны ни были: а другой пусть до невоздержности расположенъ будетъ къ баямъ и употребленію вина, не принимая отъ врача никакого совѣта къ сохраненію здравія глазъ. Посему, смотря на конецъ, постигающій того и другаго, говоримъ, что оба достойно воспріемлютъ плоды своего произволенія, именно же одинъ—лишеніе свѣта, а другой наслажденіе свѣтомъ. Ибо что по необходимости слѣдуетъ, то по неточному словоупотребленію называемъ воздаяніемъ. Это можно сказать и на вопросъ о младенцахъ: наслажденіе оною жизнью свойственно человѣческой природѣ; но какъ всѣмъ почти живущими въ плотнѣ обладаетъ болѣзнь невѣдѣнія; то очистившій себя надлежащими враче-

ваніямъ, и какъ бы гной какой съ душевнаго ока смывшій невѣдѣніе, достойно пользуется выгодною раченіа, вступая въ жизнь для него естественную, избѣгающій же очистительныхъ средствъ добродѣтели и обольстительными удовольствіями болѣзни невѣдѣнія дѣлая въ себѣ неисцѣльною, по протівоестественному расположенію, отчуждается отъ того, что естественно, и дѣлается немнѣющимъ части въ свойственной и припчной намъ жизни: не искушившійся же въ злѣ младенецъ, поеленку душевнымъ очамъ его никакая болѣзнь не препятствуетъ въ причастіи свѣта, пребываетъ въ естественномъ состояніи, не имѣя нужды въ очищеніи къ возстановленію здравія: потому что въ началѣ не пріялъ въ душу болѣзни.

И миѣ кажется, что настоящій образъ жизни по нѣкоторому сходству и близокъ у него съ жизнію ожидаемою. Ибо какъ первый младенческій возрастъ воспитывается насыщаемый сосцею и молокомъ. потомъ за сею пищею слѣдуетъ другая, сообразная возрасту, свойственная и пригодная питаемому, пока не приѣтъ онъ въ совершенство: такъ, думаю, и душа свойственной естеству ея жизни пріобщается въ нѣкоемъ порядкѣ, и въ послѣдовательности всегда посредствомъ припчнаго ей, сколько вмѣщаетъ и можетъ, пріемля предлагаемое въ блаженствѣ, какъ подобное сему дознали мы и отъ Павла,

который иначе питаетъ возрашаго уже въ добродѣтели, и иначе младенца и несовершенного. Ибо таковымъ говорятъ: *млекоже вы напоихъ, а не брашноже: ибо не уможасите* (1 Кор. 3, 2). а исполнившимъ мѣру духовнаго возраста: *совершенныхъ же есть твердая пища, и мзницихъ чувствіа обучена дошлихъ ученихъ* (Евр. 5, 14.). Посему, невозможно сказать, что въ одинаковомъ состоящій мужъ и младенецъ, если и какая болѣзнь не коснулася ни того, ни другаго изъ нихъ (ибо какъ ощутятъ равное услажденіе испричающіеся одного и того же?): напротивъ того, хотя о мужѣ и о младенцѣ подобнымъ образомъ говорится, что не страдаютъ какою либо болѣзнію, пока тотъ и другой не подлежатъ страсти, однакоже наслажденіе пріятнымъ неодинаково въ нихъ совершается (мужу можно увеселяться словами, быть первымъ въ дѣлахъ, съ похвалою проходить начальственные должности; прославляться благодѣяніями нуждающимся, сожителствовать съ супругою, если найдется ему по сердцу, управлять домомъ, имѣть всѣ пріятности, какія только можно находить въ преходящей сей жизни, занимательное для слуха и зрѣнія, ловли, бани, тѣлесныя упражненія, пиры, забавы, и если еще есть что иное сему подобное; а младенцу забава—молоко, объятія кормилицы и тихое движеніе, наводящее сонъ и услаждающее; другаго же веселія, которое было бы выше

сего, несовершенство возраста не имѣть возможности и вмѣстѣ). Симвъ образомъ воспитавшіе души добродѣтелию въ настоящей жизни и, какъ говоритъ Апостолъ, обучившіе духовныя *чувствія* свои, если переселятся въ оную безплотную жизнь, то, соотвѣтственно тому навыку и той силѣ, какія приобрѣтены, причастятся божественнаго наслажденія, больше или меньше, по настоящей силѣ cadaго участвуя въ предлагаемыхъ благахъ. Душа же невкусившая добродѣтели, хотя пребываетъ непрчастною золь, слѣдствій грѣха, какъ въ началѣ еще необтѣтая недугомъ порока; въ той жизни, которую предшествующее слово опредѣлило состоящею въ богопознаніи и въ общеніи съ Богомъ, столько участвуетъ на первый разъ, сколько вмѣщаетъ питаемое, пока, какъ бы нѣкою приличною снѣдію, приведенная въ мужество созерцаемъ Сущаго, не содѣлается вмѣстительною для большихъ, свободно въ обиліи причащаясь дѣйствительно сущаго.

Взирая на это, хотя и утверждаемъ, что равно свободна отъ золь, слѣдствій грѣха, душа, какъ у ходящаго во всякой добродѣтели, такъ и вовсе неимѣющаго части въ жизни, однакоже не представляемъ себѣ жителство того и другаго изъ нихъ одинаковымъ. Ибо одинъ, какъ говоритъ Пророкъ, слышалъ повѣданія небесъ, которыми возвѣщается Бо-

жія слава (Пс. 18, 2.), и путеводемъ былъ тварію къ познанію Владыки твари, и усматриваемою въ существахъ премудростію пользовался, какъ наставницею дѣйствительной Мудрости. представивъ себѣ красоту сего свѣта, по сходству представлялъ мысленно красоту истиннаго Свѣта. и по твердости земли обучался познавать неизмѣняемость Сотворившаго ее, помысливъ о неизмѣримой величавѣ неба, приводимъ былъ самъ къ безпредѣльности и неограниченности всеобъемлющей Силы. видя же солнечные лучи. доходяшіе до насъ съ такихъ высотъ, удостовѣрялся видимымъ. что промыслительныя Божіи дѣйствія не безсильны исходить съ высоты Божества до каждаго изъ насъ. Ибо если свѣтило, будучи единымъ, общею свѣтоносною силою объемлетъ все подлежащее. и удѣляя себя всѣмъ пользующимся свѣтомъ его, каждому представляется цѣлымъ и нераздѣльнымъ;—то кольми паче Создатель сего свѣтила, и бываетъ *всяческая во всѣхъ*, какъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. 15, 28.), и присущъ каждому, въ такой мѣрѣ сообщая Себя самаго, въ какой вмѣщаетъ пріемлющій. Да и кто, увидѣвъ на землѣ колосъ и отпрыскъ растенія, и зрѣлый гроздь, и красоту осени въ плодахъ или цвѣтахъ, и свободно извивающійся знакъ, и гору, вершиною простирающуюся въ эфирную высоту, и въ подгорьяхъ источники, какъ изъ

соспевъ вытекающіе изъ пустотъ въ горѣ, рѣки, текущія по русламъ, море, отовсюду принимающее въ себя потоки и пребывающее въ мѣрѣ своей, ограничивающее волны берегами, это море, невыступающее за установленные предѣлы на сушу,—обращая вниманіе на это и на подобное сему, не переберетъ въ умѣ всего, что служить къ изученію Сущаго, если хотя мало запасася силою къ участию въ ономъ наслажденіи? Умолчу о тѣхъ наукахъ, которыми умъ поощряется къ добродѣтели, о геометріи, объ астрономіи, о познаніи истины съ помощію числа, о всякомъ способѣ доказывать неизвѣстное и подтверждать понятное; прежде же всего о любомудріи богодухновеннаго Писанія, производящемъ совершенное очищеніе въ обученныхъ имъ Божественнымъ тайнамъ.

Но кто не пріобрѣлъ познанія ни о чемъ этомъ, не руководился міромъ къ уразумѣнію премірныхъ благъ, но какимъ-то слабымъ, необученнымъ, необразованнымъ по уму проходилъ жизнь, тотъ не въ томъ же будетъ состояніи, въ какомъ слово изобразило предъ симъ представленнаго, такъ что отъ сего по изложенному нами противоположенію, не вкусившій жизни не окажется блаженнѣйшимъ того, кто жилъ хорошо. Ибо жившаго порочно будетъ блаженіе не только не искусившійся во злѣ, но и въ началѣ невступавшій

въ жизнь. Подобное сему изъ евангельскаго слова дознали мы объ Іудѣ, а именно, что въ такомъ случаѣ вовсе не существовать—лучше существованія во грѣхѣхъ (Матѣ. 26, 24.); ибо для одного, по причинѣ глубоко укоренившагося порока, очистительное наказаніе продолжится въ безконечность, а несущаго какъ коснется мученіе? Но если кто жизнь младенческую и незрѣлую сравнивать будетъ съ жизнію добродѣтельною, то таковой, произнося о существахъ подобное сужденіе, самъ незрѣлъ.

Итакъ спрашиваешь: почему находящійся въ такомъ возрастѣ изводится изъ жизни? Что достигается чрезъ это промысломъ Божественной Премудрости? Но если говоришь о дѣтяхъ, которыя служатъ обвиненіемъ беззаконнаго зачатія, и потому истребляются родившимися, то несправедливо будетъ отчета въ дѣлахъ порочныхъ требовать у Бога. Который не хорошо въ этомъ сдѣланное подвергаетъ суду. Если же кто изъ воспитываемыхъ родителями и пользующихся попечительнымъ за ними уходомъ и усердными о нихъ молитвами, при всемъ томъ не наслаждается однакоже жизнію, по причинѣ же смерти одолевшаго недуга (въ семъ, безъ сомнѣнія, состоитъ единственная причина); то галеемъ о подобномъ сему такъ: совершенному промыслу свойственно не только врачевать обна-

ружившіяся немощи. но и промыслять, чтобы и первоначально не впалъ кто въ запрещенное. Ибо Тому, Кто будущее знаетъ наравнѣ съ прошедшимъ, справедливо воспрепятствовать продолженію жизни младенца до совершеннаго возраста, чтобы сплюю предвѣдѣнія предусмотрѣнное зло не б ъ было совершено. если младенецъ останется въ живыхъ, и чтобы жизнь того, кто будетъ жить съ такимъ произволеніемъ, не сдѣлалась пищею грѣха. И эту мысль не трудно представить въ какомъ либо примѣрѣ. Пусть предположительно на пиру предложено какое либо всякаго рода угощеніе, распоряжается же нѣкто такой изъ пирующихъ, который въ точности знаетъ свойства природы cadaго, и что такому-то сложенію тѣла прилично, а что вредно и не-свойственно; и придана ему полпомочная нѣкая власть, по собственному своему изволенію, одному дозволить, а другому воспре-щать вкушеніе предлагаемаго, и все дѣлать, чтобы каждый, по сложенію своему, касался приличнаго ему, и человекъ болѣзненный не возбуждалъ въ себѣ болѣзни, вкушенною снѣдію прибавивъ ей пищи, и крѣпкій здоровь-емъ не пострадалъ отъ непригодной ему пи-ща, внавь въ отяготительное многосочіе. При этомъ кто нибудь изъ пристрастныхъ къ пїянству выводнтся, или въ половинѣ пира, или въ началѣ опьяненія, или остается до

конца вечера, какъ заблагоразсудить объ этомъ распорядитель, чтобы трапеза была достаточно благоприличною, безъ худыхъ послѣдствій пресыщенія, упоенія и помраченія въ умѣ. Посему, какъ отвлекаемый отъ наслажденія запахомъ приправъ не съ удовольствіемъ принимаетъ лишеніе того, что ему нравится, но осуждаетъ распорядителя въ нѣкоей безразсудности, будто бы по какой-то зависти, а не по предусмотрительности. Удерживаетъ отъ предлагаемаго: если же посмотреть, какъ еще съ продолжающимся употребленіемъ вина ведутъ себя неприлично, чувствуя тошноту, отяжеленіе въ головѣ и говоря, чего бы не должно было; то признаетъ свою благодарность тому, кто прежде такого неприличія не допускалъ до неумѣреннаго пресыщенія. Такъ если понять нами этотъ примѣръ; то нетрудно будетъ сокрытое нами въ немъ начало распространить на предложенную мысль. Ибо, что было у насъ предложено? Почему Богъ, когда родители прилагаютъ великое стараніе сохранить себѣ преемника въ жизни, часто попускаетъ, что рожденное подъ конецъ жизни бываетъ похищено преждевременно? Возражающимъ такъ отвѣчаемъ этимъ примѣромъ пира, что для жизненной трапезы уготовано много и всякаго рода снѣдей, разумѣй же это подобно опытнымъ въ поваренномъ искусствѣ, что не все въ этой жизни

подслащено медомъ удовольствія, напротивъ того бываетъ иногда что жизнь приправляется жестокими событіями, какъ ухитряются искусники доставлять удовольствія чреву на пирахъ, возбуждая въ угощаемыхъ позывъ или острымъ, или соленымъ, или вяжущимъ. Итакъ, поелпку жизнь не во всемъ сладка, какъ медъ, но въ иныхъ случаяхъ приготовленная снѣдь бываетъ или соленая, или вяжущая, или кислая, или какое либо острое и ѣдкое качество, ощущаемое въ обстоятельствахъ жизни, дѣлаетъ приправу ея неудобоснѣдомою, а обольстительныя чаши нацолнены всякаго рода смѣсями: одиѣ обольстительною кичливостію производятъ страсть надменія, другія доводятъ піющихъ до затмѣнія ума, а въ иныхъ возбуждаютъ изверженіе и срамное возвращеніе пріобрѣтеннаго худо. Посему, чтобы, при таковомъ уготовленіи трапезы, не замедлилъ на пиру воспользовавшийся имъ, не какъ было должно, скорѣе выводится онъ изъ собранія угощаемыхъ, пріобрѣтая ту выгоду, что не доходитъ до состоянія, причиною котораго для ненасытныхъ дѣлается неумѣренность наслажденія. Сіе-то и называю добрымъ дѣломъ совершеннаго промышленія,—не только уврачевать обнаружившуюся страсть, но и положить ей препятствіе прежде обнаруженія. Вотъ наша мысль о смерти недавно рожденныхъ, а именно: Кто все творитъ съ разумомъ, Тотъ по человѣко-

любію отъемлетъ пищу у порока, не давая времени произволенію, предусмотрѣнному склою предвѣдѣнія, обнаружитъ себя дѣлами въ прензбытѣ порока, какого достигнетъ оно, когда имѣетъ стремленіе къ злу. Нерѣдко же учредитель жизненнаго пира подобнымъ сему обличаетъ примышлениую необходимость сребролюбія, чтобы, какъ думаю, недугъ сребролюбія оказался обнаженнымъ отъ благовидныхъ покрововъ, незатѣяемый ни одною ложною завѣсою. Ибо многіе говорятъ, что для того и разширяются въ пожеланіяхъ большаго, чтобы рожденныхъ ими содѣлать болѣе богатыми. А это собственная ихъ болѣзнь, происходящая не отъ нужды, что обличаетъ лишенная всякаго предлога любостыжательность бездѣтныхъ. Ибо многіе, не имѣя и не надѣясь имѣть наслѣдника тому, надъ чѣмъ такъ много трудились, вмѣсто множества чадъ питаютъ въ себѣ тысячи пожеланій, не зная, на кого и сложить необходимость сего недуга.

Но иные худо проводятъ жизнь, они мучители, жестоки произволеніемъ, поработены всякому непотребству, до неистовства раздражительны, готовы на всякое неисцѣльное зло, разбойники, человекоубійцы, предатели отечества; и что еще преступнѣе этого, отцеубійцы, матереубійцы, дѣтоубійцы, съ неистовствомъ предаются беззаконнымъ смѣшеніямъ, и будучи таковыми, состарѣваются въ

этихъ порокахъ; какъ же, скажетъ иный, согласить это съ найденнымъ выше? Ибо если преждевременно похищаемые смертію, чтобы по сказанному въ примѣрѣ, не до конца пирасъ ненасытностію предавались страстямъ жизни сей, по предусмотрительности уводятся съ жизненнаго пира; то почему таковой до старости безчинствуетъ на пршествѣ, и себѣ и сопшественникамъ расточая дурную смѣсь золь? Почему, безъ сомнѣнія, скажешь, одинъ промыслительно изводится изъ жизни прежде, нежели произволеніе усовершилось во злѣ. а другій оставляется сдѣлаться такимъ, что лучше было бы ему вовсе не приходить въ бытіе? На сіе болѣе сознательнымъ дадимъ нѣкій такой отвѣтъ, что часто жизнь прожившихъ хорошо бываетъ причиною лучшей участи и для тѣхъ, которые отъ нихъ произошли. Тысячи сему свидѣтельствъ въ богодухновенномъ Писаніи, изъ которыхъ ясно узнаемъ, что въ благопопечительности Божіей, оказанной достойнымъ, участвуютъ и происшедшіе отъ нихъ. Но главнымъ будетъ добромъ—сдѣлаться препятствіемъ къ пороку для кого нибудь, кто, безъ сомнѣнія, сталъ бы жить порочно. А поелику здѣсь рѣчь гадаеть о неизвѣстномъ, то никто, конечно, не будетъ обвинять, что догадка ведетъ мысль ко многимъ заключеніямъ. Ибо иный скажетъ, что Богъ не изъ мплости только къ родоначальникамъ изводитъ

изъ худой жизни того, кто будетъ жить худо, но если бы и ничего такого не произошло съ похищаемыми преждевременно, то не безразсудно думать, что болѣе было бы опасностей отъ проведенной ими порочной жизни, нежели отъ жизни каждаго изъ содѣлавшихся извѣстными въ продолженіе ея дурными дѣлами. Потому что ничего не бываетъ безъ Бога, какъ дознали мы изъ многого, и опять, что дѣлается по Божію домоостроительству, то неслучайно и не неразумно, какъ исповѣдуетъ это всякій, кто знаетъ, что Богъ есть разумъ, и премудрость, и всякая добродѣтель, и истина. А что отъ разума, то не неразумно, и что отъ премудрости, то не есть невѣжество; и добродѣтель и истина (κ) не допустить недоблестнаго и чуждаго истинѣ. Посему по сказаннымъ ли причинамъ похищаются иные преждевременно, или есть нѣчто иное, кромѣ сказаннаго; конечно, надлежитъ согласиться, что бываетъ это съ лучшею цѣлюю.

Но наученный апостольскою мудростію, знаю и другое нѣкое основаніе, по которому нѣкоторые, по своему произволенію превзошедшіе другихъ въ пороки, остаются въ жизни. На долго занявшись такою мыслию въ

(κ) Слова, начиная отъ словъ: „а что“ и кончая сими, переведены съ латинскаго, а въ греческомъ пропущены.

словѣ къ римлянамъ и противопоставивъ себѣ естественно слѣдовавшее возраженіе, что несправедливо было бы порочному оставаться еще въ отвѣтѣ, если отъ Бога то, что онъ худъ, какимъ бы, конечно, не былъ, если бы это было противъ воли Властителя существъ, Апостолъ такъ встрѣчаетъ эту мысль, при глубокомъ нѣкоемъ взглядѣ рѣшая возраженіе. Онъ говоритъ, что Богъ каждому удѣляетъ по достоинству, иногда и пороку даетъ мѣсто съ лучшею цѣлію. Ибо для того позволилъ придти въ бытіе и сдѣлаться такимъ египетскому мучителю, чтобы пораженіемъ его наученъ былъ Израиль, великій этотъ народъ, превосходящій всякое численное представленіе; потому что Божія сила равно во всемъ познается, когда она достаточна и благодѣтельствовать достойнымъ и наказывать худыхъ (1). Поелику же оному народу непремѣнно надлежало быть преселеннымъ изъ Египта, чтобы у него не произошло какого либо общенія въ худыхъ качествахъ погрѣшительной жизни египтянъ: то посему самому этотъ богоборецъ, всякимъ зломъ ичвинный. Фараонъ при жизни благодѣтельствуемыхъ Богомъ выплылъ и процвѣталъ, чтобы, когда двоякое Божіе дѣйствіе по достоинству дѣ-

(1) Слова, „и наказывать худыхъ“ добавлены по латинскому переводу.

лится на того и другаго, Израиль приобрьлъ сугубое вѣдѣніе, на себѣ изучая лучшую долю. а на наказанныхъ за порокъ виця горестную; такъ какъ Богъ по превзыбтку премудрости умѣетъ и зло обращать въ содѣйствіе добру. Ибо художникъ (если надобно, чтобы и нашими словами подтверждалось апостольское слово), когда онъ искусствомъ своимъ въ какое либо полезное въ жизни орудіе обдѣлываетъ желѣзо, потребно бываетъ не то одно. которое по какой-то естественной мягкости легко уступаетъ искусству, но хотя желѣзо бываетъ крайне упрочно, хотя не скоро умягчается въ огнѣ, и по его жесткости и твердости невозможно выдѣлать изъ него сосудъ употребительный въ жизни, искусство ищетъ и его содѣйствія. Ибо употребляетъ такое желѣзо на наковальню, чтобы ударами по ней изъ годнаго въ дѣло и мягкаго выколотить что нибудь служащее къ употребленію.

Но скажетъ нный: не всѣ въ этой жизни повесли наказаніе за свою негодность, да и живущіе добродѣтельно не всѣ въ настоящей жизни пользуются трудами ради добродѣтели. Посему, спроситъ, что же имъ пользы отъ жившихъ порочно и ненаказанно? И на это представляю тебѣ причину, которая выше человеческихъ помысловъ. Ибо великій Давидъ въ одномъ мѣстѣ своего пророчества говоритъ, что для доблестныхъ нѣкую часть веселія

составляетъ и подобное слѣдующему, когда они въ противоположность благамъ, какія имъ присвоены, видятъ гибель осужденныхъ. *Возвеселился праведникъ*, говоритъ онъ, *егда увидитъ отпущеніе нечестивому: рущь свои омыетъ въ крови грѣшника* (Пса. 57, 11), — не потому что радуется мученіямъ скорбящихъ. но потому что тогда наипаче познаетъ пріобрѣтаемое достойными отъ добродѣтели. Ибо означаетъ сказаннымъ, что добродѣтельнымъ къ увеличенію и успленію веселія служить сравненіе противоположностей. Сіе выраженіе: *рущь омыетъ въ крови грѣшника*, заключаетъ въ себѣ такую мысль, что чистота дѣятельности его въ жизни доказывается гибелію грѣшныхъ. Ибо реченіе: *омыетъ* выражаетъ представленіе чистоты. *Кровію* же никто не омывается, а напротивъ оскверняется; почему дѣлается чрезъ это явнымъ, что противоположеніе неспріятнаго показываетъ блаженство добродѣтели.

Итакъ слово сіе надлежитъ свести въ краткую рѣчь, чтобы изслѣдованныя мысли сдѣлались для памяти болѣе легкими. Преждевременная кончина младенцевъ не ведетъ къ мысли, что скончавшій такъ жизнь несчастливъ, или что равенъ онъ очистившимъ себя въ настоящей жизни всякою добродѣтелію; потому что Богъ, по лучшему Своему промысленію, предотвращаетъ безмѣрность золь въ тѣхъ, которые стали бы жить во злѣ. А что

нѣкоторые изъ злыхъ живутъ долго, сіе не опровергаетъ высказанной мысли; потому что по милости къ родившимъ не допускается до нихъ зло. Но тѣмъ, которые не пмѣли отъ родителей какого либо дерзновенія предъ Богомъ, не передается этотъ родъ благодѣянія и происшедшимъ отъ нихъ. Или тотъ, кому смерть воспрепятствовала сдѣлаться худымъ, оказался бы гораздо худшимъ пріобрѣтшихъ извѣстность порочностію. если бы невозбранно сталъ жить дурно. Или, если нѣкоторые дошли до самой крайней мѣры порочности: то апостольскій взглядъ на сіе успокоиваетъ пытливость тѣмъ, что Творящій все съ премудростію умѣетъ и посредствомъ зла содѣлывать нѣчто доброе. Если же кто достигъ крайности въ дурной жизни, и по приведенному нами примѣру, ни на что полезное не выкованъ художествомъ Божиимъ, то сіе служить къ приращенію веселія жившихъ хорошо, какъ даетъ разумѣть пророчество, чего да не вмѣняетъ кто либо въ маловажное изъ благъ и въ недостойное Божія промышленія.

18. НА СВОЕ РУКОПОЛОЖЕНИЕ (м).

Служеніе духовному пиру дошло и до насъ, способныхъ болѣе пользоваться услугами другихъ, нежели себя предлагать въ услугу другимъ. И я всячески упрасивалъ освободить меня отъ такихъ даней по убожеству моему въ словѣ, ссылаясь на пѣкій законъ пиршествъ. Ибо слышу, что, когда готовится круговой пиръ съ общимъ ужиномъ, распорядители учрежденія, если кто въ списокѣ угощаемыхъ бѣденъ, приглашаютъ его на ужинъ, освобождая отъ общаго вклада. Такъ хотѣлось бы и мнѣ насытиться пищею богатыхъ. Но поелику прекрасный и богатый этотъ учредитель пира не щадить и насъ, по повелѣваетъ служить; то скажу ему: *друзе, даждь ми взамъ хлѣбы*

(м) См. Жизнь св. Григорія въ Приб. къ Тв. Св. От. въ р. пер. 1861 г. с. 57. прим. з.

твоей (Лук. 11. 5.); а хлѣбамъ называю со-
дѣйствіе молитвъ. Ибо слухъ вашъ, улаждав-
шійся духовнымъ этпмъ сотамъ, можно ли удо-
вольствоваться убогимъ и скуднымъ словомъ?
Можетъ быть, лучше было бы, еслибъ, какъ
въ тѣлесныхъ борьбахъ (а тамъ однимъ силь-
нымъ принадлежитъ поприще, прочіе же бы-
ваютъ зрителями подвизающихся), такъ и на
духовное это поприще уготовлялись въ подвиж-
ники одни пренесенные силою стягыхъ.
А если кто походить будетъ на мена, у кото-
раго и волосъ сѣдъ, и сила отъ времени
ослабла, рѣчь запинаясь и дрожитъ, тому поз-
воляя увеселяться подвигами борцовъ. По-
сему не продлилъ для васъ, братія, сего всту-
пленія, вы исполнены удивленія къ предше-
ственникамъ. *Се сити есте, се обогатистеся*
(1 Кор. 4, 8.), а насытились вы сладостей по
тому, что имъ напитало васъ предшествующее
слово. Потому, можетъ быть, бесполезную
сытость къ сытости прибавляло бы оно,
сверхъ златыхъ рѣчей какъ бы свинцовыми
какими монетами обременяя память, развѣ
только въ содѣйствіе красотъ служить нерѣдко
и худшее вещество, примѣшанное къ лучше-
му, доказательство сему близко. Видишь ли
этотъ надъ головою сводъ? Какъ прекрасенъ
на видъ? Какъ красиво на рѣзбѣ блеститъ
позолота? И этотъ сводъ, по видимости, весь
золотой, исписанъ какими то кругами съ много-

угольниками покрытымъ лазурью. Что же производитъ у художника эта лазурь? То, думаю, что золото, когда виднѣтъ, что оно перемѣшано съ красками, больше блеститъ. Посему, если лазурь, перемѣшанная съ золотомъ, сіяніе его показываетъ прекраснѣйшимъ; то, можетъ быть, не неблаговременно будетъ къ свѣтлости произнесенныхъ прежде рѣчей приписать и черную нашу черту. Вотъ вамъ наше вступленіе. Теперь слушайте.

Слышу, что великій Моисей, когда воздвигалъ скинію у израильтянъ, и этого Веселіица который отъ *Духа Божія* (Исх. 31, 3.) имѣлъ неизученную наукою мудрость зодчества, предлагаютъ богатымъ и бѣднымъ сообща сдѣлать пожертвованіе, и собираютъ у богатыхъ золото, багрянцу и дорогіе камни, но не отвергаютъ и бѣдными жертвуемыя деревья, кожи и козьи волоса. И не неблаговременно, можетъ быть, напоминаніе сего сказанія. Ибо мысль, какая пришла мнѣ на сердце, хочу предложить всему собранію. Веселіица Духомъ Божиимъ изъ неученаго содѣлался мудрымъ; ибо такъ говоритъ исторія. Посему да слышитъ духовборецъ: Божиимъ нарекіи Духа Святаго. Котораго сошествіе, какъ бы нѣкій слѣдъ, отпечатлѣваетъ въ душѣ благодать мудрости, ужели названіемъ Божіимъ оскорбляетъ достоинство Духа? Ужели заставляетъ думать о Немъ что либо малое и унизительное? Что

изъ тварей означается этимъ именемъ? Не думаетъ ли онъ, что Божество приобрѣтено Духомъ? Не представляетъ ли себѣ простаго и несложнаго чѣмъ-то двоякимъ и сложнымъ? Но, можетъ быть, невозможно согласиться на такія предположенія. Напротивъ того и онъ признаетъ, конечно, что Духъ, будучи Божиимъ, и есть и именуется таковымъ по естеству. Видишь ли, какъ сама собою открывается тебѣ истина? Ибо христіанская проповѣдь не знаетъ многихъ Божіихъ естествъ; иначе по всей необходимости выдумаешь и многихъ Боговъ; потому что невозможно представить себѣ многихъ Боговъ, если о множествѣ Боговъ не возвѣщаетъ инаковость естества. Посему, если, по вѣрованію всѣхъ, естество Божіе одно, и Духъ Святый по естеству Божій; то для чего раздѣляешь въ словѣ соединенное естествомъ? Но кто дастъ мнѣ силу того слова, концемъ котораго спасеніе слушающихъ? Одно слово провозгласилъ іерусалимлянамъ Петръ, и столько тысячъ человѣкъ простертымъ къ нимъ словомъ уловлено въ мрежу рыбака. А такъ много и такихъ словъ тратится учителями у насъ, и какое приращеніе спасаемыхъ! Исчезающее исчезаетъ, говоритъ нѣкто изъ пророковъ, умирающее умираетъ (Захар. 11. 9.), заблудшійся не возвращается; союзъ любви расторгнутъ; похищенъ миръ изъ сокровищницъ нашихъ. О какое бѣдствіе!

Не могу не востенать отъ страданія! Достояніемъ нашимъ была пѣкогда любовь—это отеческое наше наслѣдіе, которое чрезъ учениковъ Своихъ сокровищемъ нашимъ содѣлалъ Господь, сказавъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 13. 34.). Это наслѣдіе посѣдующіе преемники, получая каждый отъ отцевъ, хранили и до нашихъ отцевъ; этотъ только развращенный родъ не соблюлъ его. Какъ изъ рукъ нашихъ утекло и исчезло это богатство нашего житія? Обищали мы любовію, и другіе гордятся нашими благами. *Возревновашъ на беззаконныя*, такъ говоритъ псалмопѣвецъ (Пса. 72, 3.). А я, измѣняя нѣсколько сказанное, прочту такъ: *возревновашъ на беззаконныя* (п), возревновашъ, *миръ грѣшниковъ* зря. Они тѣсно соединены другъ съ другомъ; а мы другъ отъ друга отдѣляемся. Они взаимно себя ограждаютъ, а мы разрушаемъ свою ограду. Наше похитивъ достояніе, грабитель душъ отнесъ и повергъ врагамъ истины, не имъ оказывая благодѣяніе (никто да не подумаетъ этого! изобрѣтатель зла не можетъ сдѣлаться благодѣтелемъ), но чтобы ихъ привести въ худшее состояніе согласіемъ во злѣ.

(п) *Иъорноѣ*, такъ читается по печатному изданію; но не должно ли читать: *двоѣорноѣ*, то есть, на аномеявъ?

Но *чѣдъ ли внившихъ судити?* говорятъ изрекшій это (1 Кор. 5, 12.). А я какъ безъ слезъ перенесу отчужденіе братій? Какъ ушелъ, оставивъ отеческое нѣніе, юный этотъ братъ? Какъ сей другой послѣ описаннаго въ евангеліи, хотя душевную юность прикрываетъ тѣлесною сѣдпною, удалился *на страну далекую* (Лук. 15, 13.), бѣжавъ отъ вѣры? Какъ уходитъ, самъ отдавъ себѣ половину отеческаго нѣнія тѣмъ, что высокіе догматы низвелъ до низкихъ и свннхъ понятій, иждивъ богатство съ еретическими блудодѣйцами? Ибо ересь—блудодѣйца, чарующая любимыми удовольствіями. Если придетъ когда въ себя, какъ и тотъ блудный сынъ, если оиать пожелаетъ отеческой снѣди, если возвратится къ богатой транезѣ, гдѣ много насущнаго хлѣба, питающаго наемниковъ Господнихъ (а Божіи наемники всѣ тѣ, которые по надеждѣ обѣтованія воздѣлываютъ виноградникъ Божій); съ-какою поспѣшностію не одинъ отецъ потечетъ къ нему, но столько отцевъ выдутъ на встрѣчу, будутъ обнимать, съ любовію цѣловать его! Привесена первая одежда вѣры, которую несли прекрасно потрудившіеся для церкви триста осмнадцать душъ; тамъ на руку перстень, нмѣющій изображенную на себѣ печать вѣры; тамъ лики, телець, стройное нѣніе и все прочее, о чемъ сказано въ евангеліи, кромѣ братней зависти! Но для чего напрасно

измышлять намъ для себя сонныя сн мечты? Сердца братій ожесточены и пребываютъ въ упорствѣ, ссылаются на общихъ отцевъ, и не принимаютъ слѣдующаго отъ нихъ наслѣдія, изъясляютъ притязаніе на общее благородство, и чуждаются родства съ нами. Противятся врагамъ нашимъ, но и намъ непріязненны; содѣлавшись чѣмъ-то среднимъ между нами и врагами, они и ни то, ни другое, и вмѣстѣ то и другое; и праваго ученія не исповѣдуютъ, и гнушаются имени еретиковъ. Странное дѣло! Равно объявили войну и истинѣ и лжи, подобно какому-то дереву безъ корня, легко при противоположныхъ устремленіяхъ склонялся на ту и на другую сторону. Слышу, что Евангелистъ Іоаннъ въ таинственныхъ писаніяхъ говоритъ таковымъ загадочно, что въ точности должно непремѣнно горѣть духомъ, и быть хладнымъ для грѣха: *о дабы студенъ былъ еси, или горящъ!* говоритъ онъ (Апок. 3, 10.). А что ни тепло, ни холодно, но близко къ тому и другому, то возбуждаетъ тошноту, и годно на то, чтобы быть изbleванными. Какая же тому причина, что древле при ученикахъ великое множество приводится въ церковь Господомъ, а нынѣ длинныя и преукрашенныя рѣчи учителей проходятъ безъ дѣйствія?

Иной, можетъ быть, скажетъ: тогда содѣйствовали Апостоламъ чудесныя дѣла, и ученіе пріобрѣтало достовѣрность по причинѣ даро-

ваній. Согласенъ и я, что сила дѣлѣ служить великимъ побужденіемъ къ довѣрію. Но что же надлежитъ думать о совершающемся нынѣ? Не видишь развѣ подобныхъ чудесъ вѣры? Ибо себѣ присвою преспѣянія сослужителей нашихъ, которые тѣмъ же духомъ водятся въ силѣ исцѣленій. Объ истинѣ сего слова свидѣтельствуютъ мужи, приходящіе изъ земли чуждой, сограждане отца нашего Авраама, оставившіе Месопотамію, вшедшіе также *отъ земли и отъ рода* своего (Дѣян. 7. 3.), даже изъ всего міра, взирающіе на небо, преселяющіеся нѣкоторымъ образомъ изъ естества человѣческаго, ставшіе выше естественныхъ страстныхъ расположеній, столько касающіеся настоящей жизни, сколько сіе необходимо, большею же частію парящіе ввысьрь съ безплотными силами, престарѣлые видомъ, достопочтенные по наружности, сіяющіе сѣднью, молчаніемъ заграждающіе уста, неумѣющіе вести словопреній, неучившіеся сопросничать; такую имѣютъ они власть надъ духами, что совершаютъ чудеса однимъ изволеніемъ, и демоны уступаютъ не искусству умозаключеній, но власти вѣры, не доводимые до трудности прекословить, но изгоняемые во тму кромѣшную. Такъ умозаключать умѣтъ христіанинъ! Вотъ преспѣянія нашей вѣры! Итакъ почему же не убѣждаемся мы, если благодать исцѣленій прензобилуетъ, если ученіе слова

преизбыточествуетъ? *Вся же сія дѣйствуетъ единѣ и тойжеде Духѣ, раздѣляя особо кое-муждо, якоже хочетъ* (1 Кор. 12. 11.). Почему же не бываетъ приумноженія спасающихся? И никто да не помыслить настоящую благодать признавать малою! Вижу виноградникъ преукрашенный, многолѣтвистый, изобилующій плодомъ; вижу ниву волнующуюся множествомъ колосьевъ, жатва густа, снопы зрѣлы, посѣвъ обильенъ. Но что же дѣлается со мною? Естество мое ненасытимо подобнымъ сему, и я страдаю страстію богатолюбцевъ. Никакой предѣлъ обилія не останавливаетъ вожделѣнія. Непрестанно прибывающее возбуждаетъ пожеланіе большаго, служа подгнетомъ къ вожделѣнію большаго. Веселятъ меня видимое, восхищаюсь тѣмъ, что есть, и скорблю о томъ, чего нѣтъ; общая какая-то страсть, смѣшанная изъ противоположностей, объемлетъ душу; потому что удовольствіе срастворено съ печалію. Если обращаю взоръ къ вамъ, въ васъ успокоиваю рвеніе; если подумаю о прочемъ, нѣтъ у меня силъ оплакать бѣдствіе. Люди, оставивъ то, чтобы насладиться *Господеву* (Пса. 36, 4.) и веселиться миру Церкви, ведутъ тонкія разысканія о какихъ-то сущностяхъ, и измѣряютъ величины, измѣряя Сына сравнительно съ Отцемъ и избытокъ мѣры уступая Отцу. Кто скажетъ намъ: нечисленное не мѣрится; невидимое не оцѣнивается; безмол-

ное не взвѣшивается; безпредѣльное не сравнивается, несравнимое не допускаетъ до себя понятія о большемъ или меньшемъ, потому что большее познаемъ изъ взаимнаго сравненія вещей между собою: а у чего недосызаемъ конца, въ томъ немислимо и большее. Слышалъ я псаломъ. сообща воспѣвая который, вошли мы: *велий Господь, и велиа крѣпость Его: и разума Его нѣсть числа* (Иса. 146, 5.). Что же это значить? Исчисли сказанное, и уразумѣешь тайну. *Велий Господь*, а не сказалъ, какая Его величина; потому что невозможно было и сказать ея количества, но неопредѣленностію значенія возводитъ мысль къ безпредѣльному. А также говоритъ: *велиа крѣпость Его*. Слыша о крѣпости, разумѣй силу. Христосъ же есть *Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1. 24.). Но *разума Его нѣсть числа*. Исаія ясно истолковываетъ слово: *разумъ*, говоря: *Духъ премудрости и разума* (Иса. 11, 2.). Слышу, что въ блаженствахъ ублажаются *жаждущіи* (Матѣ. 5, 6.) Господа. Посему, можетъ быть, не безвременно и то, что у меня на умѣ (примите мое слово), хотя, по видимому, и нейдетъ сіе къ настоящему.

Если кто совершаетъ путь среди полдня, когда солнце знойными лучами опаляетъ голову, и жаромъ иссушаетъ все влажное въ тѣлѣ, а подъ ногами у идущаго лежитъ земля жесткая, неудобопроходимая, безводная; по-

томъ же такому человѣку встрѣтится источникъ, изъ котораго прекрасная, прозрачная, пріятная, прохлаждающая струя лѣтся обильно: то ужьли сядетъ онъ у воиы, и начнетъ любоваться о ея естествѣ, доискиваясь, откуда она, какъ, отъ чего, и о всемъ тому подобномъ. о чемъ обычно разсуждать празднословамъ, а именно, что иѣкая влажность, распространенная въ земной глубинѣ, пробивающаяся вверху и сгнетаемая, дѣлается водою, или что жилы, проходящія дольными пустотами, какъ скоро отверстія ихъ дѣлаются свободными, изливаютъ воду? Или, распростившись со всѣми разсужденіями, приклонить голову къ струѣ, и приложить уста, утолить жажду, прохладить языкъ, удовлетворить желанію и возблагодарить Давшаго сію благодать? Посему подражай и ты сему жаждущему. Скажи: и речено, какъ и дѣйствительно изречено: *блаженни жаждущіи*, и дознавъ, какія и сколь многія блага источаетъ Святыи Духъ, сдѣлай тоже. что и пророкъ, отверзи уста твои, и привлечи духъ (Пса. 118, 131.), *расшири уста твои*, и исполни я (Пса. 80, 11.), имѣя власть надъ дарованіями. Хочешь ли знать, сколько благъ изливается изъ источника Духа? Безсмертіе души, вѣчность жизни, царство небесное, непрекращающееся веселіе, радость, неизмѣющая конца. Но обращая взоръ на то, что предстонтъ мнѣ, и ущербъ

въ остальномъ признаю маловажнымъ. Нанол-
ненъ у меня благами домъ, сокровищницы на-
полнены аравійскаго злата; а можетъ быть,
скоро придутъ и нослы изъ Египта, и пред-
упредить вознести руки свои къ Богу, и цар-
ства земныя вмѣстѣ съ нами воспоютъ побѣд-
ную пѣснь Призывающему всѣхъ въ царствіе
Его. Ему слава и держава во вѣки! Аминь.

19. С Л О В О

О БОЖЕСТВѢ СЫНА И ДУХА И ПОХВАЛА ПРАВЕДНОМУ АВРААМУ.

На многоцвѣтныхъ лугахъ съ любителями таковыхъ зрѣлищъ бываетъ, что глазъ ихъ не можетъ остановиться на чемъ нибудь одномъ изъ видимаго, по причинѣ равной красоты во всемъ. но какъ все привлекаетъ ихъ вожделѣніе, то при желаніи ничего не оставить неосмотрѣннымъ, они часто остаются ни при чемъ; подобное нѣчто произошло и съ моею мыслию, когда обозрѣвалъ я лугъ Писанія. Ибо разнообразіе красоты мыслей равно ко всему влечетъ душу, и дѣлаетъ, что вожделѣніе не останавливается по невозможности въ равноцѣнномъ легко найти предпочтительнѣйшее. Вотъ какъ блистательны цвѣты въ пророчествѣ великаго Давида! А каковъ цвѣтъ —этотъ Божественный Апостолъ, показующій

красоту дѣланія райскаго, издающій великое Христово благоуханіе! Красоту же луговъ евангельскихъ опишетъ ли какое человѣческое слово?

Но мнѣ кажется, что хорошо при времени вспомнить приточное наставленіе (о), и подражать пчелѣ, о которой Писаніе (Сир. 11. 3.) говоритъ, что хотя и слаба она силами (ибо никогда невидано, чтобъ сорвала цѣлый цвѣтокъ и на спинѣ унесла въ улей), но, тонкую и пуху подобную пыль съ лепестковъ, по срединѣ цвѣтка стряхнувъ крыльями и собравъ къ себѣ на ноги, имъ производитъ эту мудрую работу, шестью ножками воздвигаетъ впрямь такое же число угловъ, и въ среднѣй гладкостію крыльевъ, какъ бы мазями какими, наводитъ доску на эти тонкія и перепончатые стѣнки (п). А чтобы и наше слово содѣлалось, какъ говоритъ Соломонъ, годнымъ *во здравіе* и царямъ и людямъ простымъ (Прит. 6, 8.), молитвою привлечемъ благодать, я и вы вмѣстѣ; потому что въ этомъ общая наша польза, лучше же сказать, въ большей мѣрѣ ваша; если получить что либо хорошее гораздо выгоднѣе, нежели сообщить. Евангеліе запрещаетъ *въ мѣли ветхи* вливать новое

(о) По синодальной рукописи подѣ N 71. вмѣсто *ἐπαυρόμενος* читается *παυρόμενος*.

(п) По той же рукописи вмѣсто *ἐν ἡλίῳ* читается *τὸν ἡλίον*.

вино (Матѣ. 9, 17.); загадочный смыслъ сего относится, можетъ быть, къ настоящему времени. Ибо недавно выжатое вино, по естественно происходящему восплащенію влаги, полно духа, и въ слѣдствіе естественнаго движенія въ видѣ ифы выбрасываетъ изъ себя грязную нечистоту. Это вино не иное что есть, по моему разсужденію, по ученію о Святомъ Духѣ, какъ говоритъ Апостолъ: *духо изъ горяще* (Римл. 12, 11.). Его-то мѣхи, если они ветхи, протекаютъ, и обветшали отъ невѣрія, не удерживаютъ въ себѣ, но разрываются отъ величія догмата. Поэтому если сообщается имъ какая нибудь высокая мысль изъ ученія, дѣлятся они на части отъ тяжести догмата: и сами становятся бесполезными по причинѣ разрыва. и производятъ, что благодать Духа лѣется напрасно. Ибо *въ злохудожеству души не видится премудрость*, какъ говоритъ Писаніе (Прем. 1, 4.).

Лучше же сказать, позвольте мнѣ подражать обычаю бѣдныхъ: ибо у нихъ въ обыкновеніи, если когда удостоиваются богатой трапезы, безъ стыда изъ предложеннаго имъ запастись пищею на слѣдующій день. Поэтому и я, воспользовавшись небольшими ифѣнными остатками вчерашнихъ дорогихъ припасовъ, изъ этого, по силамъ моимъ, припасу слово, многое изъ предложеннаго сего цѣя сберегая для гостей болѣе совершенныхъ.

Посему что́же отъ вчерашней вечери осталось невкушеннымъ и неупотребленнымъ нѣ дѣло? Исторія апостольскихъ дѣяній повѣствовала намъ о прибытіи Павла въ Аѳины, какъ, по причинѣ нестойкой преданности тамошняго народа идоламъ и привязанности къ жертвеннымъ куреніямъ, Духъ Святый раздражался въ блаженномъ Павлѣ, подобно полноводному какому-то потоку утѣсняясь въ душѣ Апостола, и не находя себѣ выхода среди недостойныхъ. Посему Павелъ вступаетъ въ состязаніе съ стояками и епикурейцами, и ставъ на ареопагѣ, отъ обычнаго имъ возводитъ ихъ къ богопознанію; потому что для вступленія въ проповѣдь служатъ ему жертвенники и надписи. Но къ чему упомянулъ я объ этомъ чтеніи? Къ тому, что и нынѣ, подобно онымъ аѳинянамъ, есть люди, *ни во что́ же ино упражняющіеся, развѣ глаголати что́, или слышати новое* (Дѣян. 17, 21.). Иные вчера и за день, оторвавшись отъ трудныхъ занятій, стали какими-то внезапными преподавателями богословія: иные, можетъ быть, слуги, не разъ бичеванные, бѣжавшіе отъ рабскаго служенія, съ важностію любомудрствуютъ у насъ о непостижимомъ. Вы, конечно, не знаете, кого въ виду имѣетъ слово; потому что все въ городѣ наполнено такими людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это торгующіе платьемъ, денежные мѣнялы, продавцы съѣст-

наго. Ты спросишь объ оволахъ, а онъ любово-мудрствуетъ тебѣ о Рожденномъ и Нерожденномъ. Хочешь узнать о цѣнѣ хлѣба, а онъ отвѣчаетъ тебѣ, что Отецъ больше, а Сынъ у Него подъ рукою; если скажешь, что пригодна баня, рѣшительно говоритъ, что Сыпь изъ ничего. Не знаю, какъ надлежитъ назвать это зло, бредомъ, или сумасшествіемъ и такою повальною болѣзнію, которая производитъ помѣшательство въ разумѣ.

Поэтому говорю, что сказаніе объ Апостолахъ къ нимъ относится. Ибо что Писаніе повѣствуетъ объ аепіянѣхъ, то нынѣ можно видѣть на этихъ людяхъ. Лучше сказать, если надобно говорить правду, то нынѣшніе поступаютъ неизвинительно и аепіянъ. У тѣхъ душевныя очи, какъ бы гноемъ какимъ, покрыты были идольскою прелестію, и не могли они самолично видѣть благочестивой истины о Сущемъ; впрочемъ, какъ бы осѣзая нѣсколько помыслами, понимали то одно, что Божество совершенно непостижимо, и превысшее всего Существо по естеству не таково, каковы почитаетъ Его разсудокъ. Поэтому исповѣдуя, что истинный Богъ невѣдомъ, воздаютъ невѣдомому чествованіе капищемъ и надписью. Ибо что мысль ихъ обращена была къ истинно сущему Богу, объ этомъ свидѣлствуетъ самъ Апостолъ, возвѣщая имъ того Бога,

предъ Которымъ, какъ думали они, выражали свое благочестіе чествованіемъ въ капищѣ. Посему не хуже ли сихъ упоминаемыхъ сумасбродствующихъ вынѣ? неуступающіе, что Божество выше ихъ постиженія, но хвастающіеся, что такъ знаютъ Бога, какъ каждый самого себя? Кто оплачетъ, сколько должно, слѣпоту этихъ жалкихъ, которые, когда въ наше время свѣтъ истины пѣлую вселенную осіяваетъ благочестивою вѣрою, одни не примѣчаютъ этого сіянія (р)? Или не знаете, какой разумѣю свѣтъ, пзобилующій въ наше время? Перечтите мнѣ эти царственныя свѣтила, которыя, по числу равняясь евангельскимъ и объѣвъ едва не весь міръ, просвѣщаютъ миромъ и благочестіемъ.—когда Творецъ всего Богъ подражаетъ первому чудодѣйствію міробытія, нстолько поставивъ великое свѣтило въ начало видимаго, но присовокупивъ къ нему и свѣтило меньшее, осіявающее отеческими лучами. Потомъ, когда вообще намъ предложено столько благъ, они, какъ обезумѣвшіе подъ ударами демоновъ, безстыдно возстаютъ противъ истины догматовъ, подобно тѣмъ стонкамъ и спикурейцамъ. съ которыми состязуется Павелъ у аѳинянъ.

(р) Начиная отъ сихъ словъ до словъ: „отеческими лучами“ включительно въ рукописи не читается.

И чтобы не подумали вы, будто бы слово прибѣгаетъ къ клеветѣ, посмотримъ на самые догматы упомянутыхъ нами. Стоики держатся той мысли, что Божество вещественно; а эти доказываютъ, что Единородный Сынъ сотворенъ; безъ сомнѣнія же, знаете, какое сродство у сотвореннаго съ вещественнымъ. Опять еникурейцамъ кажется, что нѣтъ ничего высшаго надъ составомъ и порядкомъ существъ, но все проносится случайно, безъ всякаго промысленія о томъ, что дѣлается; и чтобы короче выразить ихъ заблужденіе, скажемъ, что догматы ихъ клонятся къ безбожію. Посмотримъ же, не подражатели ли еникурейцамъ отмещущіе Сына? Никто не возражай на сіе, что Епикуръ не зналъ Отца, и не исповѣдуетъ Его Божества: посему какъ же наравнѣ съ нимъ нечествуютъ и эти, неотрицающіе Божества во Отцѣ? Осмотрѣвшись немного, найдешь, что Аномей — повый Епикуръ. Усмотримъ же это такъ. Апостолъ назвалъ Сына сіяніемъ славы, образомъ уподобленія (Евр. 1, 3.), силою и премудростію Божіею (1 Кор. 1, 20.), и всѣми подобными тому именами, пзъ которыхъ каждое, какъ бы состоя въ нѣкоторой необходимой связи съ другимъ, немислимо само по себѣ одно, но постигается во взаимномъ соединеніи обоихъ. Ибо сіяніе необходимо есть сіяніе чего либо, и образъ непременно чей либо. Посему, какъ

свѣтъ не будетъ сіяніемъ, если нѣтъ свѣто-
 поспой причинны. такъ и сіяющее естество не
 можетъ быть представлено само посебѣ безъ
 представляемаго съ нимъ сіянія. А подобно и
 образъ показываетъ вѣстасъ, вѣстасъ же по-
 знается по образу. Такъ и сила Божія не можетъ
 быть безъ Бога, и Бога неестественно пред-
 ставитъ себѣ безъ силы. Посему кто утвер-
 ждаетъ, что нѣтъ чего либо одного изъ озна-
 чаемаго въ семъ сочетаніи, тотъ вмѣстѣ съ
 силою отрицаетъ и остальное. Но защитники
 нечестія говорятъ, что Сына нѣкогда не было.
 Поэтому, если небыло Сына, то, безъ сомнѣ-
 нія, не было и Отца. Если не было сіянія, то
 не было и Сіяющаго. Если не было образа,
 то, конечно, не было и вѣстаси. Если не
 было силы, то не было премудрости; если не
 было всего того, безъ чего не можетъ быть
 Бога, то какъ былъ сый надъ всѣми Богъ?
 Это ведетъ къ мысли, что нѣтъ (с) Бога; по-
 тому что невозможно представитъ себѣ славы,
 непздающей блнстанія, вѣстаси, непмѣю-
 щей образа, а также премудраго безъ прему-
 дрости, сильнаго безъ силы, отца бездѣтнаго.
 Итакъ сказаннымъ доказывается, что отмену-
 щій Сына отменитъ вмѣстѣ и Отца. А гдѣ
 не прославляютъ Сына, не вѣруютъ въ бытіе

(с) Такъ читается по рукописи.

Отца, тамъ вовсе отмещуть Божество: отрицать же Божество не мному кому свойственно, какъ Епикуру.

Итакъ епикурейцами оказались выпѣшіе преподаватели обманчиваго ученія, въ оскорбленіе Единороднаго Сына, приписывающіе преимущество Отцу и утверждающіе, что Одинъ больше, а Другой меньше, Одинъ посылаетъ, а Другой посылается; отрывая нѣсколько о семъ изреченій изъ Писанія, они обращаются къ неразумнымъ (т) и говорятъ: Господь самъ исповѣдуеть, что посланъ Отцемъ. Ты знаешь, что посланъ; а не слыхалъ, что съ Нимъ и Пославшій? *Пославшій Мнѣ со Мною есть*, говоритъ Онъ (Іоан. 8, 29.). И сказанное не научило тебя, что и посылается, и не отлучается? Хотя посылается по челоувѣколюбію, однакоже не отлучается по недѣлимости естества. Но еще говорятъ: Единородный исповѣдуеть, что Отецъ больше Его, когда говоритъ: *Отецъ Мой болѣе Мене есть* (Іоан. 14, 28.). Итакъ изслѣдуемъ, братіе, ужели лжетъ Изрекшій: *Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 10.)? Если Отецъ больше Сына, то какъ большее вмѣщается въ меньшемъ? Если Сынъ меньше Отца, то какъ большее наполняется недостаточнымъ? Большой

(т) Въ рукописи читается: *ολιγάριθμοις* и: *τοῖς ἀνοήτοις*.

стѣняется, безъ сомнѣнія, въ меньшемъ, и меньшій не можетъ расширяться до того, что превосходитъ величиною, почему необходимо Сыну недостаточествовать во Отцѣ, и Отцу избыточествовать въ Сынѣ. И лжетъ Изрекшій: *Азъ во Отца* (если Онъ меньше, должно было сказать: *Азъ въ части Отца*), и *Отецъ во Мнѣ* (если Отецъ больше, справедливѣе было бы сказать: нѣкая часть Отца во Мнѣ). Если же цѣлый Отецъ въ цѣломъ Сынѣ, и цѣлый Сынъ въ цѣломъ Отцѣ, то гдѣ большее, и гдѣ недостаточное? И надобно ли говорить много, когда все ихъ пустословіе должно сдержать однимъ словомъ: *Иже во образъ Божіи сый, невосхищеніемъ нелицева быти равенъ Богу* (Фил. 2, 6.). Скажи мнѣ, ужели слышишь, что равенъ, а понимаешь: неравенъ? Какое новое ученіе, въ которомъ неравное выражается словомъ равенъ! Но. можетъ быть, комунибудь изъ болѣе многосвѣдущихъ прилично отыскать сему основаніе, почему и Отецъ больше Сына, и Сынъ равенъ Отцу? Ибо кажется, что сіе какъ-то не сходится одно съ другимъ.

Итакъ, оставивъ состязаніе со многими противниками, отечески побесѣдую съ вами о подлежащемъ. Знаю, что евангельскія изреченія, которыя учатъ о Господѣ, не всѣ равносильны и не отъ одного и того же достоин-

ства заимствуютъ свои значенія. Одни велегласно проповѣдуютъ высоту Божества въ Сынѣ Божіемъ; другія же нисходятъ до смиренія естества человѣческаго. Ибо когда Господь говоритъ: *Азъ ти повѣлываю* (Мар. 9, 5); и: *хочу очистися* (Мар. 1, 41.); и: *Отецъ во Мнѣ и Азъ во Отцѣ* (Іоан. 14, 10.); и: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (9.); и: *Азъ и Отецъ едино есмя* (Іоан. 10, 30.); и: *никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ* (Матѣ. 11, 27.); и: *вся Моя Твоя суть, и Твоя Моя: и прославишя въ нѣхъ* (Іоан. 17, 10.); всѣ таковыя выраженія показываютъ сплу превышшую всякаго естества и всякой власти. А когда склоняетъ рѣчь къ немощи нашего естества, тогда говоритъ слѣдующее: *прискорбна есть душа Моя* (Матѣ. 26, 38.); *еще возможно, да ми поидетъ чаша* (39.); *не можетъ Сынъ о Себѣ творити ничевоже* (Іоан. 5, 19.); *Я принялъ заповѣдь, что реку, и что возлагаю* (Іоан. 12, 49.); *всхожду ко Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17.). Сюда отнеси и слезы о Лазарѣ, и утомленіе отъ пути, и желаніе пищи, и исправиваніе воды, и пришествіе къ смоковницѣ, и незнаніе о безплодіи растенія, и сонъ на кораблѣ. Ибо все это и подобное сему означаетъ не достоинство въ началѣ сущаго Божія Слова, но снисхожденіе въ рабствѣ зракѣ уничижившаго Себя до помощи нашего естества.

Поэтому и сказано: Пославшій *Мя болій Мене есть* (Іоан. 14, 28.). Итакъ посмотримъ, отъ Кого это слово. Какъ Онъ посланъ? Во образѣ ли Божіи сый, или принявъ на Себя зракъ раба? Въ полнотѣ ли Божества, или истощивъ Себя во образѣ раба? Совершенно же явно, думаю, что о Божіей силѣ и о Божіемъ естествѣ вездѣсущемъ, все проникающимъ и все объемлющемъ, и сказать несправедливо, что посылается; потому что внѣ его нѣтъ ничего поваго (у), куда бы, не бывъ тамъ прежде, оно пришло, когда послано; напротивъ того, все содержа своею охранительною силою, не имѣетъ, куда бы могло переселиться, само будучи полнотою всего.

Посему посольствомъ называется, по волѣ Отца совершенное, снисшествіе Сына Божія къ нашему смиренію и къ нашей немощи; потому что пречистаго естества преселеніе въ нашу жизнь не мѣстнымъ признается движеніемъ Господа, но показываетъ снисхождение съ высоты славы до смиренія плоти. Посему низшло и явилось Слово, не безъ покрова, но содѣлавшись плотію; явился образъ Божій не самъ по себѣ, но во образѣ раба. Итакъ вотъ Кто сказалъ, что *не можетъ о Себе тво-*

(у) Такъ читается по рукописи.

тати ничесоуже, очевидно, потому, что сталъ плотію; ибо не мочь свойственно немощи. Какъ свѣту противоплагается тма, жизни смерть, такъ силѣ немощь; но Христосъ—Божія сила и Божія Премудрость, а силѣ, конечно, не свойственно не мочь. Ибо если сила немощна; что будетъ мощно? Посему, когда Слово утверждаетъ, что *не можетъ творити*, тогда, очевидно, не Божеству Единороднаго приписывается безсиліе, но свидѣтельству о невозможности для немощи нашего естества: а немощна плоть, какъ написано: *духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Матѣ. 26, 41.). Итакъ Божественное Писаніе въ томъ и другомъ случаѣ истинно, и большимъ исповѣдуя, и не отрицая равенства. Когда Писаніе имѣетъ въ виду человѣческое естество, тогда Невидимаго исповѣдуетъ большимъ видимаго по плоти. А когда руководитъ мысль къ Божеству, тогда сравнительное это сопоставленіе большаго и меньшаго не употребляется, а вмѣсто сего проповѣдуется единство: *Азъ и Отецъ едино есма*; но различное по неравенству не можетъ бытъ однимъ.

Достаточно ли слово наше объяснило вамъ дѣло, еретическое неравенство исключивъ изъ догматовъ благочестія? Или потребуете, какъ въ судѣ, чтобы слово сіе подтверждено было большимъ числомъ свидѣтелей? Итакъ позволѣ-

те мнѣ, оставивъ попеченіе о краткости слова, свободно вспомнить объ одномъ событіи изъ древней исторіи: а можетъ быть повѣствованіе это будетъ у насъ нелишнимъ для цѣли. Выслушайте апостольское чтеніе, кратко передающее исторію Авраама гдѣ говорится: *Аврааму обѣтовалъ Богъ, понеже не единъ изъ многихъ большихъ клятися, клятсѣ Собою, глаголюа сказанное Имъ* (Евр. 6, 13.).

Поелнку многимъ, вѣроятно, неизвѣстно содержаніе исторіи, то перескажу вамъ, сколько можно, короче. Богъ повелѣніемъ Своимъ переселяетъ Авраама отъ близкихъ ему родныхъ и изъ мѣста рожденія; и живетъ патриархъ въ чужой землѣ, укрѣпляясь въ надеждѣ на обѣтованіе. Въ испытаніе твердости предъ Богомъ обращается мужу долговременное замедленіе уповаемаго; обѣщано же было, что Авраамъ содѣлается отцемъ народа. Много прошло времени; естество потерпѣло ему собственное, потому что возрастъ у него склонился уже къ старости, а надежда все продолжалась. Въ старости и у него и у супруги, какъ и естественно, утратилась крѣпость, нужная къ чадородію. И исторія, не стыдѣсь, указываетъ на сіе, говоря, что у Сарры *престаша женская* (Быт. 18, 11). при которыхъ производится зачатіе. Хотя тѣло, по минованіи молодости, уступало природѣ, и горбилось отъ старости; однако

же надежда у нихъ на Бога какъ-то не старилась, а цвѣла. Въ это время рождается у нихъ Исаакъ, чтобы видно было, что рожденіе сіе не дѣло природы, но дѣйствіе Божіей силы. Обрадованы они были, какъ и естественно, снмъ даромъ Божіимъ: съ рожденіемъ сына, какъ бы расцвѣли опять ихъ сѣдины, у составившейся по мѣрѣ потребности потекли обильные источники молока; престарѣлая подаетъ сыну полный сосецъ. Восхищалась она такимъ сверхъ-естественнымъ чудомъ, говоря: *кто возвеститъ Аврааму, яко млекою питаетъ отроча Сарра* (Быт. 21, 7.)? Потомъ младенецъ по немногу крѣпнетъ, поспѣшаетъ въ предшествующій отрочеству возрастъ; вотъ уже отрокъ во цвѣтѣ лѣтъ, въ свѣжей красотѣ, сладостное зрѣлище для родителей, преспѣваетъ красотою, приходитъ въ большую зрѣлость; при красотѣ тѣлесной приумножаетъ въ себѣ душевныя добродѣтели. Чтб естественно было чувствовать къ нему родившимъ, это, подвергнувъ собственному разсужденію, сами изслѣдуйте въ себѣ, съ какимъ расположеніемъ отецъ смотритъ, когда сынъ забавляется, принимаетъ участіе въ борьбахъ, въ дѣтскихъ играхъ, въ наукахъ, въ пріятнѣйшихъ обществвахъ съ сверстниками! Въ сіе-то время патриарху готовится испытаніе и искушеніе, чему удѣляетъ онъ больше, любви ли къ Богу, или естественной склонности. Въ содроганіе

прихожу, пересказывая только о жестокости испытанія. Снова бесѣдуетъ съ нимъ Богъ, и призываетъ его по имени. Авраамъ съ усердіемъ повинуется призванію, по прежнимъ примѣрамъ надѣясь, конечно, получить въ приращеніе новую милость. Но вотъ повелѣніе! Какое же?

Поили сына твоего, сказано (Быт. 22, 2.). Можетъ быть, слово это не поражаетъ еще отца сердца. Ибо, конечно, отецъ разсуждаетъ что либо такое, напримѣръ дается ему повелѣніе сочетать сына бракомъ и посѣпить брачнымъ ложемъ, чтобы пришло къ своему концу благословеніе о сѣмени. Но посмотримъ, что присовокуплено къ слову; сказано: *поили сына твоего возлюбленнаго*, единокровнаго. Смотри, какія жала въ этомъ словѣ, какъ пронзаютъ отцевы внутренности, какъ разжигаютъ естественный пламень, какъ пробуждаютъ горячую любовь, называя сына и возлюбленнымъ, и единокровнымъ. Такими именами сколь сильнѣйшая могла быть возжена къ нему любовь? Потомъ что дѣлать мнѣ съ сыномъ, пріявъ его? *Вознеси Мнѣ*, говорятъ Богъ. Не жрецомъ ли приказываешь сдѣлать, кого повелѣваешь вознести? Не жрецомъ, но жертвою и приношеніемъ всесожигаемымъ въ жертву; *вознеси Мнѣ*, сказано, *во всесожженіе* на горѣ, какую тебѣ укажу. Что чувствуете,

слушая это повѣствованіе, вы отцы, вы естественномъ наученные нѣжной любви къ дѣтямъ? Знаете, конечно, какъ отеческій слухъ принимаетъ приказаніе о закланіи единороднаго сына. Кого не поразило бы такое слово? Кто не отвратилъ бы слуха? Не лучше ли умереть при такомъ повелѣніи, нежели принять сказанное къ сердцу? Не могъ ли Авраамъ войти въ судъ съ Богомъ, въ защитника своего представивъ самую природу, говоря: для чего, Господи, приказываешь мнѣ это? Развѣ для того сдѣлалъ меня отцемъ, чтобъ сдѣлать дѣтоубійцею? Для того далъ мнѣ вкусить сладостнаго сего дара, чтобы обратить меня въ притчу міру? Своими руками предамъ закланію сына, и пролью предъ Тобою родную кровь? И Ты ли приказываешь это? Ты ли увеселяешься такими жертвами? Мнѣ убить сына, отъ котораго ожидалъ я быть погребеннымъ? Такое ли ложе устрою ему? Такое ли приготовлю ему брачное веселіе? Возжгу ли для него не свѣтильникъ брачный, но погребальный огонь? Слѣдовательно этимъ буду и увѣнчанъ? Такъ сдѣлаюсь отцемъ народовъ я, которому не дано имѣть и сына? Но сказалъ ли, или подумалъ ли что нибудь такое Авраамъ? Нѣтъ. Напротивъ того, какъ скоро узналъ цѣль повелѣнія, обративъ взоры къ Божіей любви, забывъ немедленно объ естествѣ и, какъ бы земное какое бремя, сбросивъ съ

себя страстныя расположенія естества, всецѣло предалъ себя Богу и приступилъ къ исполненію повелѣнія. И даже не сообщилъ о томъ своей супругѣ, хорошо и съ пользою для себя дѣлая, что женщину не призналъ достойною вѣроятія въ совѣтъ: потому что и Адаму, принявшему совѣтъ Евынъ, не былъ онъ полезенъ. Посему, чтобъ Сарра, сама не потерпѣла чого женскаго и материнскаго, и въ Авраамѣ не ослабила сильной и чистой любви къ Богу, рѣшился онъ утаить дѣло отъ супруги. Ибо Сарра, если бы узнала, что такое дѣлается, то, по всей вѣроятности, чого бы не надѣлала, или какъ не стала бы плакаться Аврааму? Что вытерпѣла бы она, повергшись на сына и заключивъ его въ объятія, если бы видѣла, что насильно влекутъ его на закланіе? Какихъ не употребила бы рѣчей? Попадн естество, мужъ, не дѣлайся поводомъ къ дурному разсказу въ свѣтѣ! Онъ единородный у меня сынъ, единородный по мукамъ рожденія Исаакъ, одинъ въ моихъ объятіяхъ. Онъ у меня первый и послѣдній. На кого послѣ него посмотримъ за трапезою? Кто будетъ прикѣтствовать меня этимъ сладостнымъ голосомъ? Кто назоветъ меня матерью? Кто услужитъ мнѣ въ старости? Кто похоронитъ по смерти? Кто сдѣлаетъ могильную насыпь надъ тѣломъ? Видишь ли зтотъ цвѣтъ юности, который, если бы кто видѣлъ и во

врагъ, конечно, сжался бы надъ его красотою. Это—плодъ долговременной молитвы, это — отрасль преемства; это — останокъ рода, это— опора старости. Если на него заносишь ножъ; то окажи эту милость мнѣ бѣдной; на мнѣ сперва сдѣлай употребленіе этому ножу, и тогда уже, что тебѣ угодно, дѣлай надъ сыномъ, пусть общая будетъ у обоихъ могила, пусть одинъ и тотъ же прахъ покрываетъ тѣла, пусть общій надгробный памятникъ возвѣщаетъ наши страданія, пусть глазъ Сарры не увидитъ ни Авраама, который убиваетъ своего сына, ни Исаака, убиваемаго отеческими руками.

Съ такими, конечно, и подобными рѣчами обратилась бы Сарра къ Аврааму, если бы напередъ узнала, что дѣлается. Но чтобы ни въ чемъ не было препятствія предпріятію, возложивъ дрова на осла и взявъ съ собою нѣсколькихъ служителей, Авраамъ всецѣло предался Божіей волѣ. Потомъ, оставивъ служителей, чтобы не стали совѣтовать чего либо малодушнаго и рабскаго, и не воспренятствовали жертвоприношенію сына, его одного ведетъ съ собою, какъ имѣющаго уже по возрасту достаточныя силы и для тяжелыхъ дѣлъ. Пбо, съ ослицы переложивъ ношу на сына, его заставилъ нести связку дровъ. Голосъ сына снова уязвляетъ внутренности у отца;

вотъ другое искушеніе, ни мало не легче предыдущаго. Исаакъ называетъ отца этимъ сладкимъ именемъ, и говоритъ : *отче*. Но Авраама не задушили слезы, при мысли, что вскорѣ потомъ не услышитъ болѣе такого сладкаго голоса, не вздыхаетъ при этомъ словѣ, не говоритъ ничего плачевнаго и жалобнаго, но съ твердою и непоколебимою душою и сыновнее пріемлетъ слово, и свой пропозноситъ отвѣтъ. Ибо говоритъ ему: *что есть, чадо?* Здѣсь представъ себѣ и смышленость и разсудительность юнаго, какъ безобидно напоминаетъ отцу, по видимому, недосмотрѣнное имъ, не укоряя отца ни въ недогадливости, ни въ забывчивости, но напоминая о семъ недосмотрѣ, подъ предлогомъ, что хочетъ только дознаться. Ибо говоритъ : *се дрова, огонь и ножъ, гдѣ есть жертва?* Но Авраамъ, ободряя ли сына, или, какъ пророкъ, ручаясь за будущее, говоритъ: *Богъ узритъ Себя овца во всевозмѣщеніе, чадо.* И послѣ этого испытаніе души патріарховой еще продолжается. Достигаетъ онъ предуказаннаго ему мѣста, создастъ Богу жертвенникъ; сыну предложилъ отцу нужныя вещества, приготовленъ костеръ, и дѣло пока идетъ безостановочно, такъ что какой либо малодушный не можетъ сказать: если испытаніе до сего и было выдержано, то Авраамъ не остался бы такимъ же, какъ скоро болѣе этого приблизился бы къ страданію.

Послѣ сего отецъ касается сына, и природа не противится дѣлу; сынъ предаеть себя отцу, дѣлать съ нимъ все, что угодно. Кому изъ обоихъ больше подвлюсь? Тому ли, кто изъ любви къ Богу налагаетъ руки на сына, или тому, кто даже до смерти послушенъ отцу? Препираются между собою, одинъ возвышаясь надъ естествомъ, другой разсуждая, что воспротивиться отцу хуже смерти. Затѣмъ отецъ связываетъ сына сперва узами. Нерѣдко видѣлъ я живописное изображеніе этого страданія, и никогда не проходилъ безъ слезъ мно сего зрѣлища: такъ живо эту исторію представляетъ взору искусство. Исаакъ лежитъ предъ отцемъ у самаго жертвенника, припавъ на колѣно, и съ руками загнутыми назадъ; отецъ же, ставъ позади отрока (ф) на согнутое колѣно, и лѣвою рукою отведя къ себѣ волосы сына, наклоняется къ лицу, смотрящему на него жалостно, а правую ножемъ вооруженную руку направляетъ, чтобы заклать сына, и остріе ножа касается уже тѣла: тогда приходитъ къ нему свыше гласъ, останавливающий дѣло.

Какой же былъ это гласъ? Ибо едва приводимъ рѣчь свою на прямой путь, какъ нѣ-

(ф) Такъ читается по рукописи.

когого молодаго коия, непослушнаго, необузданнаго, уклонившагося съ прямой дороги и многими кругами скакавшаго по сторонамъ. А предположено нами было показать свидѣтельство апостольскаго слова, что Отецъ не больше Сына. Ибо здѣсь Писаніе, слову Божию предпоставивъ имя Ангела, приводитъ гласъ: и *воззва ѿ Ангелъ Господень*, и сказалъ: за то, что *сотворилъ еси глаголю сей, и не пощадилъ еси сына твоего возлюбленнаго, Мною Самплъ клялся* (Быт. 22, 12. 16.), исполнить все, что можно дознать и въ обѣтованіи Слова. Посему кто же бесѣдовавшій съ Авраамомъ? Ужели Отецъ (х)? Но не скажешь, что Отецъ есть чей нибудь Ангелъ. Слѣдовательно Единородный Сынъ, о Которомъ говоритъ пророкъ: *нарицается имя Его велика совета Ангелъ* (Иса. 9, 6.). Конечно, Павелъ, въ раю посвященный въ тайны, не незнаетъ того, что клятвенное сіе обѣтованіе дано Единороднымъ. А Павелъ говоритъ, что, *Аврааму обѣтовавъ, Богъ Слово, понеже ни единъмъ илииже болшимъ клятися, клялся Собою* (Евр. 6. 13.). Какъ же эти говорятъ, что Отецъ больше Сына, когда Павелъ утверждаетъ, что Сынъ не имѣетъ большаго?

(х) Въ рукописи частица *мѣ* не читается.

Но возвратимся опять къ новому евангельскому вину, чтобы, при помощи учения пріять въ себя восплѣніе духа, и намъ самимъ содѣлаться сосудами, годными для такого вина, такими сосудами, которые и сами не разсѣдаются, и не разливаютъ сокровенной въ нихъ благодати. Слышу псалмоуѣніе, пророчествующее, какъ думаю, о настоящихъ бѣдствіяхъ; ибо говоритъ оно о грѣшникахъ: *отчуждишися отъ ложесна, заблудиши отъ чрева* (Пса. 57, 4.). Ложеснами рожденных по Богу называется, думаю, церковь; потому что, въ собственномъ чревѣ своемъ неся порождаемыхъ ею, вѣрою производитъ ихъ на свѣтъ. Но грѣшники, подобно раждаемымъ преждевременно, *отчуждишися отъ ложесна, и заблудиши отъ роднаго чрева*: ибо не вижу на матернемъ ложѣ отступниковъ вѣры, и утверждаю, что пророчество говоритъ о нихъ, введенныхъ въ заблужденіе обманомъ; они *заблудиши отъ чрева*, заблудились въ томъ, что *многолаша лъжу*. *Ярость ихъ*, продолжаетъ пророкъ, *по подобію зміи*, не просто: подобно змію (*κατὰ τὴν ὁμοίωσιν ὄφιος*), чтобы уподобленіе было не животному; но прибавленіе члена къ слову: зміи (*τῇ ὄφιος*) загадочно указываетъ на несконное зло.

Но и намъ, можетъ быть, не пригодно вос-

номпнаніе о змѣ къ обличенію дерзко отвер-
зающихъ уста противъ Духа. Ибо думаютъ
имѣть сильное возраженіе противъ Духа, имен-
но то, что святое Писаніе не нарицаетъ Духа
Богомъ (какъ они думаютъ, потому что мы
не согласны съ ними),—а говорятъ: словомъ:
Божество, означается естество, а какъ этого
имени нигдѣ нѣтъ при имени: Духъ, то за-
ключаемъ изъ сего, что Духъ не одного и
того же естества съ Отцемъ и Сыномъ. Пусть
же возмутъ они змія въ обвинителя безумной
своей хулы. Ибо, какъ мы утверждаемъ, есте-
ство Божіе означающаго Его имени или само
по себѣ не имѣетъ, или не имѣетъ для насъ;
если же что и говорится о Немъ, по человѣ-
ческому ли обычаю, или и въ святомъ Писа-
ніи, то принадлежитъ сіе къ означающему
несущественныя свойства Божества: самое
же естество Божіе пребываетъ неизреченнымъ
и неизглаголанымъ, превышающимъ всякое
словесное обозначеніе. Благовременно, думаю,
предложитъ вамъ это мѣсто Писанія, гдѣ змій
объясняется съ Евою, показывая ей, что имя:
Божество имѣетъ значеніе зрительной дѣя-
тельности. Ибо, совѣтуя коснуться запрещен-
наго, объявляетъ имъ такую пользу сего не-
послушанія: *отверзутся очи ваши, и будете
яко бози* (Быт. 3. 5.). Смотри и змій свидѣ-
тельствуетъ, что словомъ: Божество озна-
чается зрительная дѣятельность; ибо не иначе

можно что либо видѣть, какъ съ отверстыми очамъ. И такъ названіе Божествомъ выражаетъ не естество, но зрительную силу. Посему ужели не признають, что и Духъ Святой видѣть? Или и это будутъ оснаивать? Ибо если видѣть, то, конечно, по сему дѣйствованію имѣть нмъ. Если же требуютъ и это дознать изъ писанія; то, хотя излишнее дѣло останавливаться на томъ, что уже признано, однако же съ терпѣніемъ представимъ незнающимъ доказательство и сему. Кто усмотрѣлъ святотатство Ананіи? Какъ узналъ Петръ, что Ананія сталъ самъ своимъ татемъ, когда татьбу произвелъ онъ въ тайнѣ одинъ съ супругою? Не Духъ ли Святой и въ Петръ былъ, и присутствовалъ (ц) при Ананіи? По этому Петръ говоритъ: *почто исполни сатана сердце твое, солгати Духу Святому? Не человекомъ солгалъ еси, но Богу* (Дѣян. 5, 3. 4.). По сему, какъ Тотъ, Кто говоритъ, что оскорбившій существо разумное оскорбилъ человѣка, не относитъ оскорбленія къ двоимъ, но отношеніе дѣлается къ одному лицу, познаваемому по разнымъ отличительнымъ свойствамъ; такъ и Петръ, сказавъ, что Ананія солгалъ и Духу и Богу, разумѣющимъ благочестиво показываетъ,

(ц) Въ рукописи слово: *ѡ* *внхнѣ* не читается.

что двумя этими именами означаетъ одно и то же. Но да содѣлаемся и мы способными къ прозрѣнію истины и причастниками Божества, по дару Святаго Духа о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

СОРОКОВАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ IV.)

СТРАН.

10.) Большое огласительное слово, раздѣленное на сорокъ главъ.....	1
11.) Къ Авлавію, о томъ, что не три Бога.....	111
12.) Къ Симпликію о вѣрѣ.....	133
13.) Противъ ученія о судьбѣ.....	144
14.) Къ еллинамъ на основаніи общихъ понятій.....	178
15.) О чревоущательницѣ.....	192
16.) О душѣ и о воскресеніи.....	201
17.) О младенцахъ, преждевременно похищаемыхъ смертію.....	327
18.) На свое рукоположеніе.....	361
19.) Слово о Божествѣ Сына и Духа и похвала праведному Аврааму.	373

О П Е Ч А Т К И.

<i>стр. строк.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно читать:</i>
6 13—14	нѣчто какъ разумное	какъ нѣчто разумное
35 1 сл.	я познавъ	воззвать
59 13 сл.	починивъ	подчинивъ
71 8 —	не уврачевано	уврачевано
90 8 сл.	Себѣ	Себя
115 11 сл.	неумалая	неумалемая
136 7 —	Несущаго.	не сущаго.
139 1 сл.	оздаемъ	созидаемъ
153 10 —	одинаково	одинаковое
157 10 —	не животное	не животное,
195 6 сл.	Божествъ	Божества
209 2 —	Указуемаго	указуемого
211 2 —	Отъ себѣ	Отъ себя
241 7 сл.	создатель	Создатель
243 2 сл.	не проводится	не приводится
— 6 —	таковыми	таковыхъ
263 2 —	по частностямъ	по частямъ
280 7 сл.	придѣлъ	предѣлъ
290 1 сл.	впадетъ	совпадаетъ
322 5 —	пріобрѣла	пріобрѣло
323 10 —	Изъ сѣмени	Изъ сѣмени
338 1 сл.	въ въ бытіе	въ бытіе
340 5 —	въ боемъ	въ комъ
343 14 сл.	какъ потому	какъ тому
345 12 сл.	и близокъ	близокъ

1 1

5
45219.